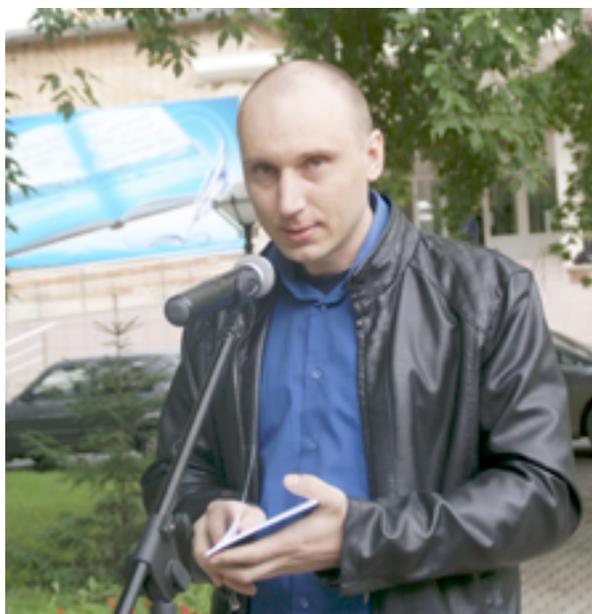

Издательство
«Северный Казахстан»

Михаил
ГВОЗДЕВ

Я верю

г. Петропавловск
2014 г.

УДК 821 (574)
ББК 84.3 (Рус)-5-2
Г 38

М. Гвоздев
Г 38 Я верю. Стихи. Рассказы. Сказки. Притчи / М. Гвоздев - Петропавловск: Издательство «Северный Казахстан», 2014 г. - 212 с.

ISBN 978-601-7247-55-4

Михаил Гвоздев родился и живет в городе Петропавловске Северо-Казахстанской области. Окончил отделение журналистики СКГУ им. М. Козыбаева. Является членом союза журналистов РК. Публикуется в областных газетах и журнале «Провинция». «Я верю» - это вторая книга Михаила Гвоздева, в которую вошли наиболее интересные, на его взгляд, произведения, относящиеся к различным литературным жанрам. Здесь есть лирические стихи, юмористические рассказы, фэнтези, мистика, сказки для детей, рассказы-притчи. Темы, волнующие автора, разнообразны: Родина и природа, любовь и разлука, жизнь и смерть, добро и зло. Этой книгой автор подводит первые итоги своего творческого пути.

УДК 821 (574)
ББК 84.3 (Рус)-5-2

ISBN 978-601-7247-55-4

© М. Гвоздев, 2014
© Издательство «Северный Казахстан», 2014

РЕЦЕНЗИЯ НА СБОРНИК ПРОИЗВЕДЕНИЙ МИХАИЛА ГВОЗДЕВА «Я ВЕРЮ»

Творчество - удивительная область человеческой жизни. Первое внутреннее движение поэта - выразить себя. Оно бывает очень сильным в человеке. Но с «работой» своей души он обязательно приходит к людям, к нам, читателям, слушателям самого разного возраста.

И сегодня к читателям пришла новая удивительная книга под названием «Я верю», полная надежд и переживаний как за свою судьбу, так и за судьбу тех, кто находится рядом с автором... Эта книга талантливого творца слова Михаила Гвоздева, победителя творческого конкурса поэтов и писателей Северо-Казахстанской области «Золотое перо», поражает своей мудростью и оптимизмом, свободной и сильной, истинно поэтической речью.

В эту книгу вошли рассказы, сказки и стихи. Стихи достаточно просты по своей структуре, но именно это делает их невероятно мелодичными и доходчивыми. Простота доносит до слушателя или читателя смысл происходившего без отвлечения на форму и другие литературные эффекты. В стихах слышна душа, ее радости и переживания.

Поэт любит жизнь, родную землю. Это чувство любви пронизывает каждую строчку его лирики. И тем удивительнее поэтический, тонкий, волнующий взгляд на жизнь, на окружающий мир и себя. Любовь к родным истокам соединяется с философскими размышлениями о сути и смысле жизни, что делает этот сборник глубоко лиричным. Очень импонирует образ лирического «я» поэта, который в сборнике не декларируется, не утверждается, а как бы просвечивает в ряде стихотворных миниатюр.

Свет, грусть, добро и любовь пронизывают и прозаические произведения Михаила Гвоздева, который пишет на животрепещущие темы, волнующие каждого читателя независимо от возраста.

Пожалуй, основная мысль книги - это глубокая убежденность в гармонической слитности бытия земного и личного. Человеческое сознание, потрясенное громадностью и неиз-

меримостью бытия, напряженно ищет ответ на самые смутные, трудные, не решаемые вопросы жизни и реализует себя в этом поиске, приходит не к однозначным плоским ответам, а к осознанию какой-то высшей гармонии, высшего смысла в явлениях природы, душевных бурях, событиях и встречах.

Для нашей области, для всех любителей современной поэзии и прозы выход книги, о которой мы говорим, - большое событие. Благодаря ей начинаешь по-новому воспринимать и жизнь, и самих себя.

Данная книга будет полезна всем любителям словесности, взрослым и детям, читателям всех возрастов. Она займет достойное место в школьных и городских библиотеках.

Книга «Я верю» рекомендуется к печати.

*Магистр филологии, ст. преподаватель
ФАО «НЦПК «Орлеу»
ИПК ПР по СКО»
Медведева О.М.*

Смислу

РОДИНА

Дороги разные по свету
Кидают в дальние края.
Им нет числа, но только эту
Хранит и ждет душа моя.

Ее всегда отыщешь взглядом,
Ее я вижу и во сне,
Что тихо ждет любовно рядом,
Тоскует нежно обо мне.

Где казахстанские равнины
И безграничные поля,
Где сердцем мы с душой едины,
И пахнет нежностью земля.

Тот запах помню с колыбели,
Там солнце ярче в сотни раз,
И шубки зимние надели
Деревья в этот снежный час.

ТЕБЕ

Скользишь босая по росе:
Мила, прекрасна, непорочна.
Ты лучше всех, я знаю точно,
И пусть простят другие все.
Тебя спустили небеса.
Как эти губы манят сочно,
Ты лучше всех, я знаю точно,
Мечтой ослеплены глаза.
Готов дышать тобой всегда,
Шептать на ушко денно, ночью –
Ты лучше всех, я знаю точно,
Как в небе яркая звезда.
Молюсь тебе, твоей красе.
Лечу на зов, не медля, срочно.
Ты лучше всех, я знаю точно,
И пусть завидуют мне все!

НОЧНОЙ СНЕГОПАД

Видимо, сломались облака.
Снега нет, хотя декабрь в силе.
Ветер рвет и мечет, но пока
Только листья сонные кружили.

Где такого мастера найти,
Чтобы починил там все, как надо,
И земля, раздетая почти,
Вздрыгнула от залпов снегопада.

И деревья мрачные стоят,
Тянут руки вверх: пора молиться.
Им давно бы надо на парад
В белые мундиры нарядиться.

Ночь смешала краски на холсте
Для своей пейзажной новой пробы.
Утром в непривычной суете
Каждый с головой нырял в сугробы.

МОЛНИЯ-ДИТЯ

Молния-дитя спешила что есть мочи,
Дождь почти не слышен, тучи все не те.
В первый раз сверкнуть хотелось ярко очень –
Небо не пускало к огненной мечте.

Вот и тучи рядом, вот бы разразиться,
Вспыхнуть и потухнуть, только вспыхнуть так,
Как богиня неба, как огня царица –
Пламенное сердце не сдержать никак.

Молния-малышка выждала мгновенье,
Подкопила силы и к земле скорей.
Промелькнуло ярко тонкое свеченье
И вонзилось грозно в маленьких людей.

МОЯ СТРАНА

Спрошу у правды: где она,
Моя прекрасная страна,
Где нет печали и разлук,
Где яркий свет любви вокруг.
Спрошу у счастья: где она,
Моя заветная страна,
Где нет обмана, боли нет,
Их в прошлом был потерян след.
Спрошу у вечности теперь:
Когда узнаю эту дверь,
Где рады всем, скучают, ждут,
Где мне откроется приют.
Спрошу у нежности тогда,
Где тихо падает звезда,
Чей путь покажет только мне
Дорогу к милой мне стране?
Вокруг безмолвие одно,
Пускай ответит хоть оно.
И прошептала тишина,
Что здесь живет моя страна.

БЕЛАЯ ЛЕБЕДЬ

Есть замок один за горами, лесами,
Дороги к нему не ведут.
Их след затерялся давно меж веками,
Забыт он, а с ним старый пруд.
Нет в замке людей, только ходят их тени,
Сливаясь с молчаньем вокруг.
Бывает, садясь у пруда на колени,
Пьют темную воду из рук.
То в танце кружат, то гуляют по парам,
То просто сидят у окна,
То кажется вдруг все полночным кошмаром,
Что снится им ночь и луна.
Там белая лебедь живет, только блики
Видны сквозь таинственный стан.
Раз в год в небе слышно любовные крики,
К ней лебедь летит сквозь туман.
Покружит немного, и сядет к любимой,
И просит лететь вместе с ним.
Нет в мире сильнее любви лебединой,
Но вновь улетает один.

НЕЗНАКОМКА

Ты смеёшься взглядом чистым,
Он, как звезды, как награда,
Рвешь силки теплом лучистым –
Только мне туда не надо.
Ты играешь, это видно,
А давай-ка вместе, дружно,
Пусть потом нам будет стыдно –
Нет, нельзя, увы, не нужно.
Сердце стонет от сомнений –
Пусть другие нервы тратят.
Прочь от всех досужих мнений!
Или нет? Да нет уж – хватит!

ПРИЗРАК ОСЕНИ

Призрак осени, как демон,
Все еще скользит в тумане,
Бьет дождем по серым стенам,
Словно горькими словами.
Шепчет, что играл сначала,
Все срезая ветром-саблей,
Только счастья слишком мало,
Жизнь пройдет с последней каплей,
Листья сложатся в тропинку
И уйдут, закату вторя,
Видя первую снежинку,
Чуя терпкий запах горя.

ВОИНАМ ЛЮБВИ...

Горит дорога за спиной,
Орудий гром угас.
Остался в прошлом первый бой,
В недавнем блеске глаз.
И мы идем, сбивая шаг,
Считая боль потерь.
Не реет больше гордый флаг,
Нет символа теперь.
Нет сил кричать, все ведал Бог,
Он знал, что мы падем.
Он слышал наш последний вздох,
Но не помог огнем.
И мы дорогой жизни вдаль
Бредем, бредем, бредем,
Вкушая горькую печаль,
Не видя света днем.
Горит дорога за спиной,
Но знают все сейчас,
Что скоро будет новый бой,
Где ждет победа нас.

Я - ПЕСЧИНКА

Я – песчинка, я ничто, словно
Вдалеке едва видна тень.
Что со мной, что без меня – ровно.
Даже думать о себе лень.

Для чего нужны слова – толку?
В зеркалах лишь пустота спит.
Что искать себя в них, все, молкну,
Но и ваш там не застыл вид.

МОЯ КОРОЛЕВА

Тонкий вкус, слова, манеры,
Гордый взгляд, лицо Венеры,
В царстве граций королева,
Мир лежит у ног.
Ты умна, вольна, как птица,
Смертным можно ли сравниться.
Кто они? Ты власти дева,
Вечности цветок.
Ясным днем и ночью лунной,
Все рабы любви безумной,
Все мечтают, грезят, жаждут
Быть с тобой одной.
Ах, наивные созданья,
Не о том гласит преданье,
Небеса иное скажут -
Будешь ты со мной.

МАЛЕНЬКАЯ ФЕЯ

Доченьке

И душа, от счастья млея,
Звонко ринется вперед –
Если маленькая фея
Нежно за руку возьмёт,

Робко, сонно, не умея,
Прячась в самых сладких снах,
Где к мечтам ведет аллея
В ярких, красочных цветах.

Я, притворствовать не смея,
Без стеснения и завес
Сделал шаг – навстречу фея,
С ней волшебный мир чудес.

ОН ОСТАЛСЯ ТАКИМ ЖЕ, КАК БЫЛ

Я остался таким же, как был,
Но глаза лишь слегка потускнели,
Да и нервы уже на пределе,
И намного уменьшился пыл.
Я остался таким же, как был,
Пусть забот и прибавилось вдвое,
И душа ноет, просит покоя,
Да и к жизни порядком остыл.
Я остался таким же, как был,
Только смерть тихо ждет у порога,
Шепчет мне, что осталось немного,
А на большее хватит ли сил?
В небе, где мириады светил,
Жалко стонет тревожная нота,
А внизу, на земле, скажет кто-то –
Он остался таким же, как был.

ДЕД

Этим утром встал он рано,
Только лишь занялся свет,
И с постели: «Где ты, мама?»
Девяностолетний дед

Всюду звал ее упрямо
И дрожащею рукой
Все манил - ответь мне, мама,
Мама, мама, что с тобой?

Не нашел ее сыночек.
Только ночью был ответ:
Мама-голубь, голубочек
Упорхнули на рассвет.

ОСЕНЬ

Звезды шепчут мне шальные,
Что зима не за горами.
И голодные ночные
Холода придут за нами.
С белым вражеским оскалом
Нападут на все живое,
Душу вспорют, как кинжалом,
И развеется родное.
И не будет больше лета,
Теплых дней, лучистых весен,
И полоской тусклой света
В нашу душу влезет осень.

Нас давит ночь, ее прохлада,
Когда тепла земного надо,
Еще холодная луна,
И тишина, и тишина.
И листья осенью глубокой,
Что на земле холодной, мокрой,
Впадают в тихий вечный сон
Под капель звон и ветра стон.
И много мыслей непонятных,
И слов, неважных и невнятных,
И просто если день плохой,
Когда, как сон, забыт покой,
Гнетет нас, если настроенье
Вдруг потеряло оперенье.
Тогда и близкий человек
Колючий, как лежалый снег.

Настанет час невыплаканных слез,
И все они настигнут нас с тобою
И унесут соленою волною
В страну печали и забытых грез.
Тогда захочешь что-то изменить,
Вернуть назад слова, поступки, мысли,
Но все они во времени зависли,
К ним нет пути, надежд истлела нить.
Подумай, что в руках твоих сейчас,
Быть может, счастья маленькая птица,
Упустишь, и, увы, не возвратится –
Все лучшее бывает только раз.

ПРОШЛОГО ГОНЕЦ

Как бьют воспоминанья
И как их плеть сладка!
Былым мое сознанье
Живет, живет пока.
Все вновь перед глазами,
Я прошлого гонец.
Не быть мне больше с вами,
Я лишь архивов чтец.
Вас вдаль ведет дорога,
Я к ней стою спиной.
Что надо мне? Немного.
Но там найти покой.

Я хотел бы хоть чуть-чуть
Обнажить тебя украдкой,
Приласкать губами грудь
И упасть в истоме сладкой
На постель из белых роз,
Где мечты сольются в стоне.
И в тумане сладких грез,
И желаний полном доме
Я хотел бы прошептать:
«Мы одни на этом свете,
Только мы», - и нежно взять
И порвать оковы эти,
Что мешали раньше нам
Утолить полночный голод.
Двум пылающим огням -
Растопить застывший холод.

А смерть целует в губы
Так сладко и так горько
И шепчет мне сквозь зубы:
- Ты человек, и только.
Ты не любил до смерти,
А я люблю особо,
За нас пусть выпьют черти
И за любовь до гроба.

ДОЖДЬ

Он, не видя преграды, идет над землей,
Сильный, властный, как сотни солдат,
Закрывая пространство слепою стеной,
Сам лишь черт ему может быть рад.
По сравнению с ним летний солнечный дождь -
Словно игры веселых детей.
Этот - черный, зловещий, таинственный вождь
Всех известных в природе дождей.
И, не зная пощады, он бьет по всему,
Тарабаня без устали в ночь.
Ты, прохожий ночной, не препятствуй ему,
А ступай по-хорошему прочь.
Вот восток покраснел, город будит рассвет,
Просыпаться пора, милый друг.
Ну, а где же наш дождь? А его уже нет -
Только черные лужи вокруг.
Ты проснулась и смотришь с улыбкой в окно,
Забывая про сон свой ночной.
Сон про дождь, но не тот, прошумевший давно,
Твой был добрый, рожденный весной.

Держи мечту, лови, я добрый
Волшебник, маг и чародей,
Всегда свободный, всем угодный,
Все для тебя, все для людей.

Захочешь – море развлечений,
Удачи, счастья и любви.
Сотру любую тень сомнений,
Все можно, только позови.

Что? Горы золота? А – богатства!
Так: силы, доблести, ума.
Еще возьми в придачу царство,
И что бы зареклась тюрьма.

Все просто и совсем не строго,
Желаний пламя здесь туши.
В ответ прошу чуть-чуть, немного –
Какой-то лишь пустой души.

ЖЮЛЬЕТТА

О, Жюльетта, дева страсти,
Похоть Франции великой,
Все в твоей коварной власти,
Либертенки страстной, дикой.
Не смотри так вожаденно
На людей, все - плод каприза.
Впрочем, страсть твоя нетленна,
В ней - развратный дух маркиза.
Ты Милосская Венера
Всех, измученных желаньем,
И сознание адюльтера,
Что живет твоим стenanьем.
Ах ты, юная блудница,
Сделав все так безупречно,
Упорхнув в века, как птица,
Будешь жить на свете вечно.

НОЧЬ

Черный бархат вокруг и немая тоска -
Снова ночь опустилась на город.
Спят деревья, дороги, дома, и пока
Правит бал всекарающий холод.
В небе вспыхнут огни, и седая луна
Будет долго смотреть грустным взглядом.
Стоит ей захотеть, и в мгновение она
Нас одарит шальным звездопадом.
Что-то ветер тихонько прошепчет в тиши,
И листва шелестнёт, отвечая.
Тут и там - скользкий мрак, и вокруг ни души,
Нет всему ни конца и ни края.
Но не вечны ни звезды, ни ночь, ни луна.
Все пройдет, чтоб начаться сначала.
В эту ночь попрощается с нами весна -
Вот уже и она отзвучала.
А за лесом ночным и за старой горой
Распускаются листья рассвета.
Город тихо взойдет над ночной пеленой
И войдет в свое новое лето.

2012

В забытом доме на краю земли
У тусклой свечки их сидело двое.
В печи едва заметные угли
Не нарушали тишину покоя.

Вокруг земля разверзлась на куски,
И солнце, задыхаясь, угасало.
Казалось, от отчаянной тоски
Спасенья нет, надежды слишком мало.

Вдруг где-то свет лучом блеснул во мгле,
Но что же встретят двое в этом свете?
Последние живые на земле.
А может, первые живые на планете.

P.S.
К две тысячи тринадцатому году
Придет конец всему людскому роду.
В две тысячи двенадцатом году
Кто в рай, кто в ад, а я домой пойду!

Мы живем, печаль скрывая,
Как же так ошиблись Майя?
Кто теперь на этом свете
Будет за обман в ответе?

Верил мир - теперь он с носом,
Нет доверия прогнозам,
Всюду лживые заветы,
Предсказанья и приметы.

Лишь слеза в глазах немая:
Кто же так вас понял, Майя?
И кричал об этом свету -
Что дурней всезнайки нету?

Жаль, что верить нам не ново,
Сухари засушим снова.
Сверху каску, в уши ваты -
И вперед, до новой даты!

СТИХИ

Стихи, что в ящике стола
Пылятся вечность злую,
Не зная света, рук тепла,
Написаны впустую.
Их смысл померкнет от тоски,
Не понят и не слышим.
И фразы рвутся на куски
В безмолвии застывшем.
Стихи должны рождаться, жить,
Читаться, быть любимы.
Нести тепло, надежды нить,
Стать в памяти хранимы.
Быть вдохновеньем для других,
В ночи светить звездой.
Не прячь, не прячь стихов своих,
Неси их в мир с собою.

В старой, выцветшей тетради,
С тонким запахом чернил
Странный мир, забавы ради,
Кто-то вывел и забыл.

Только мир живет спокойно,
Люди, словно муравьи,
То бегут, то ждут упорно
Запах смерти и любви.

Мир нелепый и нескладный,
Неказистый и чудной.
Мы решили мир забавный
Гордо называть Землей.

Где-то жизнь мою устало
Перелистывают Боги,
От начала до начала,
От веселья до тревоги.
Так и жизнь моя устало
Перелистывает годы,
И, которой слишком мало,
Дарит мне свои невзгоды.
Век стоять мне у причала,
Век идти мне по дороге,
Но - довольно, нет начала,
Хватит, успокойтесь, Боги.

К ЗВЕЗДАМ

Эта грусть породнилась со мной,
Вот и вновь не прошла стороной.
Словно старый и верный дружок,
Заглянула на мой огонек.
Как всегда, только смотрит в окно
И молчит, будто ей все равно.
Что случилось со мной в этот раз?
Почему смысл жизни угас?
Почему снова мне не до сна?
Почему пожелтела весна?
Почему я один, почему?
Этой правды никак не пойму.
Где-то в небе мерцают огни
И к себе чем-то манят они.
Вот бы взять все мечты - и туда.
И исчезнуть от всех навсегда.

ДОН КИХОТ

Так много бешеных страстей,
Взгляд застилает поволока.
Вперед, на поиски идей,
Вперед, без страха и упрека.

Как первый комиксный герой
Средневекового журнала,
Печальный образ над землей
Плывет небесного закала.

А вам смешно, а вам легко,
А он спасает наши души,
Врезаясь в нечисть глубоко -
Мечом за правду биться лучше!

Его победам нет конца,
Его затеям нет границы.
Жаль, у заветного крыльца
Не встретил он своей царицы.

P.S.
Она осталась на странице.

Душа искала человека своего,
Она бежала, падала, летела:
Людей так много, ей же нужно одного,
Чьё бродит без души пустое тело.
Почти нет времени, отчет идёт назад,
Безжалостно мгновенье отнимая.
Куда пропал он, кто бедняге виноват?
Остаться может и без ада, и без рая.
Душа искала человека своего,
Ей не было важней на свете дела.
И вот почти, почти нашла уже его,
Но не успела...

Кому-то из нас
Суждено этой ночью
Отправиться в долгий таинственный путь,
Назад не свернуть.
Ни о чем не пророчу,
Вперед, к блеску зорких, пылающих глаз.
Покой позади,
И без слез, без унынья
Ты будешь надеждой для мира людей,
Всех вечных живей.
Вмиг расправятся крылья,
И вспыхнет замерзшая вера в груди.
И если в живых,
В растворившемся стоне
Ты сможешь остаться на адских углях,
Без страха в глазах
Ты взойдешь на иконе
И станешь причисленным к лику святых.

ВО ВСЕМ ВИНОВАТА ЛЮБОВЬ

Во всем виновата любовь,
Ее белый лик, черный взгляд,
Чей сладкий, дурманящий зов
Стреляет по всем наугад.

Во всем виновата любовь,
Она, как владычица дней,
Шагает по трупам рабов,
Погибших в пучине страстей.

Ты ищешь возможность уйти
И вырвать любовь навсегда.
Она не встает на пути,
Враждебно ей чувство стыда.

Все птицы уснули в тиши,
Тебе ночь, как мука, без снов,
Лишь крик воспаленной души –
Во всем виновата любовь!

ГОРОД БЕЗ НАЗВАНЬЯ

У города нет названья
И жителей больше нет.
Стучат одиноко ставни -
По ветру воспоминанья,
Нет прошлых счастливых лет.
Здесь солнце не бьет в окошки,
А ночью и днем луна
Бросает свой свет немножко,
На все, и на то, как кошка,
Тут бродит всегда одна.
Что было здесь раньше – тайна,
Что будет – всему запрет.
Лишь кошка одна печально
Все ищет его названье,
Далекий и яркий свет.

НАДЕЖДА

Только теням нет конца,
И не писана граница.
Вот и образ без лица
В душу вновь ко мне стучится.
Обгоняя дикий страх,
Сердце рвется из капкана.
Снова эта дрожь в руках,
Впереди стена тумана.
Только редкие огни -
Угасающее пламя.
Из живых мы здесь одни
Тянем вверх надежды знамя.

День закрыл глаза - и в тучи...
Вечер рот раскрыл, зевая,
Скоро ночь забьется в кучи,
Свет фонарный избегая,
Как же там моя родная?

Листья шепчут шелест моря,
С ветром весело играя,
Только дождь улыбку скроет,
Без конца пойдет и края,
Как же там моя родная?

Как же там моя родная?
У дождя спрошу и ночи,
У листвы, что, сон срывая,
Сквозь окно мое хохочет.
Ждать ответа нету мочи.
Где же там моя родная?..

СНЫ

Там, немного дальше дали,
Наших любопытных глаз,
Спят (а как же вы не знали?)
Наши сны и видят нас.

Кто, смеясь, о чем-то скажет,
Кто-то закричит во сне,
А кому-то снится даже,
То, что он приснился мне.

Вспомни этой ночью обо мне,
Чтобы звезды в небе засияли,
В тихой, темной, беззаботной дали,
Улыбнувшись радостно луне.
Вспомни этим утром обо мне,
Чтобы солнцу не было печали,
Чтобы чувства звонко прокричали
То, о чем так грезили во сне.
Вспомни днем морозным обо мне,
Чтобы успокоить злую вьюгу,
Грозных гор заснеженных подругу,
Спящих в беспокойной тишине.
В тихий вечер ты приди ко мне,
Чтобы дать надежу и терпенье,
Губ твоих – любви прикосновенье.
И зима уступит нас весне

БОЛЬНИЦА

Не слышны нам звуки лета,
Щебетанья звонкой птицы.
Это там земля согрета –
За окошками больницы.

Это там природа в цвете -
Здесь нам нечему дивиться.
Лишь во сне с мечтой о лете,
Упорхну в окно, как птица.

БЕЛЫЙ АНГЕЛ

Белый ангел мой, как зыбок
Этот путь к твоим высотам,
Где дорогами ошибок
Топим силу по болотам.
Белый ангел мой, ты видишь
Сколько выжить не сумели?
Пали все, и вот один лишь
Я иду к заветной цели.
Белый ангел мой, ну где же
Свет твой чистый и заветный?
Вижу я его все реже,
Зов к тебе мой безответный.
Белый ангел, белый, белый...
Только вороны вскричали:
- Не последний ты, не первый,
Белый ангел – стон печали.

УГРЮМ-РЕКА

Кипит, волною бьет набат,
И сердце болью рвет тоска,
Но не в воде - в земле лежат
Кто смыт тобой, Угрюм-река.
Уставший путник смотрит в даль,
В руке весло, рука крепка.
Он сильный духом, он, как сталь,
Но ты сильнее, Угрюм-река.
За годом год, им нет числа,
Воды немало утекло,
Но в людях слишком много зла,
И топишь ты людское зло.
Так было раньше, так сейчас,
И не изменят ход века.
Как будто кровь, течешь ты в нас,
Вся наша жизнь, Угрюм-река.

Куда ведет моя дорога,
И как ее проложен путь?
Что ждет – тропинка до чертога,
Скала, с которой мне шагнуть?

И сколько занимает места
Моя дорога на листе?
Того, чье имя всем известно,
Того, кто всюду и нигде.

Несутся в пустоту вопросы,
Гремят высокие слова,
А утром вновь зажгутся росы
И вспыхнет неба синева.

Забытая роза, вопрос без ответа.
Закат впопыхах скрывается где-то,
И ночь опускается сизою дымкой,
А в сердце надежда сбивается льдинкой.
Упал лепесточек, и скатерть сгорела
Под алым огнем, лишь он так умело
Стирает все то, что когда-то сияло
Так сильно, так ярко, так страстно, так мало.

Посмотри, увидеть можно,
Не всегда туманна даль.
Там на ветках осторожно
Плачет горькая печаль.

Дальше речка, вот свеченье,
Бьются искры в берега.
Там плывет, обняв течение,
Чья-то черная тоска.

В небе видно звезд сиянье,
Только блики на свету.
Это разочарованье
Держит павшую звезду.

Грустно? Да махни рукою,
Ширмой эту даль завесь.
Нам прекрасно, мы с тобою
Вместе счастливы и здесь!

ЧЕРНАЯ КОШКА

Черная кошка, скорее, пантера
Из темноты - на колени ко мне.
Сцена молчит, и безмолвно в партере,
Все это было при полной луне.
Все это будет в закрытом театре,
Копоть и мусор скрывают цвета.
Люди-актеры ушли, жизнь в антракте,
Тени-актеры открыли врата.
Где-то из мрака шагнула принцесса,
Стайка придворных скользнула за ней.
Вот дровосек вышел хмурый из леса.
Тени-актеры играют людей.
Глухо смеется, шипит ненормальный,
Дергаясь, корчится бедный в петле,
Бьется в припадке прохожий случайный,
Трупы дрожат в бутафорской земле.
Черная кошка, нет, все же пантера,
Греет и тихо мурлыкает мне.
Я здесь один вечный зритель, мне вера
В это дает право быть при луне.

Столетний дуб просил прощенья
За всех живых, за их мгновенья,
За то, что мы бываем грубы,
За нас за всех, чьи стонут судьбы.
За яд в умах, за души падших,
За тех, кто ложно был в глашатах,
И нам твердил, что мы едины,
И мы лились, сбиваясь в льдины.
Столетний дуб поведал тайны,
А мы опять вскрывали раны.
И вновь идем дорогой падших
За зовом тех, иных глашатах.

Завяли к празднику цветы,
Зачах огонь - конец всего.
Уже ни я, уже ни ты
Разжечь не в силах вновь его.
Вокруг все так же, как всегда,
Но не метель, а только снег.
Качнувшись, падает звезда
С небесных равнодушных век.
И слов как будто больше нет,
И нет надежды, нет мечты.
Немой вопрос, немой ответ,
Уже не я, уже не ты...

А.С. Пушкину

Мне через годы и века
Как эхо, слышится строка,
И ветер вторит ей на воле -
«Я вам пишу, чего же боле».
Он нам прислал привет в стихах.
И томик Пушкина в руках
Держу и слышу, как спросила:
«Ты где, Руслан?» Я здесь, Людмила!
Кто ярче словом и сильней
Глаголом жег сердца людей,
Закрыв глаза на шепот лести?
Поэт любви, свободы, чести.
Поклон до матушки земли
Тебе (другие не смогли
Придумать Золотую рыбку)
За детство, счастье и улыбку!

СМЕРТИ НЕТ!

Смерти нет, она лишь снится
В страшных и кошмарных снах.
Там, где черная царица
Грозно гасит свет в глазах.

Смерти нет, ее случайно
Кто-то выдумал в бреду,
И теперь твердит печально
Нам такую ерунду.

Мне так это очевидно –
Смерти нет, раскрыт секрет!
И приятно и обидно,
Просто жизни тоже нет.

КОНЧИЛОСЬ ЛЕТО

Кончилось лето, а что вы хотели?
Танцы прошли под луной.
Ветер несмело качает качели,
Дети плетутся домой.
Вечер влюбленных встречает все реже,
Сам потихоньку грустит.
Где же ты, солнышко теплое, где же? –
Катишься сонно в зенит.
Кончилось лето, но мы не хотели,
Дайте еще хоть чуть-чуть.
Небо в слезах слышит запах метели.
Кто взялся лето спугнуть?

Рад я летнему подарку,
Рад, что мы идем по парку,
Просто ты и просто я,
Как друзья, но не друзья.
Видишь, как сегодня жарко,
Это все проделки парка.
Он поет, листвою шумя,
Про тебя и про меня.
Знаешь, как мне все же жалко,
Нет уже ни нас, ни парка.
Мгла спускается с небес,
Парк теперь - дремучий лес.

Зачем пылить дорогу эту,
Кляня убогость полотна,
Карманы рвать, сверяя смету,
Хмельные слезы пить до дна?

К чему мечтать? Мечта опасна!
Она красивый хищный зверь,
Ты тянешь руки, веришь страстно,
И вот без рук стоишь теперь.

Куда свернуть? Тут все в тумане.
Потерян правильный маршрут!
Давай считать тоску в кармане,
Живя надеждой выжить тут!

ВРЕМЯ

Ты, слезам моим не веря,
Невзирая на мольбы,
Так же смотришь взглядом зверя,
Так же бьешь кнутом судьбы.
Ты не знаешь состраданья
К боли, слабости в груди,
Оставляешь без вниманья
Всех, кто канул позади.
И бегу я что есть мочи,
Подгоняемый в пути
Гулом дня и страхом ночи,
Но от взгляда не уйти.
Впереди играет светом
Белый камень, но не мой.
Чей-то бег на месте этом
Оборвется за спиной.

ДИАНЕ

Летит корабль по волнам,
И в паруса бьёт ветер рьяно!
Вперед, к заоблачным мечтам,
Плывет уверенно Диана.
Белеет остров над водой,
Из предрассветного тумана
К нему летит уже стрелой
Столь юный капитан Диана.
Песчаный берег, а вдали
Играет солнце куполами,
Страна у золотой земли
Встречает ласково огнями.
Что там? Пока не знаем мы.
Но пусть не будет лжи, обмана.
Рожденная в лучах зимы,
Идет богиня к ним - Диана.

МАЛЕНЬКИЙ ГОДИК

Дочери Насте

Маленький годик без шляпы и трости
Скоро придет и попросится в гости.
Ищет по миру наш маленький дом,
Ты поспеши, мы тебя очень ждем.
Год он идет по горам и озерам,
Хочется все охватить детским взором.
Кажется все непонятным ему,
Маленький годик виною тому.
Маленький годик летит листопадом,
Слышно его, он уже где-то рядом.
Двери открой, и он тут же войдет –
Радостный, маленький, солнечный год.

Мы будем смеяться, пусть плачут другие,
Кто нас не достоин, кто верит в любовь.
Кто слышит надежду - надежды пустые,
Кто грезит мечтами, тот жить не готов.
Мы вас ненавидим, мы вас презираем,
Горите в аду, поклоняясь чертям,
Низвергнитесь в бездну, гонимые лаем.
Зачем мы все время завидуем ВАМ?

СКОРО РАССВЕТЕТ!

Ночь пугает злобно тенью из окошка,
Не смотри, не надо, подожди немножко.
Тень забьется в угол, в страхе корча рот,
Ночь сбежит, хромая, скоро рассветет!

Сны вползают в душу, липкие от пота,
Рвут когтями, режут, обозлились что-то.
Так им жить недолго: сны, как в печке лед.
Сдует, словно ветром, только рассветет!

День блестит, а люди грязные настолько,
Что стекает, даже хлюпает негромко.
Отвернись, не думай, что до их забот?
Это ненадолго: скоро рассветет!

ЦАРИЦА-ЛЮБОВЬ

Когда-то давно, в первой, может быть, сказке,
Вдали от людей, в чистоте облаков
Жила без запретов, без слов и опаски
Прекрасная фея, царица Любовь.
Любовь не ждала, а летала, как птица,
Людей навещала, вселяя в них свет,
Но люди к другому хотели стремиться.
- Любовь – это сон, - говорили, - и бред.
Все гнали любовь: кто в сердцах, кто в угаре,
Терпела она, но однажды ушла.
И пали Помпея в дыму и пожаре,
Содом и Гоморра – от грязи и зла.
Искали любовь, только все было тщетно,
Пропала навеки из яви и сна.
И вот, наконец, улыбнувшись приветно,
Кивнула счастливо мне с неба она.

День длиннее, ночь короче,
Ярко светит нам луна.
Спи, любовь, спокойной ночи,
Спи, ты у меня одна.
Звезды тянут за веревку
Наше солнце, а потом
Мы проявим всю сноровку
И окажемся вдвоем.
А затем опять дорога,
Тускло солнце светит нам.
Жалко, времени немного,
Мы плетемся по домам.
И сомкнутся сладко очи,
Снова звезды мы зажжем.
Спи, любовь, спокойной ночи,
В этой жизни мы вдвоем.

Ну зачем ты так красива,
Так чарующе горда?
Смотришь, словно прима, дива,
Без стеснения и стыда.
Почему ты так желанна,
Для чего томишь сердца,
Как увидеть, пусть туманно,
Тени твоего лица?
Божество на землю пало
И рассыпалось огнем,
Пусть тебе здесь места мало –
В этом свете мы живем.
Ты безудержно счастлива,
И тонка моя броня.
Для кого ты так красива?
Ну, конечно, для меня!

Мне не важно, где ты, с кем ты,
Мне не важно, что с тобой.
И возможные ответы
От себя гоню долой.
Мне совсем не интересно:
Почему? Зачем и как?
Все забыто повсеместно,
И отныне будет так.
Но порой бывает все же,
Как дыханье, как слова,
Вижу, нет тебя дороже.
И забуду ли? Едва.

Мой револьвер в шинели!
Разве я не хорош?
Зря вы недавно пели,
Что крив и не пригож.
Нам бы уже в постели
Плюнуть в лицо стыда.
Мой револьвер в шинели
Твердо кивает: «Да!»
Звезды смотреть не смели,
Нечего нам мешать.
Глупые, не хотели,
Мы же летим опять.
Счастливо онемели,
Это любовь, не спорь.
Да, револьвер в шинели
Чисто играет роль!

ОЖИДАНИЕ

Он ждет ее который год,
Страдает ночью, днем.
Он верит, что она придет,
Что думает о нем.
Ему является она
В тумане сладких снов,
И чистой нежности волна
Зажгла в душе любовь.
В толпе затерянных страстей
Ее он ищет взгляд,
А за окном лишь шум дождей
И тихий листопад.
А где-то очень далеко,
Но в той же дымке сна,
Ей тоже было нелегко:
Его ждала она.

ВСТРЕЧА

Рой снежинок разметая,
Из неведомого края
Мчался, убыстряя ход,
Белый, чистый Новый год.
Где-то там, в морозной дали,
Огоньки уже мерцали.
- Там меня, конечно, ждут, -
Думал Новый год. Но тут
Вдруг на встречу серый, старый,
Бывший год летит усталый,
Потупив печальный взгляд,
Смерти ждал и ей был рад.
Новый год замедлил скорость:
- Здравствуй, Старый! Вот так новость!
Что грустишь, мой старший брат?
Может, мне совсем не рад?
То придумано не нами:
Годы сменяются годами.
Было так и будет - вот,
Ты же знаешь, Старый год.
Но глаза от боли пряча,
Старый год промолвил, плача:
- Ты бы сам пустил слезу,
Если б знал, что ждет внизу.
Как и ты, и я недавно
Думал: все там будет славно.
Был на все пойти готов,
Чтоб им дать свою любовь.
Больше счастья, чистой веры
И хорошие манеры.
Как хотелось мне, пойми
Сделать тех людей людьми!
Я пытался быть их другом,
Вместе справиться с недугом,

Но, увы, смешон итог,
Ничего я, брат, не смог.
Нет, не мы диктуем время,
А они, их злое племя.
Парадокс, согласен, но
Так у них заведено.
- Нет, не может быть такого, -
Засмеялся младший снова.
- Не сумел, так не сумел,
Разрыдался мягкотел.
Не смотри ты так тоскливо,
Вон, внизу, как там красиво!
Елки всюду, огоньки:
Нет, мне плакать не с руки.
Слышишь, там смеются дети,
Радость, счастье на планете,
Мамы, папы там и тут
Все меня, волнуясь, ждут!
В общем, Старый, мне все ясно,
Все чудесно, все прекрасно.
Мой теперь начнется срок,
Я смогу что ты не смог.
Нет их, небом не хранимых,
Значит, нет неисправимых,
Голова есть на плечах,
Разум есть и свет в очах.
Я исправлю недочеты
Без потерь и без заботы.
Верь мне, больше нет проблем -
Это время перемен.
- Верить хочется мне, правда.
Что ж, не тронь тебя досада,
Ну, лети, лети вперед,
Подари им Новый год!

Бросай в огонь воспоминанья,
Туда же тихие мечты,
В утиль надежды и страданья –
Все то, о чем жалеешь ты.

Все то, что не ложится в руки,
Что между пальцами пройдет.
Довольно ждать и ныть от муки,
Бери судьбу, иди вперед.

ВЕЧНАЯ ЖИЗНЬ

За окном угрюмой тенью
Демон-часовой стоит.
Как по адскому велению
Он вдруг стал мне, как магнит.

Черный образ под луною
За вуалью толстых штор,
До утра следит за мною,
Мне внушает приговор.

Нету от него спасенья,
Ни микстур, ни колдовства.
Где б я ни был, без сомненья,
Он начнет читать слова.

И сквозь зимние узоры,
Ждет недвижно мой ответ.
Но опять закрою шторы,
Все, как прежде, сотни лет.

Ушла без оглядки,
Без слова, без мысли,
В глухом беспорядке
Минуты повисли,
Часы замолчали,
Движенье уснуло.
В багровой печали
Остывшее дуло.
Конец вышел краткий.
Хромая калека
Ушла без оглядки –
Душа человека.

ПЕРВЫЙ СНЕГ

Первый снег ложится плавно
На молчанье этих дней,
Нежно, тихо, неустанно –
Первый снег любви моей.
Ты приверженец разлуки,
Белый тайный демон зла,
Ты украл родные руки
Сокровенного тепла.
Всех загнал в свою одежду,
Ухмыляясь на лету,
Ты украл мою надежду,
Веру в чистую мечту...
Только ты кружишь и таешь –
Безмятежный лебедь дня.
Нет, ты ни о чем не знаешь,
Что случилось у меня.

Все пройдет, пройдет и это...
Только что-то мало света,
Слышно лишь, как тут и там
Все воруют по частям.
Все пройдет, пройдет и это...
Но промчалось наше лето.
И стучит затворам в тон
Злобный дождь со всех сторон.
Все пройдет, пройдет и это...
Где вы, люди? - нет ответа.
И вопросов тоже нет –
Мы продали этот свет.
И живем в другом пространстве,
На чужой теперь земле.
Деньги прах, мы иностранцы -
Будем преданы золе.

ПЕРВАЯ ЛЮБОВЬ

Хочу обнять тебя сейчас
И, может быть, в последний раз.
Моя любовь была сильнее
Во много раз любви твоей.
Она, как облачко, чиста,
Как первый снег, и неспроста:
Ты тайный мой весенний сон,
Ты первый лучик, первый звон.
Записок свет моих храня,
Ты станешь болью для меня.
Ты станешь жаждой неземной,
Навек оставшись лишь мечтой.

*Памяти учителя,
поэта В.Д. Щукина*

Спасательный круг не спасет,
Ему не подвластны тени,
Упал человек на лед,
И умер бесценный гений.

И тает от боли снег,
И ветер завыл, тоскуя,
Застыл в полушаге бег,
Следы на стекле рисуя.

Снежинки летят с небес,
Как скомканные листочки.
И пляшет безумный бес
У черной последней точки.

Сначала мы были, как звезды,
Потом превратились в огонь.
Летели, пылали, звучали,
Тогда и руками не тронь.
Но резала нас невесомость,
Нельзя безгранично гореть,
А мы все светились, мы Солнце,
Но больно на Солнце смотреть.
Потом мы пропали куда-то
И вновь на мгновение сошлись.
Кометами стали, ты дальше
Летишь, а я падаю вниз.

Если ты умрешь внезапно,
Свет твой ласковый померкнет,
То и я отправлюсь следом,
Как мне выжить без надежды.
Если я умру внезапно,
Ты лишь мило улыбнешься
И забудешь обо мне ты,
Как о вымершей проблеме.
Если мы умрем внезапно,
Наши души, словно птицы,
Взмоют в небо и сольются –
В тягость быть им друг без друга.

Последние слезы текут по щекам,
Последнюю ночь я встречаю с луною,
Последний свой сон, но уже не с тобою.
Потеряна вера – смешная мечта,
А значит, тебе я уже не чета.

Хоть раз прикоснуться к твоим мне губам:
Ту первую мысль в первый день нашей встречи
С трудом поборол и ушел в грустный вечер.
Не стоили свеч ни безумства игра,
Ни взмахи уставшего утром пера.

Себе

Слушай, хватит умирать,
Раза будет много.
Всюду воеет злая рать
В поисках итога.

Демон стонет. Это ты?
Потерялся, что ли?
Зов непознанной мечты
Сердце рвет от боли.

Для чего ты льешь, смешной,
Этих слез лавины?
Ты не знаешь их, родной,
Даже половины.

Отложи армаду книжек,
Видишь, в небе тридцать вспышек
С легким блеском серебра?
Слишком ярко, видеть больно,
Впрочем, милая довольна,
Впрочем, милая вчера.

Самойловым

Две страны, два мира, два...
Разноцветные фонтаны.
Все закончилось едва,
Замолчали ураганы.

И застыли в унисон
Окровавленной печали,
Пусть умрет кошмарный сон,
В нем враги мечту порвали.

Там цветные облака,
Здесь безликая усталость.
И теперь одна тоска
Нам осталась.

БЕЛЫЙ ФЛАГ

Обычный город, улочки кривые,
И чем-то даже он похож на наш.
Вот только люди чересчур простые,
Раз верят сказкам, в красочный мираж.
Что все всё смогут, было бы желанье,
И зло падет под натиском добра.
Что в каждом есть любовь и пониманье,
А жизнь, как сцена, где идет игра.
Что каждый вам протянет в помощь руку,
И все несчастья можно пережить.
Пусть все на свете движется по кругу,
Прорваться просто, если в жилах прыть.
Вот свет погладил крыши осторожно,
Смеется утро – радостный чужак.
И мало кто заметил, как тревожно
Играя тенью, реет белый флаг.

Всю жизнь мы ждем чего-то,
Снедаемы тоской.
Зовут одни заботы,
Работа и покой.
Всю жизнь мы ждем чего-то,
Шагая не спеша,
Но наша жизнь болото,
И тонет в нем душа.
Всю жизнь мы ждем чего-то,
Нам лень вперед смотреть,
Нам только ждать охота,
Но вот приходит смерть.

ЛОДКА

Лодка таки утонула,
Клином спустилась на дно,
Ты же горда, как акула:
- Фи, глубоко все равно!

Тянет ее в лапы ила,
Режет коралловый риф,
Ты же, как чайка, парила:
- Риф даже очень красив!

Лодка рассыпалась – вольно!
Скажете что-то, мадам?
- Лодкам на речке спокойно,
Что их несет в океан..?

Тронный зал, во мраке свечи,
Сонно пляшут светлячки.
Кто со мной здесь ищет встречи,
Чье веление руки?

Каждый шаг смеется в уши
Хрустом битого стекла.
С каждым вздохом только хуже,
Даже в душу лезет мгла.

Видно чье-то очертанье,
Трудно в темноту смотреть.
Гром и молния в сознание –
Это восседают смерть!

Спит она, моя, возможно,
Но за ней просвет – туда.
Трудно, больно, громко, сложно,
Но иначе в никуда.

Шаг, как вечность в платье рваном,
Все, спасенье впереди...
Вдруг одернули арканом,
Зашипела – «Подожди!»

НА КРЕСТЕ

Пустите меня, невозможно терпеть:
Две тысячи лет на кресте.
Все раны болят - это вечная плеть,
Что хлещет всегда и везде.
Потомки Пилата вы. Своды церквей
Скрывают мне свет облаков.
Здесь чахну сильнее и меркну быстрей.
На это я не был готов.
Вы молитесь мне, и помог бы я вам –
За вас на Голгофу взошёл.
И скован теперь по рукам и ногам –
Пустует небесный престол.

Любимому городу

Как увидеть тебя, как почувствовать свет,
Как услышать твой голос далекий?
Здесь не греет закат, здесь печалит рассвет,
Я с любовью своей одинокий.
Долго тянется путь, все не те города,
Все встречаются люди чужие.
И надежда зовет, где-то светит звезда,
Озаряя просторы родные.
Мне бы только успеть в предрассветный твой час
В еле слышные звуки ворваться.
И признаться в любви сотни, тысячи раз,
И навеки с тобою остаться.

Рассказы

ПРИКЛЮЧЕНИЯ И.И. СИДОРОВА

ДЕНЬ РОЖДЕНИЯ

Этим утром Иван Иванович Сидоров проснулся необычайно радостный – у него день рождения. А разбудил его звон посуды на кухне. Супруга уже готовилась к праздничному обеду и что-то там стряпала. Немного полюбовавшись на белый потолок и не найдя там ничего нового, именинник решил подняться. Со словами «Жаль, день рождения только раз в году» Иван Иванович оделся и поспешил на кухню дать жене несколько ценных, по его мнению, советов. Даже в этот день привычке изменять нельзя. Однако, молча посмотрев на урчащую сковородку и кипящую кастрюлю, он цокнул озадаченно. Супруга в это время стояла к нему спиной и что-то готовила на столе. При постороннем звуке Мария быстро обернулась. Очищая руки от теста, которое она месила, супруга с измазанным мукой лицом и загадочно улыбнувшимися зелеными глазами попыталась обнять мужа. Тот испуганно попятился, бормоча:

- Нет, нет, потом поздравить. Куда спешить-то? – при этом его всегда улыбающееся, жизнерадостное и умное лицо комично изобразило испуг.

- Нет так нет, - вовсе не обижаясь, ответила низким голосом та. - Тогда сходи на базар за овощами.

Одевающемуся мужу она дала указания купить килограмм лука, столько же моркови, картофеля и свёклы. С пакетом налегке именинник вышел из дому.

Покинув подъезд, Иван осмотрелся:

- Никого, а у меня сегодня день рождения, - подумал он.

Даже вечно карауливших счастливого случая закадычных друзей, Петровича у соседнего подъезда не оказалось. Не найдя никого, перед кем можно было бы похвастаться сегодняшним праздником, Сидоров поспешил, размахивая пакетом, в сторону овощного рынка.

Жена говорила, что у крайних палаток покупать не надо, а правильнее пробраться поближе к центру. Осмотрев крайние ряды, возле которых не было покупателей, он все же ре-

шил последовать правилу. «Эх, сколько народа-то сегодня... Вот и морковочка». Остановившись возле лотка с искомым продуктом, он сделал все, как его учила супруга. Причем не забыл внимательно и прищурясь посмотреть на стрелку весов. Та, попрыгав немного, твердо остановилась на отметке в один килограмм. Главное, думал наш покупатель, сделать умный вид и что ты за всем следишь – тогда не обманут и не обвешают. Точно так же он вел себя у других палаток: сдвигал брови, пригибался, чтобы лучше было видно весы, и приговаривал «так-так». Думал в то время он о том, что Мария поставит на стол, будут ли его любимые голубцы. А также о том, кто придет поздравить его, много ли наберется гостей и подарят ли ему, наконец, электробритву, о которой он так давно мечтал. И сколько раз он намекал гостям об этом ожидаемом подарке и потом уже прямо говорил, а все как-то не попадало. Через некоторое время радостный и довольный собой Сидоров спешил с четырьмя пакетами домой.

«Не зря я отжимаюсь каждый день несколько раз, можно даже в одной руке нести все купленное. И сдачи немного осталось, только бы Петруху не встретить теперь, он-то точно помнит о моем празднике. Может и забыть, но возможность выпить точно унюхает. Есть такой талант у некоторых людей. Нет, хоть в этот день рождения я предстану перед гостями трезвым, как стеклышко... от бутылки вина емкостью 0,7 литра», – он улыбнулся остроумно придуманному окончанию поговорки.

Петровича снова в поле зрения не оказалось, видимо, он уже успел найти товарища по стакану. «Ну и ладно, мне же лучше», – подумал именинник. Пулей взлетел к своей двери и протянул, улыбаясь, пакеты с овощами жене. Сняв верхнюю одежду, прошел в зал и уселся на диван, играя пальцами. Жена, шурша пакетами, скрылась на кухне:

- Вань, а что же овощи-то какие-то гниловатые? – медленно донеслось оттуда.

- Не знаю, я внимательно смотрел, – громко, изображая удивление, ответил виновник предстоящего торжества, – странно, ну подсунули, значит. Вот гады, да?

- А ну-ка я перевешаю, что-то не понятно мне тут... Иди-ка сюда...

Иван Иванович медленно поднялся и, леденея от дурного предчувствия, пошел на зов.

- Ну?

Все четыре пакета висели на крючочке безмена, который держала недовольная Мария. Поджав губы, она в упор смотрела на мужа.

- Ну? – повторила она, кивнув на ручные весы. - Сколько там?

Уверенно, не дергаясь, стрелка на циферблате показывала ровно три килограмма.

- Не говори, что последнее забрал, как же ты донес-то и не сломался? Обрати хоть дотащишь?

Еще немного попилив мужа, хозяйка развернула его и вытолкнула за дверь. Вышел Иван Иванович смурнее тучи:

- Ну вот, даже хмурый вид не помог, все равно обвешали по полной. Докажи теперь, что я не по дороге растерял. Да как же с этими продавцами бороться только? Не то что своего не упустят, так еще и в твой карман по локоть заберутся. Сейчас я такой крик подниму за то, что весь день рождения коту под...

- Иваныч! - вдруг кто-то окликнул поборника справедливости, не дав ему сказать «хвост». – Я тебя повсюду ищу. Петрович, как всегда взъерошенный, но довольный и весь сияющий, подошел к Сидорову. – Сколько шалбанов тебе сегодня причитается?

- Семнадцать, только не до шуток мне сейчас, иду правду отстаивать, - пробурчал недовольно именинник, - меня уже поздравили. Он вкратце и не стесняясь в выражениях, изложил недавнишнюю историю. Петрович с улыбкой выслушал:

- Это ты зря, ничего уже не докажешь, а у меня подарок тебе есть, пойдем в гараж...

Спустя незаметно пролетевшее некоторое время, слегка потрепанный и немного измятый, но все еще именинник, запнувшись о порог, ввалился в квартиру. Перед собой он торжественно держал долгожданную бритву.

КРИЗИС

- Вань, просыпайся, кризис наступил!

Сидоров открыл глаза, еще не совсем понимая, в чем дело. За плечо, которое торчало из-под одеяла, его трясла жена и что-то испуганно говорила.

- В новостях сегодня сказали, что денег в мире нет, всё, приплыли мы.

Сознание медленно приходило к только что проснувшемуся мужчине. Сначала он пытался понять, причём тут кризис какой-то, когда он только что был на даче и ремонтировал поливную бачок. Из него всё время текла грязная вода. И надо было бы починить его еще года два назад, да что-то руки не доходили. Ну, хоть во сне дошли, подумал полностью проснувшийся Ваня.

- Так что ты там говоришь, Маш?

- Да что же теперь будет-то? - затараторила Мария. - Мировой кризис наступил, мне сегодня по радио сказали. Что делать-то: сокращения, подорожания, дефицит. Даже подумывать страшно.

Где-то когда-то Сидорову уже приходилось слышать что-то о кризисе. Но что это такое и как получилось, он точно вспомнить не мог.

- Так что, и завтрака теперь не будет? – ещё не понимая всей беды, с улыбкой спросил Ваня, вставая и одеваясь.

- Всё тебе шуточки, поймешь ещё... коснётся, не до веселья будет потом, - договорила жена уже на кухне.

- Смотри, Маш, а вода ещё есть, - через некоторое время донеслось из ванной комнаты, - и мыло. На работу теперь не пойду, кризис же. И надо же было ему попасть на субботу.

Больше до самого обеда в семье Сидоровых тема кризиса не поднималась. А может, жена больше понимает и не зря так испугалась, подумал было Ваня, но с чем этот так называемый кризис есть и почему нечего будет есть, он понять не мог. После обеда, обуваясь и одеваясь на улицу, Ваня бросил жене:

- Пойду, подышу во дворе, может, там его найду.

- Кого? - поинтересовалась, не понимая, Маша.

- Кризис, конечно, ты что, забыла? – улыбнувшись, ответил уже в дверях муж.

На улице стояла прекрасная, солнечная погода, яркие лучи отражались от чистого снега, играли, переливаясь, так и норовили прыгнуть в глаза и ослепить. Зажмурясь, Иван дошел до беседки, где он обычно сидел с друзьями.

- Да как друзьями – товарищами больше. Нет, скорее, знакомыми. Ну как же правильнее сказать-то? Соседями по кубу, что ли? О – мужиками, - заключил, успокаиваясь, Ваня. Бывает такое, как привяжется какая-нибудь глупость.

- Привет, братец! – донеслось сзади.

Хлопнув Ваню по плечу, присел напротив сосед по дому Петруха. – А я выглянул градусы посмотреть, смотрю, ты сидишь в одиночестве, дай, думаю, скрашу. Так есть чего? - уже переходя на шёпот, спросил Петр Петрович. Звук от этого вопроса еще не успел развеяться, а его круглое лицо в веснушках уже замерло в ожидании важного ответа. Казалось, что даже рыжие космы, как всегда, торчавшие в разные стороны, невзирая на слабый ветерок, замерли в ожидании. В карих глазенках его едва заметно что-то сверкнуло. Точно так блещит призрачная надежда.

- А? – опережая ответ друга, переспросил он.

- А ты что, не знаешь, что кризис наступил великий, то есть мировой, и все - магазины пустые.

- Да ты что, шутишь, наверное? - замотал в испуге головой сосед. - Ну, ничего себе, суббота, называется. А я ведь ещё с утра что-то такое предчувствовал. Да и спал ужасно, всё время пить вставал, ворочался. А утром голова словно и не моя. Вот, значит, к чему. Кризис тому виной, а вовсе не вчерашняя бормотуха. А что за кризис-то? Типа сухого закона, что ли?

- Нет, Петя, это куда страшней, это в магазинах вообще ничего нет и купить не на что, если бы и было. Мне сон про грязную воду снился, вот, предчувствовал.

- Приветствую, как дела, о чём шепчетесь? – быстро появился и тут же присел, как бы опасаясь чего-нибудь пропустить, Семён Семёныч.

- Здорово, только зря ты, Сёма, такой радостный, мы тут про политику разговариваем, а она нас сегодня не радует, – ответил с умным видом Петруха.

- Это вы про финансовый кризис, что ли? Так это скорее экономика, чем политика, хотя кто там разберет. А что вы о нем говорите, не наших умов это дело. Не мы его сделали, не нам и расхлёбывать.

- А то, что магазины пустые, ты знаешь? – спросил Петя. - И вообще...

- Что это они пустые-то будут, с чего вдруг? Разве что цены могут подскочить, так это от страха. Нашего с вами страха.

- Ты в кого такой умный только, такие умозаключения делать, мы тут, значит, сидим с Ваней, а он приходит - зря сидите, мол, умный какой, - недовольноотреагировал Петя. - Кризис - это как чума, это страшная вещь, – при этом он вопросительно покосился на Ивана.

- Не надо его с чумой сравнивать... хотя, знаете... Когда на Руси была эта самая чума и погибли миллионы, две трети из них ушли в мир иной именно от страха перед этой чумой. Люди испугались, веря в безысходность, упал и их иммунитет, люди заболели и умирали. Да, похож на это и кризис финансовый. Богатые боятся расставаться со своими деньгами, они застаиваются в одних руках, а в другие не поступают. Это страх, который только всё усугубляет. Тогда в древности нашелся умный человек, который сумел объяснить все и вывести людей из страха. Чума была побеждена. Улыбаться надо, верить в себя и свои силы. И всё будет хорошо.

Повисла тишина, даже было бы слышно, как пролетел комар, только вот зимой комары не летают. Первым заговорил Ваня:

- Вроде бы еще не пил ты, Сёма, а уже такие речи толкаешь. Откуда такая осведомленность? - Ваня подозрительно посмотрел на товарища и сделал вид, что впервые видит его одежду, неизменно черную, гладко выбритый овал лица и всегда аккуратно уложенные черные с проседью волосы.

- Я же историк в бывшем.

- Так, значит, надо жить, как жили, и бороться по возможности? – очнулся Петруха. - Ну, я, собственно, бороться не

умею, слушайте, а давайте-ка мы за то, чтоб этот кризис, будь он неладен, ушел, хлопнем по трёхе?

- Да, пусть каждый борется своими методами, поддержим отечественного производителя, чем сможем, - согласился историк.

Уже поздним вечером Иван с чувством выполненного долга возвратился неуверенной походкой домой. Едва только жена начала было включать свою сирену, муж поднял руку, останавливая её.

- Стой, Мария, - гордо и немного запинаясь, проговорил он, - я с кризисом боролся, пока ты тут дома сидела. Устал я что-то, вымотался, давай спать.

ГРАФ ДРАКУЛА

Тёмный двор, фонарь, Сидоров.

Ну разве можно выносить мусор так поздно? Это же плохая примета. Иван Иванович, опасливо озираясь по сторонам, быстрым шагом спешит от освещенного подъезда к темным мусорным контейнерам. «Случись чего, и где меня потом искать... на свалке разве... Нет, плохая примета». Неизвестно, сколько бы так еще бубнил себе под нос Сидоров, но его размышления внезапно прервали.

- Это со мной встретиться плохая примета, Ваня, - спокойно раздалось где-то сверху.

- Кто тут? – останавливаясь и роняя ведро, испуганно выдавил Ваня.

- Да подними ты глаза-то, ёлки зеленые.

Недалеко от мусорных контейнеров на железобетонной плите, разделяющей два двора, стоял кто-то. Тела не было видно, зато глаза у незнакомца сверкали каким-то кроваво красным светом, как фонари заднего хода.

- Чур меня, - попятился Сидоров, делая руками движения, словно пытался отплыть.

- Тебя, так тебя, – промолвил тот, взмахнул руками и оказался возле мелко трясущегося человека в сланцах на босу ногу, заваленных мусором.

- Разрешите представиться, - сказал высокий черноволосый мужчина в черном плаще, из которого немного просматривалась красная подкладка. Чрезмерно высокий, словно намазанный лаком, ворот стоял почти вровень с головой. Глаза по-прежнему светились.

- Граф Дракула собственной, как говорится, персоной. Все вопросы потом – я жажду крови, то есть - пить хочу.

- Момент, я сейчас, - выпалил Сидоров и, развернувшись, быстро побежал в сторону подъезда. При этом мусор разлетелся в разные стороны, а ведро от удара ногой откатилось в темноту. Через мгновение Ваня уже стоял на своем прежнем месте и протягивал графу целлофановый пакет с чем-то.

- Что это? - сверкнув глазами, спросил удивленный Дракула. - Это курица?

- Это копченый куриный окорок, супруга себе купила на утро. Угощайтесь.

Граф спокойно взял пакет, поднес к носу, повертел, потом быстро, не вытаскивая окорочок, вцепился в него зубами, показав при этом длинные, кристально-белые клыки. Зазвучал потягивающий жидкость звук. Через некоторое время граф отодвинул от себя пакет и бросил его, не глядя, в контейнер за спиной. Чмокнув, он сказал:

- Немного недокопченный, но крови достаточно. Спасибо, друг, за диетический продукт.

- А может быть, вы и перекусить хотите? – почувствовав себя нужным человеком, сказал с ноткой уверенности Ваня и, не дождавшись ответа, снова скрылся из вида.

Через мгновение он уже опять стоял перед графом.

- Вот пельмешки, свежескупленные, не вареные, как вы любите.

Дракула, проковыряв пальцем дырку в пакете, вытащил оттуда один пельмень. Повертев его, он засунул полуфабрикат себе в рот, немного пожевал и выплюнул.

- Нет, Вань, шейное мясо я еще могу попробовать, но всё что выше, уже не моё. Да еще и в таком мизерном количестве.

- Ладно, сейчас что-нибудь придумаем. Ваня вновь исчез в подъезде, но ненадолго. Через несколько мгновений он протягивал Дракуле кусок свежего мяса. Едва прикоснувшись к

нему зубами, граф протяжно вскрикнул и кинул кусок Ване под ноги.

- Ты что, смертный, смерти моей желаешь? – глаза графа угрожающе блеснули.

- А что, а что? Свежее же мяско, свининка, - говоря это, Иван еле заметно отодвигался назад.

- Свинина ладно, пойдет, но кабан же невыделанный. Ты где это взял?

- На рынке утром купил, эх, значит, не повезло в этот раз, - затараторил было Ваня, но его перебил граф.

- Так, всё, тогда я тобой поужинаю, но больше к вам ни ногой. Ты бы еще мне принёс запить всё это водой, слегка разбавленной молоком, как у вас это принято.

При этих словах он толкнул сильными руками Ивана, тот кувырком грохнулся на землю, сильно ударившись носом. При этом он зажмурился, затем резко открыл глаза. Перед ним оказался пол их с женой спальни и тапочек. Звонил будильник. Вдруг рядом на кровати кто-то заворочался. Ваня резким движением опытного спецназовца откатился в сторону. С кровати донеслось:

- Доброе утро, Вань. Сегодня не спеши на работу, воскресенье на дворе.

БОЛЬНИЧНЫЙ

- Ой-ой-ой, что это у меня так палец разбарабанило? Надо же было так неудачно попасть не по гвоздю, а мимо. Делали бы шляпки размером с тарелку, тогда никто бы не промахивался, а то ишь ты, даже в сторону не посмотри.хлопотное это дело – гвозди забивать. Надо в больницу идти. Придется с работы отпрашиваться. – Ваня сидел на кровати, на которой только что проснулся, и крутил перед глазами бордово-красным и неестественно большим пальцем. Он подошел к телефону.

- Алло, Здравствуйте, это Сидоров. Нет, я говорю, а не спрашиваю. Узнали! У меня травма бытовая, надо бы к врачу сходить. Я возьму больничный, да? Без проблем? Ага-ага, спасибо. И вам всего доброго.

Хорошо день начинается, так мило побеседовал, такое редко бывает. Ага, теперь надо в поликлинику позвонить, талончик заказать и лечиться-лечиться. Надо же, с первого раза дозвонился, и это в регистратуру-то.

- Алло, доброе утро! Отложите мне, пожалуйста, талончик к хирургу. Да я молотком по пальцу ударил. Теперь вот раздуло, может, повредил что... Да, мне на десять удобно, спасибо.

Так, через полчаса надо бы уже в поликлинике быть, а то очереди, как обычно. Пойду потихоньку. Эх, этот автобус пока дождётся... О! Вот он! Неужели белая полоса началась в жизни? А полнёхонький-то какой, хорошо хоть по пальцу ударил, а не по ноге.

- Садитесь, пожалуйста! – девочка лет десяти встала и с улыбкой показала на сиденье.

- Спасибо, дочка! – нет, такого не бывает, мне, сорокалетнему мужчине, чтоб место уступили... нонсенс. А приятно.

В регистратуре очереди не было, отложенный талончик нашелся сразу. Перед дверью к хирургу стоял молодой человек с забинтованной головой. Причем бинт был сильно пропитан кровью. Парень переминался с ноги на ногу. Интересно, что это с ним?

- Вы крайний? – спросил Ваня с опухшим пальцем.

- Я, а что это у вас? – поинтересовался тот. - Наверное, сильно болит?

- Терпимо. Молотком шархнул, ради разнообразия, - пошутил Сидоров.

- А мне кирпич упал, - печально сказал парень.

Дверь в кабинет открылась, и оттуда вышла девушка с перебинтованной рукой.

- Проходите, пожалуйста, - сказал парень и отошел в сторону, - я могу и подождать.

Возражать Ване было неудобно, он быстро прошмыгнул вовнутрь. Доктор первым поздоровался и предложил присесть. Аккуратно осмотрев ушибленный палец, он покачал головой и предложил сделать рентген. Причем пояснил, что такая процедура с недавнего времени делается прямо на месте. Потом, уже рассматривая снимок, хирург ободряюще сказал:

- У вас всё в порядке, кость не повреждена, просто небольшой ушиб. Я думаю, что недельки на больничном вам окажется достаточно. Если что-то будет беспокоить, позвоните мне, вот вам визитка.

Из поликлиники Иван вышел, почти прыгая. И солнце светит ярко, и птички весело поют. Как же хорошо жить-то. «А хорошо жить – еще лучше!» - заключил Ваня, глядя на вывеску у магазина: «Кредиты за 15 минут». А может быть, это мой шанс? Наконец-то удастся купить моющий пылесос, жинку хоть порадовать.

В магазине у небольшой стойки с таким же плакатом стоял мужчина. При виде Вани он улыбнулся:

- Здравствуйте, чем могу быть полезен?

- Да мне бы кредит взять, - осторожно ответил Ваня.

- Конечно, вам на что?

- А какие у вас условия? – еще осторожнее спросил Ваня.

- Документов не нужно, кроме удостоверения. Если с собой нет, то можете потом принести. Если вы возьмете кредит на год, то будет три процента от стоимости.

- Это что - у нас теперь как на западе стало? – удивлению Вани не было предела.

- Да! А почему бы и нет. Вы выбирайте вещь. Доставка у нас бесплатная.

Ваня выбрал самый большой пылесос. Взяв его за ручку, он вдруг почувствовал резкую боль в пальце, от которой и проснулся.

Неужели это был всего лишь сон? Ваня пустил слезу. Посмотрел на ушибленный накануне палец, который распух и невероятно ныл. А вдруг сон окажется вещим? Ваня взял телефон и набрал номер работы.

- Алло, это Сидоров, здравствуйте! Как какой? Иван Иванович, работник ваш. Я звоню сказать, что заболел, травма у меня бытовая... молотком по пальцу ударил. Зачем по голове? Ну, без содержания, так без содержания.

Эх, с утра настроение испоганят и глазом не моргнут. Так, талончик отложить. Минут через двадцать Ване всё же удалось дозвониться до регистратуры. Изложил свою просьбу. Ответ даже обескуражил:

- У нас талончики не откладывают, приходите и берите, - затем раздалась телефонная гудка.

На остановке уже стоял нужный автобус, и в него заходили люди. Так, если побежать, то должен успеть. Автобус, действительно, словно ждал, но ровно до того времени, пока Иван не подбежал к нему вплотную. Двери перед носом с лязгом закрылись, и автобус медленно стал отъезжать. Что есть силы Ваня со злостью ударил кулаком по автобусу. Раздался страшный грохот, который еще не стих, а двери уже открылись. Только так они понимают. В автобусе было битком народу, причем стояли все взрослые, а сидели только молодые. С оттоптанной ногой Иван подошел к двери поликлиники. Открывая её, Ваня чудом успел отклониться от вывалившегося мужчины. Тот бешеными глазами взглянул на вновь прибывшего и почти закричал:

- Я крайний.

- Теперь уже я, - перебив настроение толпы, пробурчал Ваня.

Пока он стоял в очереди и слушал крики, Иван услышал много новых слов, вспомнил что-то из забытого. Через каких-то три часа Сидоров не получил желаемого талончика – они, как выяснилось, закончились еще в самом начале. Изрядно потрепанный и уставший, Ваня поднялся к кабинету хирурга. К счастью, очереди уже не было. Почувствовав слабую надежду, Ваня открыл дверь. Напротив врача сидела девушка и вздохом что-то рассказывала. Хирург, подперев голову рукой, внимательно слушал, иногда лишь спрашивая:

- А он что? А она что? А они что? А ты где была?

Ваня извинился и спросил, можно ли войти. Тот лениво бросил:

- А у вас талончик есть?

- Нет, они закончились, едва начавшись.

- Само собой, я сегодня только шесть выписал. Теперь приём платный.

Ваня заплатил. Девушка уступила место пациенту и пересела на кушетку. Врач же небрежно взглянул на распухший палец.

- Ну, голубчик, так сразу и не скажешь, надо делать рентген. Только у нас аппарат три года как сломан, придется ис-

кать в других местах. Если найдете, то приходите ко мне уже без очереди. Сказав это, он тут же повернулся к своей собеседнице:

- Так-так, а она что?

По дороге домой угрюмый и уставший Ваня вдруг заметил вывеску у магазина. «Как во сне!» – почти выкрикнул он. Может быть, хоть здесь повезет? Но, увы, работник объяснил вежливо и доброжелательно Ване, что нужно собрать кучу документов. Посчитав в уме, Сидоров понял, что переплата обойдется почти в половину суммы.

Дома Ваню уже ждала супруга. Внимательно осмотрев палец мужа, она тут же сделала ему компресс. К вечеру боль стихла, а утром и опухоль прошла.

- Ладно, хоть сегодня ничего сказочного не приснилось, - глядя на все тот же палец и сидя на той же кровати, думал Иван, – не в чем разочаровываться.

ПАДЕНИЕ

- Ну надо же было так кувырнуться, - Иван, отряхиваясь от снега, осторожно поднялся. - Вот раньше песочком хоть посыпали, а теперь падайте все, кому не лень, вот они - сюрпризы ранней весны.

Осмотревшись и решив, что со стороны не видно о его недавнем приземлении, Сидоров уже было хотел продолжить путь, как вдруг услышал чей-то истошный смех. Оглянувшись, он увидел двух молодых людей, которые стояли неподалеку и, показывая пальцем в сторону незадачливого пешехода, ухахатывались что есть мочи.

- Ничего себе, какая молодежь стала прямолинейная и беззастенчивая, – подумал Ваня и пошел прочь быстрым шагом. А ведь и не болит совсем ничего, всегда бы так падать, а то в прошлый раз месяц пришлось на больничном проторчать. А дом-то всего через квартал. Может быть, стоило быстрее идти, тогда бы смог проскочить по времени это нелепое падение. И кто-нибудь другой бы растянулся. Так думаешь, глядя на уходящий автобус. О, надо в магазин зайти.

В магазине за прилавком стояла уже немолодая, но симпатичная женщина с обесцвеченными волосами. При виде покупателя она скривила гримасу и недовольно заявила:

- Мужик весь в снегу, пьяный, что ли? Ну, это только на руку – не обвешаю, так обсчитаю.

- А все-таки я хорошо шваркнулся, раз такое слышится, - подумал Сидоров и обратился к продавцу:

- А у вас что к чаю есть?

- А ты бы глаза разул и посмотрел, - в том же тоне заявила та. - Пряники есть.

- Свежие? – осторожно и плохо понимая происходящее, спросил Иван Иванович.

- Ага, будут они свежие... Ну, я вообще их перемешала недавно со свежими, если повезет, то даже попадетсЯ один.

- Ну, давайте вон тот мешочек за восемьдесят, - и он показал на пряники в пакете с ценником.

- Восемьдесят один с вас, - подавая товар, сказала продавец, глядя Ивану прямо в глаза. - Не, я, конечно, понимаю, что упаковка бесплатная, но...

- Пельмени вкусные? – не желая слушать этот бред, прервал Ваня речь продавца.

- Конечно, хотя кто их знает, но второй раз никто не берёт. Да, пельмени подорожали, я так решила.

- Нет, спасибо, на этом всё.

- Вот жмот, у меня трое детей, а сегодня покупать не хотят ничего, что я домой принесу? – почти прокричала женщина в спину уходящему Ивану.

ВыйдЯ из магазина, Сидоров помотал немного головой, словно пытаясь проснуться, и пошел дальше, проматывая в памяти всё происходящее. Неожиданно сзади раздалось:

- Мужчина, а у вас деньги есть?

В это же мгновение его окружили люди в форме. Продолжил разговор парень в сержантских погонах:

- Ну вы бы хоть немного выпили, чтобы хоть какой-то повод был задержать вас и обшмонать! Двое других патрульных быстро окружили Ивана. Один другому сказал:

- Как думаешь, в этот раз с нами поделится?

- Да ты посмотри, он же трезвый совсем, вот смена начинается: плохая примета. Плохая примета, плохая примета, - переминаясь с ноги на ногу, эхом повторили остальные.

Промурыжив немного и проверив документы, Ивана отпустили, при этом, правда, патрульные громко выругались.

Голова разрывалась от всего, что происходило вокруг. Сидоров первый раз в жизни ничего не понимал, ну, почти первый. Он замычал от злости сквозь зубы и перешёл по пешеходному переходу через дорогу на другую сторону. Чтобы его пропустить, остановился автомобиль. Водитель открыл окно и закричал:

- Эй, пешеход долбаный, ты думаешь, этот знак для тебя повесили? Скажи спасибо, что я такой добрый сегодня, - при этих словах водитель надавил несколько раз на педаль газа. При этом двигатель заурчал пугающе, громко и протяжно. Ваня, подпрыгнув, прибавил шагу и почти перебежал на тротуар. Прямо напротив над новым магазином мягкой мебели красовалась надпись: «Банкрот за пятнадцать минут».

Остальной участок пути Иван старался не смотреть по сторонам и не слушать разговоры прохожих. Уже возле своего подъезда он все же взглянул на беседку, где они обычно собирались с друзьями. Одновременно с этим сидящий там мужчина повернулся в его сторону и что есть мочи заорал:

- Ванёк, наконец, ты пришел, а я жду, жду, как проклятый. Ты же недавно зарплату получил, наверняка что-то осталось, давай угощай. Ты вчера хвалился значкой, - добавил он, поднимаясь и разводя в приветствии руки. Ваня отвернулся и быстро вбежал в подъезд. Лестничные пролёты мелькали так, словно он бежал по скоростному эскалатору. Не чувствуя ног, подскочил к своей двери и надавил на звонок. Открыла взъерошенная и напуганная супруга, Ваня запрыгнул в квартиру и затараторил, перебивая вопросы Марии:

- Что-то странное происходит на улице, да повсюду. Люди говорят, что думают... ааа, - Ваня, приложив руку ко лбу, в бессилии опустил на пуфик. Голова болит, а чем так странно пахнет, фу, дышать нечем...

- Он, похоже, начал приходить в себя, - сказала звонким голосом молодая девушка в синем пуховике, надетом на бе-

лый халат. Убрав от Ваниного носа ватку с резким запахом, она продолжила. - Как вы себя чувствуете? Вы, видимо, упали...

- Да это вы все свалились откуда-то, - завопил пострадавший и, неожиданно быстро встав, побежал, отмахиваясь от сотрудников «Скорой помощи».

ИСПОВЕДЬ

Иван Иванович в нерешительности остановился и посмотрел на едва видневшиеся вдали своды православного собора. Обернувшись назад, он на мгновение задумался, затем снова продолжил свой путь. В голове его решалась серьезная дилемма...

- Ну, какие у меня могут быть грехи: живу ведь на одну зарплату? Взятки не беру, да и не у кого, да и не дают что-то. Интересно: а вот взял бы или нет, ну, если бы предлагали? Мало бы точно не взял. Из-за копеек грешить ещё... я не такой, я верующий.

Ваня, не сбавляя шага, снова устремил взгляд в сторону отливающих золотом куполов. Играющие солнечные лучи вдруг сверкнули так, что пешеход на мгновение зажмурился. Затем, поморгав и опустив взгляд, пошёл дальше.

- Употребляю ли я спиртное – не знаю, сложный вопрос. Это смотря что считать спиртным: вот пиво - это тот же квас, вино, так его и дома можно делать. Что такого перед едой замахнуть в виде оперитивчика с пол-литра, разве это грех, - говоря это, Ваня кивнул в знак согласия с самим собой. - А самогон - тот вообще издревле в народе употребляли... А водка - она что, если не палёная, чистенькая да холодненькая, да с огурчиком солёненьким, - он тяжело и смачно сглотнул, - это же вообще во благо. Нет, здесь я тоже чистенький, добавил он и похлопал ладошкой об ладошку, словно отряхивая от пыли. При этом он неожиданно споткнулся и несколько шагов пробежал, пытаясь выровнять шаг. Когда это всё же удалось, Иванович вздохнул:

- Нет, курить надо бросать, к тому же это грех. Сколько раз я уже пытался, и не вспомнить уже. Бросать легко – бросить

трудно. Ладно, не сегодня, так завтра завяжу и всё. Так что для меня и это не грех. Так, временная слабость.

Думая это, Ваня резво перепрыгнул откуда-то взявшуюся лужу. «Главное - всё делать вовремя», - непонятно почему за-ключил он.

...Ну, что там ещё, какие грехи-то бывают? Жене я своей не изменял, что я, дурак что ли? А если бы она вдруг узнала, - он поморщился, - зашибет же. Или отомстить попытается, да женщина она у меня видная - многие глазают. И зачем тогда, спрашивается, жениться было, гуляли бы себе врозь да радовались. Даже если бы на меня смотрели женщины, все равно бы не поддался.

Он бросил взгляд на купола совсем уже близкого собора, те, словно улыбаясь, переливались всеми цветами радуги.

- Да, да, я и не ворую даже. Давайте все, кому не лень, а я не возьму, даром не надо чужого. Вот своё не отдам, но и чужого не возьму. Такой я! А то, что я с работы таскаю, так это моё, собственными руками собрал. Почему бы и не взять?! Тут просто понимать всё правильно надо.

Внезапно из ближайшего двора выскочили и пронеслись перед самым пешеходом сначала чёрная кошка, а затем белая собака. Идущий на исповедь остолбенел. Придя в себя, он пробурчал, глядя вслед собаке:

- Да не догонишь ты её, кошка - это такой зверёк, который от кого угодно увернётся, извернётся и будет таков. Это хитрая бестия! Так, а мне идти надо. - Иван Иванович зашагал дальше. - И не завидовал я никому, по крайней мере, не помню, кому именно. Вот мне завидуют, это уж точно. Прелюбодеяние там вроде бы еще есть, только я не могу понять, что это такое. Значит, тоже не имею чести знать и попробовать. А, там ещё убийство, нет, это совсем не про меня, разве что мух и комаров я истребил великое множество. Ну, это вряд ли тяжкий грех, - Ваня гордо улыбнулся. - А вот и собор.

Здание собора величественно возвышалось перед ним. На мгновение Ивану стало немного страшновато. Однако разглядев среди восседавших на паперти своего старого знакомого, он весело подошёл к нему. Десятки рук устремились в

сторону вновь пришедшего. Замотав в знак отрицания руками, он подошёл к соседу Васе.

- А ты это чего тут делаешь?

- Вот, решил попробовать, говорят, неплохо можно заработать, не как попы, конечно, но все-таки. Правда, пока так себе, - неловко пробурчал рассекреченный сосед, - но сегодня за мой счёт...

- Ладно, давай! – Иваныч небрежно махнул рукой и вошёл внутрь.

Внутри собора Иван сразу же прошёл к кучке народа, к тем, кто ждал своей очереди на исповедь. Как выяснилось, мужчин в очереди уже не осталось, и женщины быстрыми движениями рук показали, чтобы Иван скорее продвигался вперёд. Подойдя к священнослужителю, он поздоровался.

- И тебе желаю здравствовать, - ответил густым басом батюшка. - С какими грехами ты пожаловал?

Немного замявшись, Ваня быстро проговорил:

- Да вот вы знаете, а грехов-то у меня и нету.

Священник приподнял в удивлении брови и слегка выпрямился:

- А зачем же ты тогда сюда пожаловал, разве что на икону решил взойти? – батюшка уголком губ слегка улыбнулся.

- Нет, отче, я на грешников посмотрю чуть-чуть с вашего позволения.

- Я не отче, - плохо сдерживая раздражение, проговорил тот, - заходи, когда грехи одолеют.

Домой Иван Иванович возвращался грустным. Какая-то мысль всё время терзала его. Вот только какая, Ваня так и не смог понять.

«МЫ ОТКРЫЛИСЬ!»

- По идее, если разобраться, утро должно радовать, как-то веселить и бодрить. А это что за утро такое грустное в день зарплаты... Каждый месяц в этот день ну никакого настроения. Даже несмотря на то, что оказался выходной. Выходной должен радовать, а тут все утро испорчено. Слово-то еще какое гордое: ЗАРПЛАТА! А это разве оплата труда? Стыдобище! И не отвертись – жена дома, что за безысходность!

Примерно в таком русле размышлял Иван Иванович, пока шел от своего дома к ближайшему банкомату. Находился он в трех кварталах, поэтому было время подсчитать, сколько он зарабатывает в день. Сосчитав, мужчина вдруг встал как вкопанный, опустил и без того потухший взгляд и растерянно оглянулся в сторону дома.

- Нет, раз уж пошел, теперь только вперед, ни шагу назад, русские не сдаются!

Вот она, долгожданная машина, - презрительно прошипел Ваня и неспешно подошел к банкомату, вмонтированному в кирпичную стену. Обошел мусор возле него: бумажки, пакетики, чеки и много чего еще. Нашел же кто-то применение этому месту. После нескольких ошибок и выкриков: «Ну, давай же, тупое устройство!» Ваня отошел от денежного аппарата. Потрогал слегка припухший карман и зашел во двор незнакомого дома. «Так пойду домой, чтобы никто не видел», - решил он.

Немного погодя Ваня, все так же глядя вниз, проходил мимо какого-то магазинчика и, не поднимая глаз, молча зашёл в него. Через пять минут в дверях показалось уже довольное и покрасневшее лицо. Вытерев рукой усики и блеснув жизнерадостно глазками, он направился бодрой походкой в сторону дома.

- Нет, а чем это утро плохое? Солнце светит, воздух свежий и птички (он посмотрел вверх), птички тоже где-то должны быть. Смотреть просто надо глубже, дальше и ширше.

Ваня улыбнулся и посмотрел на магазины, расположенные по той стороне улицы, где он шёл. Чуть ли не на каждом из них сверкала призывно красным светом вывеска: «Мы открылись!» (а кое-где и с тремя восклицательными знаками). Нет, желания зайти хоть в один из них у него почему-то не возникало. Ваня просто шел дальше, поглядывая на эти открывшиеся магазины равнодушным взором. Да, честно говоря, так, похоже, думали все прохожие, которые не обременяли эти торговые точки своим посещением. Но вдруг прохожий остановился и удивлённо прищурил глаза. Возле следующего магазинчика толпился народ. На козырьке здания, величественно мигая разноцветными огнями, гордо

сверкала надпись: «Мы открылись!» Это было не так сухо, как у других, а как-то броско и притягательно.

Ваня подошел к толпе.

- Что предлагают, от чего невозможно отказаться?

- Да кто его знает, - отозвался крайний мужчина, - этого не написано, да вот уже сейчас откроют. И, действительно, белые высокие двери со звонком отворились, и показался широкий проход. Люди быстро прошмыгнули в него, словно опасаясь опоздать, но сразу за порогом толпа снова остановилась в том же порядке. Ваня обошел всех и увидел огромный и пустынный павильон. Были только белые стены и пустые прилавки. Посредине торгового зала сидел мужчина, не очень опрятно одетый, со вчерашней щетиной и, похоже, со вчерашними же следами удавшегося праздника, что легко угадывалось по вспухшим красным глазам. Мужчина сидел на корзине из-под бутылок, рядом аккуратно стояли такие же. На одной из них висел кусок картона, оторванный от коробки, с корявой надписью: «Прием стеклотары».

- О! Как! Что? - пробежались по толпе звуки то ли удивления, то ли разочарования. Улыбка у людей тоже куда-то исчезла. И вскоре, начиная с хвоста очереди, все быстро удалились. Но Ваня не такой. Он, наоборот, подошел ближе к мужчине, восседающему на корзине, и широко улыбнулся.

- Почему прием бутылок? Судя по масштабам магазина, цены должны быть хорошие! Как бы даже не шикарные.

Продавец или, точнее, приемщик посмотрел затуманенным взглядом на единственного посетителя, потом осторожно повел носом и медленно втянул воздух, словно пытаясь разобраться в оттенках запаха. И, уловив что-то знакомое, широко улыбнулся и добродушно ответил:

- Да я еще сам до конца не определился, ну, наверное, как везде. Да, темные не берем. Куда я их, - он развел руками, - да и другие-то не особо нужны. Он немного помолчал. - Оно ведь как? Хозяин должен был открыться сегодня, да вот незадача, товар завезти не успели, посадили хозяина раньше. А я вообще-то сторож, а аренда проплачена, так что же павильону простаивать зря. Вот и решил бизнес открыть.

- Ясно все, а то «Мы открылись!» Открывалка ты от бутылки! Ладно, мне сдавать нечего, но если что, буду иметь в виду. Ваня улыбнулся и легкой походкой вышел из магазина.

Спустя месяц у Ивана снова было настроение ниже некуда. Сделав все по привычному порядку, он вдруг вспомнил про приемочный «супермаркет». До чего же велико было его удивление, когда на белой стене, оббитой пластиком, ниже потухших, но некогда светящихся букв, черной краской было размашисто написано: «МЫ ЗАКРЫЛИСЬ!!!» И, видимо, на кисти еще оставалась краска, не пропадать же добру, поэтому немного ниже было приписано: «УЖЕ».

ПРОДАЖА

Кто может так рано звонить... Разве только тот, кто боится что-то не успеть... А чего можно так рано не успеть, видимо, позвонить... Ваня открыл глаза, бессмысленно глядя в пустоту, очередной звонок все же привлек его внимание. Он протянул руку в сторону телефона и снял трубку.

- Алло!

- Я по объявлению, вы квартиру продаете?

- Не знаю еще, не думал об этом. Вряд ли... - Ваня удивленно нахмурил брови. Не дожидаясь следующего вопроса, повесил трубку.

- Ну и как это понимать, мать? - он посмотрел на вторую половину дивана. Смятая простыня и взъерошенное одеяло были пустыми. «На работе», - заключил он.

Вставая и направляясь в ванную комнату, мужчина продолжил размышления, бурча себе под нос:

- Нет, ну могла хотя бы сказать, ну так, ради приличия, мол, разводимся мы, я квартиру продаю.

Зашумела вода.

- И все по-человечески. Все понятно и без обид... почти. Вздумала тоже, да нет, глупости какие-то.

Освежившись, Ваня вышел из ванной и сел в комнате за стол, вытянув руки ладонками друг к другу.

- Нет, моя не могла так скандачка, полусловом не обмолвиться даже. Тогда что остается... Теща!

Ваня округлил в неожиданной и вполне предсказуемой догадке глаза.

- Нет, что за стереотипы, ага, только и думает всю жизнь, как бы нам там чего сотворить. Своих забот-то нету, прям... Кто только это придумал про тещ?

Зазвонил телефон. Ваня опустил на него тяжелый взгляд.

- Алло?!

- Здравствуйте! А сколько у вас квадратных метров? – протараторил женский голос.

- И вам здравствуйте! Где-то 54, 55. Я точно не помню уже. Ну, жить можно. Оно ведь как, когда дети разъезжаются, сразу и место появляется... А вам зачем?

- Вы давали объявление о продаже? – осторожно спросил голос.

- Нет, ни разу...

В трубке раздались гудки.

Ваня шмыгнул носом, пытаясь вспомнить, на чем его прервала девушка... Ага, так что мы имеем? Объявление есть, а продажи нет! Он сузил глаза, что-то вспоминая. Петруха вчера что-то говорил про деньги, срочно надо, кажется. Да нет, ему каждое утро надо, и не так много. Снова телефон.

- Алло, а вы варианты обмена рассматриваете?

- Ну, конечно! Только смотря с какой стороны! Хотя вы опоздали уже, - он стукнул кулаком о стол, - продано! – бодро продолжил Ваня, - Всего доброго...

Иван оперся рукой о подбородок.

- А почему бы и не попробовать, взять да и продать. Хоть пожить по-человечески немного. Жаль только, негде жить будет. Зато по-человечески же! Это полжизни копить, чтобы потом спустить в лёгкую. Нет, это тоже не вариант.

- Ну, где вы, покупатели мои?

Телефон отозвался протяжным гудком.

- Алло, и вам добрый, подождите, а где вы увидели это объявление? Вестник чего? И там этот номер телефона... А стоимость не указана? Ладно. Нет, это ошибка. До свидания.

Продавец недвижимости открыл ящик стола и вытащил оттуда кипу газет. Найдя нужную, он развернул ее, водя пальцем по строкам. Раздался звонок. Не отрывая глаз от га-

зеты, Ваня снял трубку. Услышав вопрос, вместо того, чтобы ответить, он спокойно произнес:

- У меня другое предложение, а купите квадроцикл. В хорошем состоянии и недорого. Телефон тут есть. Алло?

Он, так же не глядя, повесил трубку и не успел убрать руку, как снова зазвучал звонок. Не отвлекаясь от газеты, он ответил.

- Не совсем так, уже не продаю – передумал. Вспомнил, что негде будет жить и передумал. Давайте.

Повесил трубку и тут же притянул ее обратно.

- Ага, вот-вот, редакция. Телефон... Так, так.

- Доброе утро! Я по объявлению, то есть мне сегодня все утро звонят по поводу продажи квартиры, так, а я не продаю. В общем, несоответствие желаний. Ну, конечно, так, а где жить тогда, у вас что ли? И я о том же. Мой номер... Хорошо, да ладно, бывает... И вам всех благ!

Мужчина положил трубку.

- И долго они еще будут звонить, а я что, на телефоне теперь должен сидеть? Вот утро началось! - Иван посмотрел в прихожую и приподнял плечи.

- Это же надо, а? Объявление дать. А мне теперь что, волнуйся и переживай? Так нельзя. А потом же еще спросит: «А что это тебя ноги не держат?». Да тут от такого переживания не то что ноги, брови не удержат.

Продолжил он размышления в свою пользу, уже одеваясь в прихожей.

- Конечно, аж трясет всего. Аж ходуном хожу. Что там Петька, нашел, нет? Придется идти, не дома же сидеть в такой атмосфере...

Бросив прощальный взгляд на телефон, он быстро вышел из квартиры. За дверью еще некоторое время слышалось его недовольное бурчание.

КАК ТЕБЯ ЗОВУТ?

Случилась эта история не так уж давно. На окраине одного из штатов в небольшом уютном домике жила молодая семья. Супруг – Гарольд, веселый, энергичный двадцатипятилетний автор комиксов, и довольно успешный, кстати. Супруга – Мэри, красивая, длинноногая блондинка двадцати двух лет. «Как с картинки», - думал про себя Гарольд. Вместе им было хорошо. Муж сочинял комиксы про всяких чудищ, а сюжеты ему помогала придумывать жена. Гарольд не раз удивлялся необычайному таланту суженой. В доме царили гармония и покой. У молодой пары не было детей, но пока это никого особо не заботило.

В один осенний вечер молодые, как всегда, сидели на диване напротив телевизора. Ели попкорн (правда, Гарольд запивал его пивом) и смотрели какую-то передачу про инопланетян. Гарольд любил такие сюжеты, поскольку они вдохновляли его на творчество. Мэри сидела напротив мужа и нежно гладила его по голове. Она шептала ему нежные слова и была счастлива.

Однако Гарольд смотрел, не отрываясь, на телеэкран. Внезапно увиденное вдохновило его, только на сей раз не на новый сюжет. Он загадочно улыбнулся, мысленно формулируя слова шутки.

- Мэри, - сказал он, - а я знаю, кто ты на самом деле! Нам, людям, все известно про вас: кто вы, с какой планеты и многое чего еще. Скажи, как тебя зовут на самом деле?

Мэри не была обидчивой девушкой. К шуткам мужа она давно уже привыкла. Но эта задела ее всерьез. До конца вечера она не разговаривала с супругом и даже легла спать в гостиной. Муж протяжно храпел этажом выше, в спальне.

Мэри не спала. По ее щекам текли слезы. Она думала о том, что все получилось не так, как должно было быть...

На утро Гарольд не нашел свою жену в доме. Причем все было на месте, все вещи, даже ее любимый халатик, в котором она была вчера, но самой супруги словно след простыл. Она так и не появилась.

Откуда Гарольду было знать, что этой ночью на всей планете во многих семьях исчезли то жены, то мужья, молодые люди, дети. Были и такие, кто на утро не обнаружил свое домашнее животное. Вот так шутка.

А я знаю, как тебя зовут.

ДЕЖАВЮ

1

Белая вспышка ослепила Вадима, он зажмурился. Взявшись из ниоткуда, она и не собиралась исчезать, а словно зависла: стояла перед глазами и продолжала ослеплять даже сквозь веки. Парень приоткрыл глаза и попытался осмотреться, но ничего не было видно. Белый яркий свет был повсюду. «Лучше закрыть глаза и дождаться того, что произойдет дальше», – решил он.

Мысли роем кружились: «Так, скоро ты уберешься, странное видение? А может, лучше лежать и расслабиться... Ой, стой, мой дорогой, а я лежу или стою? Ничего не чувствую. О, ветерок подул».

Слабенький ветерок действительно подул в лицо, а вместе с ним начали приходиться и звуки. Парень все так же находился с закрытыми глазами, только теперь, скорее, от испуга. Яркий свет исчез, а вместо него пришло ощущение открытой местности. Кажется, даже чем-то пахнет, словно асфальтом и травой, и солнцем, и еще чем-то терпким. Надо открыть глаза, вроде бы даже начинает припекать. Открыл глаза и, прищурившись до боли в веках, осмотрелся. Он стоял посреди длинной дороги, которая что спереди, что сзади уходила далеко за горизонт.

А небо... какое чистое... и солнце такое огромное! Растопленная жарой полоса асфальта волнами уходит в закатное светило. Сделав несколько шагов вперед, назад, нарисовав шагами крест, потом круг, он в задумчивости остановился. Солнце нещадно слепило.

Неизвестно, сколько бы еще он так стоял, недоумевая и озираясь по сторонам, но его беспорядочный поток догадок прервал шум мотора. Сначала еле слышный, потом все более отчетливый шум доносился со стороны дороги. Парень прищурился от солнца и попытался взглянуть вдаль. Черной точкой на него надвигался вполне реальный автомобиль, который словно плыл, как мираж, по волнам дороги. Причем на вполне приличной скорости.

«А он меня хоть объедет? – в сомнительной нерешительности подумал парень. – А может, мне побежать или подпрыгнуть, как в кино... Что же он так несется? Кто там сидит за рулем? Безумец, что ли? Собьет же, куда бежать, да я же и не успею...»

Дурацкий страх. Ноги словно прилипли к раскаленной дорожке, и нет сил пошевелиться.

Автомобиль скрылся за очередной волной. Отчетливо был слышен лишь рев двигателя. И вдруг в рычание прогоревшего глушителя четко вмешался детский голосок, напевающий какую-то только самому ребенку понятную мелодию. Оглянувшись в противоположную от приближающегося автомобиля сторону, Вадим ясно разглядел мальчугана, невесть откуда взявшегося. Малыш, присев по центру асфальтовой полосы, расставлял игрушечные машинки друг за другом.

«Если напрячься, успею в прыжке дотянуться до пацаненка и оттолкнуть его на обочину. Да что такое с ногами, словно деревянные!» Вадим сделал несколько неуверенных шагов в сторону малыша. Каждый шаг давался ему с титаническими усилиями. «Ну еще чуть-чуть, вытянуть руку и оттолкнуть. Как же этот гад рычит за спиной. И чем-то воняет. Это не машина, а монстр. Да сверни же ты в сторону! Дурак! Да что же это такое? Аааааа...!» – закричал в отчаянии Вадим.

На крик малыш в удивлении обернулся. Сильный удар подбросил Вадима в воздух, совершая мудреные сальто и перевороты, он уже не видел этого испуганного и неспасенного мальчишку. Мысль о ребенке прервала нестерпимая боль в груди, ногах... «Я, наверное, лечу! – промелькнула неожиданная мысль. – Еще бы, от такого удара мне еще долго лететь». Он приоткрыл один глаз, в это же мгновение все снова стало белым, вместе со светом прошла боль. Он с облегчением вздохнул и сомкнул веки.

«Осмотреться? Нет смысла, все равно ничего не увижу. Остается просто ждать того, что будет происходить дальше».

Мощный свет прожекторов ударил по глазам. Над Вадимом нависал мужик средних лет в спортивной одежде и махал полотенцем, обдавая прохладным воздухом разгоряченное лицо. Осматривая себя, молодой человек с удивлением обнаружил, что на руках у него боксерские перчатки.

«Что это, кто это, где я, кто засунул мне эту штуку в рот?» – он поднял перед тренером руки с красными, огромных размеров перчатками.

– Зачем выплюнул капю? – спросил тренер, при этом он подобрал белый кусок пластмассы и легким движением впихнул ее обратно в рот ничего не понимающего Вадима. – Третий раунд, сейчас самое время начинать наступление. Троечку по корпусу, потом в сторону и двоечку в голову, и не мешкай. Попытается к тебе прижаться – ты его апперкотом. Давай, все, вперед, вперед! Мы на тебя надеемся, все ребята верят в тебя! – При этих словах он с силой дёрнул Вадима с выпученными глазами за руки, поднимая его. Схватил табуретку и скрылся внизу за канатами.

Вадим, снова забыв про кляп во рту, хотел было что-то сказать, но в противоположном углу ринга он увидел здоровяка с такими же перчатками. Тот, держась вытянутыми руками за канаты, пристально и зло наблюдал за...

«Эээээ, за мной, что ли? Во попал, он же меня...». «Дзинь, дзинь», - послышалось откуда-то. При этом звуке противник резво отскочил от своего угла и, припрыгивая, направился в сторону стоявшего в полной растерянности противника.

«Так, стоять в углу глупо, бокс я смотрел по телеку, прижмут к канатам, и конец. Надо тоже подойти и двигаться по кругу, может, три минуты удастся продержаться. Я же его первый раз в жизни вижу, да и он меня не во второй, надо как-то объяснить». При этом он подбежал к противнику и, глупо прыгая с ноги на ногу, попытался что-то сказать: мммб, мммб, жжж... Если бы капя не мешала изъясняться по-человечески, то стоящий напротив амбал услышал бы следующее: «Я вообще не дерусь, не понимаю, что происходит, не бей меня...».

Но кляп был во рту, и мычания Вадима прервала серия сильных ударов в грудь и затем в челюсть слева.

«Ох ты, а у меня и ботинки боксерские», – как будто сквозь туман заметил падающий парень. Над ним наклонился мужчина в белой рубашке и на каждый взмах руки стал щелкать пальцами.

«Стойте, давайте и я в ответ хоть раз вломлю. Как встать? Туман проходит, вроде. Да кто там орет, вы что, на скачках?» Он попытался встать, при этом покачнулся, но удержался и поднялся на ноги». Зал восторженно взвыл. «Вадим, давай, ты сможешь, давай, Вадим, отомсти за ребят!» – орал где-то внизу тренер. Рефери говорил что-то про «семь, восемь», взглянул прямо в глаза и, отойдя к середине ринга, выкрикнул: «Бокс!» Вадим направился к противнику. Взгляд его источал презрение.

Подойдя к центру ринга, Вадим вытянул правую руку в сторону соперника и помахал ею, приглашая его к себе. На третьем взмахе из-под руки, которая в это время заслоняла видимость, появился боксёр, и темнота окутала сознание Вадима. «Моя челюсть... мmmm, когда же он успел-то, я же где-то видел такое. Как ярко светит солнце, их много, и все направлены на меня. Нет, это уже не ринг, это тот свет, который приносит мне облегчение».

Обдумывая последнюю фразу, он хотел глубоко вздохнуть и почувствовал, что не может больше дышать. Глаза закрылись сами собой.

3

Белая вспышка света привела его в чувство. Что-то гудело и подвывало, не то внутри головы, не то снаружи. Болело все: глаза, руки, ноги, грудь. Вадим, захлебываясь воздухом, сделал несколько судорожных глубоких вдохов так, что стала кружиться голова. «Все же повезло, значит». Сознание стало возвращаться. «Нет, я больше глаза не открою. Так и буду с закрытыми лежать, пока все это не закончится. Хватит с меня». Где-то поблизости послышались голоса. Не шевелясь и не открывая глаз, он прислушался.

– Вроде приходит в себя... Нет, показалось, – голос был низкий с хрипотцой. – А эта дуручка сама виновата, что отвергла мои чувства к ней. У меня же все было серьезно, ну или почти серьезно.

Раздался ехидный смешок.

– Ну, я думаю, еще недельку ее здесь подержать, а там – как обычно.

– Почему ты не хочешь, чтобы я тоже к ней заглянул, она такая соблазнительная в своем розовом одеянии, – раздался другой голос, более высокий, с повизгивающими интонациями, – я бы быстро, тем более, что уже ничего не испорчу.

– Нет, я сказал - она моя! И точка! У тебя их вон сколько по камерам рассажено... Найди по душе и навещай себе, пока не надоест.

– В том-то и дело, что приелось уже. Постой, а как ты объяснишь ее появление здесь? Не хватит ли нам уже такой самодетельности?

– Все продумано. Этот будет колдуном. Будем утверждать, что он указал на нее, как на свою помощницу. А больше ничего и не надо. В колдовстве он признается, никуда не денется, и согласится, что помощница у него была, как миленький. Все одно, гореть ему завтра на святом огне инквизиции.

Вадим вздрогнул. Если это о нем, то никого выдавать он не будет. Затекившие руки начинали отдавать ноющей болью в запястьях. К тому же запах зловонной затхлости, копоти и близкого огня больше не позволял спокойно лежать.

Открыв глаза, он увидел небольшое помещение, похоже, подвальное, без окон и с одной массивной дверью из тесовых досок на кованых заржавленных петлях. Стены были выложены из камня, с них тут и там свисали цепи и крюки. В одной из стен было отверстие, из которого вырывались языки пламени. Все вокруг было в копоти, полумраке и бордовых разводах. Небольшое освещение давали несколько факелов, которые, потрескивая, горели в углах этого странного помещения. На себе он успел заметить лишь жалкие лохмотья, в разных местах пропитанные кровью. Из дальнего затемненного угла появились две огромные фигуры, которые неспеш-

но направлялись к нему. Одеты люди были в странные одежды из плотной ткани. Один из них наклонился, изо рта на Вадима зловонно пахнуло гнилью.

– Ну что, очухался? – спросил визгливый голос больше утвердительно, чем вопросительно. – Подтяни-ка его повыше, он уже достаточно отдохнул.

Второй отошел на несколько метров в сторону и потянул за веревку, привязанную к кольцу в стене. Сначала руки, связанные за спиной, а потом и сам Вадим оторвался от грязного каменного пола и полуповис, наклоняясь к незнакомцам. При этом страшная боль в лопатках заставила его вскрикнуть.

– А-а-а! Больно же, вы что творите? Вы кто? Где я? – при этом он с трудом встал на колени, потом, оскальзываясь на камнях, попытался подняться на ноги. И это бы у него получилось, если бы мучитель, стоявший ближе, не пнул его по ногам. С хрустом в лопатках и подвывая от боли, Вадим повис на веревке, затем, корчась, снова встал на колени и на этом решил успокоиться. Заговорил ближний:

– Не пытайся встать и лучше не сопротивляйся. Ты не в трактире, а в пыточной. Признаешься в колдовстве и пособничестве ведьмам, перестанем бить и жечь. Этот факт все равно неоспоримый, и лучше покайся во всем сразу, тогда легко отделаешься и спокойно соришь на костре.

Второй одобрительно закивал, натягивая при этом веревку, за которую был подвешен Вадим.

Ноющая боль в руках резко переросла в невыносимую и, еле касаясь ногами пола, парень, простонав, ответил:

– Я не понимаю, о чем вы? Какие ведьмы? В наше время?.. Толкинисты проклятые, вы уже так заигрались в свои ролевые игры, что перестали разделять вымысел и реальность! Вы хоть сами осознаете, какой сейчас век?

Картина происходящего понемногу стала проясняться в его разламывающейся от боли голове. Это же новое испытание! Как все болит! Мои руки! Сволочи! Лучше бы уж опять бок! Последние слова, сам того не желая, он произнес вслух. Палачи отпрыгнули от него в глубь пыточной.

– Он нас пытается заколдовать! Не выйдет! На нас святое благословение Папы, – визгливый перекрестился.

– Но лучше на всякий случай вырвать бы ему язык. Его признания нам не так уж и важны, – бормотал под нос другой. Он же взял из жаровни раскаленные щипцы и направился к брыкавшемуся и выкрикивающему бранные слова подвешенному бедняге. Второй тоже взял что-то, напоминающее с виду щипцы и подошел к Вадиму.

– Раздвинь ему челюсти, не церемонься. Сейчас он будет только мычать да захлебываться кровью.

Хриплый, подойдя к Вадиму, одной рукой схватил его за горло, другой стал прицеливаться в область рта. Где-то за стенкой раздался истошный крик, непонятно, мужской или женский, постепенно переходящий в стоны. Со всех сторон раздавалось подвывание, которое в бессознании Вадим принимал за вой ветра.

Надо сказать, что все это время и Вадим не молчал. Наблюдая за действиями варваров (так он их мысленно окрестил), парень кричал и умолял, стонал и снова упрашивал не трогать его. В голове был безудержный ужас, ясные мысли от страха, видимо, попрятались, и осталось только восприятие дикой действительности, перемешанное с болью и отчаянием.

– Не надо! – кричал он. – Давайте поговорим, как цивилизованные люди!! Вы же не изверги, я тоже верующий.

Палачи опустили свои инструменты, и, глядя на извивающегося парня в лохмотьях, один сказал:

– Смотри, похоже, он созрел. Ну, давай, кайся.

– Вы поймите, это все из другого века...

– Так вы еще и по векам летаете, – перебил его тот, что стоял ближе, и саданул тяжелыми щипцами по лицу беззащитного. Вадим от удара отшатнулся в противоположную сторону и закачался на веревке, словно маятник. Он застонал, закричал и зарыдал. Из разбитого носа и губ уверенной стружкой побежала кровь.

– Так ты признаешь, скотина черная, в чем тебя обвиняют? – визгливый наклонился над ним.

– Мне очень больно, зачем вы меня мучаете? Вы спрашиваете, я буду отвечать, – прошепелявил Вадим, выплюнув выбитый щипцами зуб.

– Ага, сейчас ты одно говоришь, потом другое, нет тебе веры. Скольких женщин ты сделал ведьмами? – говоря это, мужик вытащил из-за пазухи толстый короткий нож и всадил его Вадиму в плечо, с изуверским наслаждением слушая, как тот заорал. Затем он медленно вытащил оружие из раны и положил рядом. Под стоны Вадима здоровяк принес из угла кувалду и без лишних слов ударил ею парня в грудь.

Под глухой звук ломающихся ребер изо рта брызнул свежий фонтан крови. Кровь хлестала и из раненого плеча, из расширенных глаз текли слезы. Теперь он даже не мог стонать: дыхание перехватило, наружу вырывалось только бульканье.

– Сколько? – заорал на него тот, что был с кувалдой, и размахнулся, метясь в голову.

– Не-и-ско-лько... – дальше вместо слов из горла Вадима полезли только хрип и шипение, и, понимая, что, потеряв дар речи, он скорее всего, лишится головы, несчастный закивал.

– Признаешь? – снова заорал мучитель, ладонью ударив бедолагу по щекам.

– Пы-ри-зна-ю-у, – с силой выдавил Вадим, и перед его глазами все начало темнеть. Боль отступала, звуки вокруг становились все глуше. Уже теряя сознание, он увидел, как двое достали из печи раскаленный прут с каким-то знаком на конце. Подошли к Вадиму и прижали к груди. В ушах зашипело, в нос ударил едкий запах горелого мяса, и молодой человек окончательно потерял сознание.

4

В этот раз, едва перед ним появился белый свет, Вадим открыл глаза и стал себя судорожно осматривать. Зубы оказались на месте, от удара ножом не осталось и следа, клейма на груди также не было. На себе он увидел легкую голубую рубашку, черные брюки и такого же цвета туфли. По всей видимости, был поздний вечер. Стоял он посреди узкой улочки, к которой впритык были поставлены трехэтажные кирпичные дома с темными окнами. Вокруг было довольно грязно и темно, повсюду разбросаны пакеты, пустые коробки, разный

мусор. Впереди, метрах в десяти, он разглядел мусорные контейнеры и глухую стену. Вадим обернулся. Где-то там, вдали, квартала через два или три, был виден свет и оживление.

- Логичней пойти к людям, - решил про себя он и направился в сторону света. Приближался первый темный перекресток. В домах, возле которых проходил Вадим, все так же не было видно жизни. Они оказались выложены из красного кирпича. С крыши каждого дома тянулась металлическая лестница.

- Но не как у нас, - заключил он. - Как в зарубежном кино - с перилами, где одна лестница заканчивается, идет небольшая площадка и начинается другая. Почему у нас не так? Размышляя на эту тему, он приблизился к перекрестку, посмотрел в одну сторону: все такие же дома, мусорные баки и мгла, с другой стороны то же самое. Неожиданно возле одного из баков он заметил движение и инстинктивно остановился, пытаясь разглядеть, что там. Это оказалась фигура человека, который пытался встать, но у него ничего не получалось. Увидев Вадима, тот крикнул:

- Простите, вы бы не могли мне помочь встать... Меня избili и ограбили... мне плохо...

Взглянув в сторону, где кипела жизнь, и немного поразмыслив, Вадим направился к незнакомцу, по пути разглядывая его. Тот оказался в строгом костюме, белой рубашке и темной шляпе. На вид человеку с узенькими усиками было лет тридцать, ну, может, с небольшим.

Подойдя к нему, Вадим спросил, как может помочь. Человек уже сидел на корточках и, опершись одной рукой о землю, протянул вторую Вадиму. Парень взял его за руку и потянул на себя. Невероятно быстро поднявшись, мужчина, едва только поравнялся с Вадей, тут же чем-то ткнул ему в грудь. Сказал:

- Это магнум 45-го калибра. Лучше не дергайся и не вздумай кричать. Выворачивай карманы, живо. С двух сторон от себя Вадим заметил непонятно откуда взявшихся еще двоих такого же вида парней. Руки они держали у себя за пазухой.

- Да твою мать, - вырвалось у Вади само собой.

И здесь выбор оказался не велик. «Самому интересно, что же у меня есть в карманах». Он запустил обе руки в брюки: в одном кармане нащупал толстенный портмоне, в другом - связку ключей. Вытащил все это и показал парню напротив.

- Ну что вертишь, будто бы не твое? А вообще молодец, с деньгами нужно прощаться легко. - Он выхватил кошелек и быстро его развернул. - О, а ты малый не промах, шестьсот... девятьсот... тысяча семьсот баксов и мелочь. Что там еще, ключи? От чего они?

Легко расставаться с деньгами Вадим не привык, но тут решил, что, как пришли, так пусть и уходят. Только бы не применяли силу, от боли он уже порядочно подустал. А от чего ключи, он и сам, честно говоря, не знал. Так и ответил:

- Понятия не имею, видимо, от дома.

- Что-то много от дома, а этот, маленький? - и грабитель взял связку и помахал перед носом у спокойного и невозмутимого Вади маленьким ключиком. - Похоже, от банковской ячейки. И где же этот банк? И что там?

Глаза у разбойника сверкнули и впились в лицо Вадима, его помощники переступили в ожидании с ноги на ногу и хихикнули, словно предчувствуя что-то интересное.

- Не знаю я, да забирайте все, и я пошел, да?

- А ты нас лучше не выводил, скажи спасибо, что к нам попал. Видишь следующий квартал, - и он мотнул головой туда, куда бы Вадим отправился, если бы не остановился здесь, - там промышляет банда чикагских котов. Они, как правило, сразу вышибают жертве мозги, а потом уже разговаривают. Но нас тоже злить не стоит.

- А вы тогда кто? - так же спокойно спросил Вадим. Сам в это время подумал, что, может быть, и зря не попал к этим котам, глядишь, все бы уже и закончилось.

- Мы чикагские пиджаки, - ответил тот гордо, - ну ты зубы-то не заговаривай, - добавил он. - Где банк и что там? И он не так чтобы больно, но довольно чувствительно ткнул Вадю дулом в грудь.

Это спокойному Ваде все уже начало надоедать. Ситуация напоминала старый американский фильм про гангстеров. Он поморщился.

- Там книги, очень ценные для меня как память, и не более. Грабитель сделал наигранно-удивленное выражение лица и покосился на своих подельников:

- А он издевается над нами. Билл, покажи ему, как надо разговаривать с интеллигентами.

Тут же тот, который стоял по левую руку от Вади, достал из-за пазухи пистолет немного поменьше, чем у главаря, и с размаха ударил рукояткой Вадю в шею. От удара парень откинулся в противоположную сторону, схватившись за уши-блренное место.

- Сволочи! – крикнул он гневно. - Вы что, ненормальные?! Да отстаньте же от меня, я правду говорю. Я что сказал, то сказал, мне добавить нечего.

- Слушай, - начал главарь, - а ты смелый малый, мне такие нравятся. Сам в полном дерьме, а ведешь себя, как герой. Значит, смельчак? Ну тогда давай, покажи на что ты способен! Ударь меня, или нет, вот - возьми мой пистолет и застрели нас, - при этом он развернул оружие рукояткой к ошарашенному Вадиму и протянул ему:

- Давай, давай, - глаза налетчика уже горели.

«Похоже, он вышел из себя, - думал Вадим, - а может, правда взять... нет, наверное, эта какая-то уловка. Я возьму, и меня тут же прибьют те, стоящие по бокам... А если схватить пистолет и отскочить назад, повалиться на землю и расстрелять их всех? Нет, так только в фильмах бывает. Что же предпринять? Да и пистолет-то, скорее всего, не заряжен». Он поднял руки на уровне своей груди ладонями вперед.

- Мне не нужно оружие, просто отпустите меня, - ничего лучшего сказать он не придумал.

- Э, нет, дружище, - ехидно ответил главарь, не опуская оружие, - так дело не пойдет. Дурачить нас я никому не позволяю. У тебя кишка тонка за себя постоять, - он зло улыбнулся, - только вот мое время стоит дорого, - и он обратно направил дуло магнума на Вадима. - Нечего добавять?

«Вот и эта ситуация вышла из-под контроля, - подумал Вадим. Сейчас уже выхватить не получится. А может быть, резко развернуться и побежать. Оттолкнуть этого, потом тех

двоих и деру. Нет, не успею. А какой у меня выбор? Эх, надо было брать, когда давали. Можно попытаться отклониться и вырвать пистолет у главного, а пока те будут копошиться - пиф-паф. А если не вырву? Придется бежать. Только не назад, оттолкну этого и в темноту за его спиной. Если будут стрелять, то есть шанс, что промажут. Действуй!»

Так он и сделал: резко оттолкнул обеими руками противника с пистолетом и в это же время пустился наутек, точнее, сделал два шага. Что-то сильное схватило его сзади за рубаху и он, сделав полусальто, рухнул на асфальт. Над ним склонились три фигуры. Заговорил уже знакомый бандит:

- Я ждал этого, вот только глупо убегать. В этой жизни два шанса выпадает нечасто, а ты свой один упустил, второго нет, приятель, - сказал он легко, словно подводя итог. - Прощай!

Вадим увидел, как на него поднимается тот самый магnum-45, который таки оказался заряженным. В это же мгновение прозвучал выстрел. Очень громкий, такой, что руки и ноги Вадима подпрыгнули, вот только грудь еще плотней прижалась к земле, словно припечатавшись. Вспышку он тоже заметил, и больше не было ничего. Ночь снова обрушилась на него.

5

«Что за чертовщина! Я в воде», - при этой мысли он замотал головой. Вокруг было довольно светло, но мутновато. Сверху свет был ярче. Вадим поплыл к нему, в бессилии упираясь руками и ногами в вязкую воду. «Надо было раньше открыть глаза, глядишь, уже бы выплыл. Вода режет глаза и давит со всех сторон. Ну, сколько еще плыть? Уже кислорода почти не осталось. Да что же ты не всплываешь-то? Ощущение, что находишься где-то в бассейне, однако сколько уже плыву, а всплыть все не получается. Не могу уже, как руки болят, ну давай же, давай, приближайся.

Легкие начинают болеть, а ломота в руках стала невыносимой. Да черт с ними, только бы выплыть, сколько еще... Сколько я еще выдержу, уже, наверное, вечность гребу. Не могу больше, не могу...

Может, вдохнуть воду, а что, рыба же дышит... Корабли с белыми парусами плывут, нет, корабли ходят. Плывут рыбы и люди. Нет, люди тоже ходят... Так почему же они не дышат под водой? Буль-брррр! Зачем же я выпустил воздух, оставшийся в легких, а что мне он, это уже не воздух, а углекислый газ. Голова болит. Надо себя как-то отвлечь. Нет, я выдохся даже для мыслей. Все! Не могу больше, все, все! Нет, еще чуть-чуть!.. Как плохо, мне чудовищно плохо. Надо зажать нос руками, может, так еще немного продержусь? Сейчас вдохну, вдохну. Какая сладкая мысль! Но не дышат люди водой. Хотя, есть же рыбы воздуходышащие, так почему же млекопитающим не стать вододышащими? С меня и начнем. Он попытался сделать глубокий вдох.

А почему все темнеет вокруг меня... мя... мяю? Сколько я этой воды уже выпил, нет, это мне много, меня уже тошнит и как глаза ломит, темная сегодня ночь...

6

Белому свету Вадим не удивился. Это свет как-то всполохами врывается в сознание и обжигал дыханием пламени. Не открывая глаз, он думал: а может быть, это и есть ад, кто сказал, что ад – это сковорода, на которой нужно жариться? Огонь, дым, чад, жара, безысходность и приближение смерти – чем не ад? А умирать ему порядком надоело. Сколько раз уже он отдавал Богу душу? Смысл-то какой-нибудь в этом был?

«Свет то ярче, то рассеивается. Надо открыть глаза. Если будут мучить, не сдамся. Будут бить – буду терпеть. Душно как-то. Кто-то кричит. А-а, ничего нового!..»

Он открыл глаза и увидел, что стоит под деревом на темной обочине дороги. Темной, потому все вокруг, кроме этой обочины, освещалось зарницами пожара. Метрах в двадцати от него бегали пожарные, которые тянули шланги от машины. Все что-то кричали. Спешили они к двухэтажному частному дому, из окон которого вырывались языки пламени. Только теперь Вадим ощутил горький запах тления и едкого дыма.

Пожарные вынесли из дверей сначала женщину, которая что-то невнятно выкрикивала, потом мужчину и ребенка, эти, похоже, были без сознания. Одеты погорельцы были так, что, скорее всего, уже спали к тому времени, когда начался пожар.

Вытащив всех и распределив по приехавшим неотложкам, пожарные занимались своим делом. Безо всякого энтузиазма поливали они из брандспойтов окна, из которых вырывались то клубы дыма, то пламени. Окапывали напором воды крышу и стены. «Непонятно, чем я тут могу быть полезен? – подумал Вадим. – Может, в ведерке водицы принести?» Он нехотя улыбнулся и, бросив прощальный взгляд на дымящийся дом, хотел направиться в сторону, как вдруг его что-то остановило. Из маленького окошечка на втором этаже что-то мелькнуло. Вадим пригляделся, и, действительно, из оконного проема показалась маленькая ручка. Взмахнув несколько раз, она в бессилии повисла. Окошко было с противоположной стороны огня и пожарных. Эта часть дома только дымила и не была охвачена огнем, пожарные ее не поливали. Вот тут ноги понесли Вадима сами, даже еще голова не успела подумать и составить план действий. Сделав несколько неуверенных шагов в сторону дома, Вадим заметил небольшую дверку – черный вход. Шаг превратился в бег, он быстро подлетел к этой двери, дернул за ручку, дверь отворилась. Вбежав внутрь, он оказался в полупрозрачной дымовой завесе. Разглядел лестницу наверх. Натянув футболку на голову, чтобы не задохнуться, сумел преодолеть лестничный пролет. Дальше было слишком жарко. Если поначалу обстановка напоминала баню, то теперь жара была, как внутри печи. Так казалось Вадиму, когда он, упав на колени, пополз к комнате, из окна которой, по его расчету, и высовывалась детская ручка.

На полу оказалось не так невыносимо жарко, и дым не лег еще на пол. Передвигаясь ползком, Вадим неожиданно наткнулся на пластиковую бутылку с водой. Сняв футболку, он вылил воду на нее и остатки на голову. Промоченную ткань Вадим прижал к носу и пополз дальше. Из всех щелей вырывались красные обжигающие языки пламени. Время от времени Вадим вскрикивал и дергался от ожогов. Упершись

лбом в нужную дверь, он толкнул ее головой, та открылась. Это была детская. Парень пополз к окну. Задымленность в этой комнате была не такой сильной, Вадим заглянул под кровать и обнаружил то, что искал: девочка лет двух лежала без сознания. Возвращаться назад было невозможно. Лестница уже пылала. Приложив к носу ребенка мокрую футболку, Вадим поднял девочку и высунулся с нею из окна. Пожарные стояли к ним спиной и что-то живо обсуждали. Парень прокашлялся и крикнул им:

– Эй! Сюда! – те не отреагировали. Вадим, жмурясь от дыма и жжения в спине, крикнул опять, потом еще раз. Наконец, один настороженно покрутив головой, увидел Вадима и девочку. Пожарные оперативно растянули спасательное полотно. Вадим выпустил ребенка из рук. Девочка упала в круг, ее тут же взяли на руки и унесли.

Теряя сознание, Вадим увидел, как пожарный машет ему рукой, приглашая последовать примеру ребенка. Собрав последние силы, Вадим сумел перевалиться через подоконник. Как только это произошло, он потерял сознание.

7

«Надо же, белый свет, удивительно даже, – подумал Вадим, приходя в себя. – Только не такой яркий и слепящий, как обычно». Он открыл глаза и вновь зажмурился. Потом, проморгавшись, все же стал всматриваться в окружающую обстановку, а она явно напоминала больничную палату, и в воздухе висел ни с чем не сравнимый запах нашей больницы, в котором всегда присутствует летучая смесь формалина, спирта и хлорки. В помещение сквозь оконные шторы проникал солнечный свет. Вокруг размещена какая-то аппаратура. От нее тянулись проводки и трубки, что-то нудно пикало. Белая дверь отворилась, и в палату вошла девушка в белом халате и в марлевой маске. Она вкатила что-то похожее на высокую вешалку, наверху которой были прикреплены две перевернутые баночки с прозрачной жидкостью. Девушка приблизилась к пациенту и посмотрела на Вадима. Их глаза встретились. В глазах девушки отразился испуг, она вздрог-

нула, словно увидела призрака, и вскинула руки. Баночки подпрыгнули и загремели в креплениях стойки.

– Вы пришли в себя? – удивленно и в то же время то ли радостно, то ли испуганно проговорила она.

– А что в этом странного? – спокойно ответил Вадим, рассматривая медсестру.

– Нет, конечно, я очень рада, что вы наконец-таки вернулись к нам, – уже с нескрываемой радостью сказала она. – Как вы себя чувствуете?

– Да хорошо, хорошо, а что такого, ну наглотался немного дыма, и делов-то, – как ни в чем не бывало ответил он.

– Ой, вам нельзя разговаривать! Подождите, я позову врача, – девушка повернулась, пытаясь выйти из палаты.

– Подождите, а давно я здесь? – Вадиму не хотелось, чтобы она уходила.

– Я не могу... – смутилась медсестра и добавила полупшепотом, как будто их кто-то мог подслушивать, – видите ли, вы находились в коме... почти два месяца... я позову врача.

«ДРУЖЕСТВЕННЫЙ» ВИЗИТ

В классе царил полный хаос, ученики бесились, кто как мог. Мальчишки прыгали на месте, крутились, демонстрируя друг другу свою новенькую школьную форму, кривлялись и корчили рожицы. Ученицы занимались тем же самым, совершенно ничего не стесняясь. Их форма была такой же новой и нарядной. Они сами дергали друг друга за косички, кричали и тут же стукались ладошками в знак примирения. Хотя, скорее всего, им просто нравился сам звук хлопка, потому что делали это они беспорядочно часто. Другие представители школьного класса предпочитали сидеть тихо и смиренно. Они просто осматривали себя со всех сторон, ковырялись пальцами в носу, словно изучая и то и другое, ощупывали себя. Проще говоря, все дети занимались всем, чем обычно и занимаются ученики, когда они оказываются в классе одни. Правда, они были не одни, у школьной доски на обычном учительском месте сидел мужчина уже престарелого возраста, в строгом костюме и с белой бородой. Он бегал маленькими глазками по кабинету и присутствующим, осматривал стены, увешанные картинами известных писателей и поэтов. В конце кабинета возле вывешенной на стене атласной карты на подставке находился глобус Земли, одиноко смотревший Америкой прямо в угол.

Раздался привычный школьный звонок, предвещающий начало урока. Учитель прокашлялся и поднялся, затем немного задумался, словно вспоминая, что делать дальше, медленно подошел к доске и взял указку. Ученики, по виду пятиклашки, этого и не заметили, продолжая заниматься изучением себя и друг друга. Учитель покашлял еще раз, но уже громко. Все нехотя повернулись в его сторону и, наконец, успокоились. Учитель, который больше напоминал внешностью профессора, еще раз осмотрел всех и начал говорить.

- Здравствуйте, ученики, - голос его прозвучал громко и немного неестественно высоко, - теперь мы можем начать наш первый урок истории. Он подошел ближе к доске, на которой

было выведено большими печатными буквами: «ИСТОРИЯ». И как бы показывая, что он не шутит, учитель ткнул в эту надпись указкой, которая при этом переломилась надвое. Он посмотрел на отломившейся кусок, который упал на пол, и, не задумываясь, бросил туда же оставшуюся в руке половину указки. Немного помявшись в нерешительности, он подошел к своему столу и оперся обеими руками о кафедру, которая была установлена на нем. Учитель поднял глаза на аудиторию и начал рассказывать:

- Случилось это в 2021 году по земному летоисчислению. Без сомнения, это вызвало настоящий праздник для всех людей, такого события ждали веками, и вот оно свершилось. Впервые в истории Земли наконец поступил ответный сигнал от пришельцев. Трудно сказать, когда люди начали пытаться посылать радиосигналы в космос. Вероятно, как только было изобретено радио. И вот приходит ответ, в котором значились время и дата официальной дружественной встречи между землянами и инопланетянами.

Это событие произвело ошеломительное действие, а как же иначе, все же более высокий разум пошел на контакт. Мысли были разные. А вдруг это вовсе и не дружественный визит, или как не упасть в грязь лицом, и много еще чего. В итоге главы всех ведущих государств собрались на совещание. Проходило оно при закрытых дверях, но это вовсе не говорит о большой секретности. Просто даже президенты не знали, что делать. Все же было решено, что на всякий случай в целях безопасности они не будут присутствовать сами, а вместо себя выставят представителей. Разумеется, будут журналисты от каждой страны, военные, но в гражданской одежде, естественно. Надо сказать, что по поводу безопасности было продумано все. В случае чего место посадки инопланетного корабля могли не просто сравнять с землей, а вырыть километровую воронку. К счастью, этого не понадобилось...

Учитель широко улыбнулся, даже шире, чем надо было, выдержал паузу и продолжил:

- И вот наступил день долгожданной встречи. Сотни кинокамер были устремлены в небо. Взгляды всех без исключе-

ния присутствующих оказались, как по команде, направлены вверх. Внимательно следили все: и те, кто находился непосредственно на этом мероприятии, и те, кто наблюдал происходящее на экранах телевизоров.

То тут, то там можно было услышать восторженные возгласы: «Вон! Смотрите! Вон! Летят!» Но в итоге долгожданная точка превращалась в птицу и улетала в другую сторону, совершенно не понимая, что там происходит на земле. Постепенно мучительное ожидание начинало действовать присутствующим на нервы. Сначала тихо, потом все громче доносились с разных сторон возгласы смельчаков, которые стали подвергать сомнению всю эту ситуацию.

Волнение росло, неизвестно, что могло бы произойти дальше, как вдруг случилось то, что вы сейчас и увидите собственными глазами.

Учитель испытующе посмотрел на учеников и, улыбаясь, нажал кнопку на пульте. Большой черный экран, который одновременно служил и школьной доской, показал чистое безоблачное небо, послышался слабый звук ветра.

Вот на горизонте возникло что-то маленькое и темное, постепенно пятно становилось все больше. Космический корабль очень быстро приближался к земле. Постепенно из черной точки он превратился в огромный корабль с отливом металлического цвета. На его корпусе мигало множество разноцветных огоньков.

- Как стало известно позднее, корабль принял такую форму только ради землян, так как все привыкли представлять его именно так. Спуститься он также мог значительно быстрее.

На экране стало видно, как тарелка пришельцев зависла на расстоянии примерно ста метров от земли. Она медленно вращалась вокруг своей оси. Затем экран разделился надвое. С одной стороны тарелка, с другой люди, которые с открытыми ртами и широко округленными глазами, задрав головы, смотрели на неведомый корабль.

- Если б даже с него началась атака на Землю, - продолжал учитель, - вряд ли кто-то сумел что-нибудь сделать и хоть как-то защититься. Все, кто присутствовал на этом событии

- от обычного человека до главного военачальника - были потрясены увиденным. Никто не мог даже шелохнуться.

Неожиданно весь корабль озарился ослепительным светом, который тонкой полоской отделился от корпуса и, вспыхнув, упал на землю, туда, где было свободное место. Когда свет рассеялся, на его месте неподвижно стояли двое мужчин. На вид они были среднего роста, в черных строгих костюмах, белых рубашках и в черных лакированных туфлях. В общем, в привычной для землян официально-деловой одежде. Хорошо причесанные темные волосы были уложены на классический манер. Приветливые спокойные лица не выражали ничего враждебного:

- Жители планеты Земля! - приятным спокойным баритоном заговорил один из них. Второй одобритительно кивнул. - Мы рады приветствовать вас! Они поклонились. Пауза явно затягивалась. Первый пришелец обвел глазами окружающих и продолжил:

- К сожалению, наша встреча будет недолгой, но и за это время вы сможете спросить нас обо всем. Можем сказать сразу, что о вашей планете мы знаем все, вы же о нас ничего. Поэтому задавайте вопросы и мы будем рады на них ответить.

Только сейчас опомнившись, земляне засуетились. Откуда-то выпорхнули две наряженные девушки с подносом, на котором традиционным приветствием лежали каравай хлеба и солонка. Сначала быстро, потом все медленнее они приблизились к пришельцам и остановились за два шага от них. Инопланетяне, поклонившись, подошли к девушкам, отломали от каравая по кусочку, посыпали солью и быстро съели. После этого отошли обратно. Девушки оглянулись на своих руководителей, поклонились и спешно ушли.

- Не известно, зачем земляне выбрали именно такой славянский способ приветствия, - учитель выразил голосом удивление, - но получилось так, как получилось. Да это и не столь важно.

- Спасибо! - заговорил вновь второй пришелец. - Мы рады такому приему. Он посмотрел на трибуну с представителями ведущих стран планеты.

- Что вы хотите знать о нас?

Из динамиков донесся голос:

- Мы тоже рады вас приветствовать. Скажите, откуда вы к нам прилетели?

- Как принято у вас говорить, - ответил первый, - с далекой планеты, но ее название, как, впрочем, и наша солнечная система, вам пока ничего не скажет. Конечно, в будущем мы надеемся, что ситуация изменится. Для этого мы и прилетели к вам. Сейчас мы можем лишь сказать, что наша планета очень красивая и высокоразвитая. Ей около пяти миллиардов лет. В размерах планета немного меньше вашей, а жителей около миллиарда.

- Почему вы решили пойти с нами на контакт?

- Дело в том, что мы давно принимаем от вас приветственные радиосигналы, вот и решили с вами познакомиться. Вы дружественная планета, мы тоже, так почему бы нам не дружить? И когда все наши жители приняли единогласное решение, мы и ответили вам. У нас такой порядок, такие законы. Мы не делимся на народности и нации, и все представляют единый народ

- На эту встречу прилетело руководство вашей планеты?

- Нет, но только потому, что у нас его нет. Мы все равны. Мы не знаем, что такое войны внутри планеты, у нас нет воровства и других беспорядков. Все это осталось далеко позади.

- Раньше у нас хоть и недолго, но был государственный строй, но потом... - начал было объяснять второй пришелец, но быстро осекся и с виноватым видом замолчал.

После некоторой паузы вопросы продолжились:

- Вы сказали, что в этот раз прилетели ненадолго. Значит ли это, что в ближайшее время собираетесь снова посетить нас?

- Да, через три года. Этот срок необходим, и в следующий раз мы пробудем у вас значительно дольше. Это же наш ознакомительный визит.

- Вы сказали, что все о нас знаете, откуда?

- Все необходимые данные содержатся в любом межпланетном справочнике, который обновляется ежедневно. Общие данные о Земле и ее жителях даже входят в школьную программу. А информацию собирают исследовательские корабли.

- Значит, НЛО - это вы и есть?

- Да, по крайней мере, одни из них. Дело в том, что множество неведомых вам планет интересуются здешней жизнью. Мы тоже. Простите, что сейчас не можем поподробнее рассказать об этом. Когда мы вернемся в следующий раз, вы все и узнаете в полной мере. И о нашем мире, и об остальных... Мы очень надеемся, что наша связь не прекратится.

Учитель, глядя на экран, поднял ладошку и замахал ею, словно отгонял мух. Изображение стало убыстряться. Промотав не интересное по его мнению, через какое-то время он опустил руку:

- Вопросов было очень много, но суть не в них. Смотрите дальше.

На экране все так же стояли пришельцы. Вдруг один из них на секунду прикоснулся пальцами ко лбу.

- Нам сейчас передали, что мы вынуждены возвращаться. Наше допустимое время пребывания в вашей цивилизации закончилось. Жаль, что оно было совсем коротким. Сейчас мы не успели рассказать вам обо всем, о чем хотелось бы. Понимаем, что и у вас осталось множество вопросов. Придется подождать до следующего раза, он обязательно случится, и очень скоро.

- Нам очень понравилось у вас, - продолжил второй, - спасибо, что вы нас приняли. Как у вас говорят - до свидания!

Они протянули вперед руки ладонями наружу, повернулись в сторону своего корабля и медленно пошли. В воздухе повисло какое-то странное молчание. Воздух словно наэлектризовался. Что-то должно было произойти. Это не могло быть концом встречи. Чувствовалась какая-то недоговоренность. Вдруг со стороны землян снова раздался голос:

- Извините, но разрешите нам задать последний вопрос? - этот голос был уже другой, словно кто-то в силу своего высокого положения сумел пробраться к микрофону

Пришельцы остановились и медленно, едва заметно переглянувшись друг с другом, развернулись.

- Да, что вы хотели спросить?

- Вы ушли далеко вперед в развитии... - голос замялся, подбирая слова. - Вам должно быть известно... Наши споры

по этому поводу не прекращаются уже тысячи лет... Ответьте, пожалуйста, существует ли... Бог?

Инопланетяне заметно напряглись, хотя и постарались сохранить спокойствие. Можно было увидеть, как слегка сузились их глаза. Первый спокойно ответил:

- Давайте мы этой теме, хотя бы в этот раз, касаться не будем. Мы знаем, что для вас значит религия. Конечно, у нас есть ответ, но вы пока не готовы услышать его... Извините.

- Значит, ваш ответ отрицательный, - быстро проговорил тот же голос.

- Ну что же, если вы настаиваете... Бога нет, это выдумка. В следующий раз мы расскажем вам, кому она принадлежит и зачем, но в следующий. До свидания еще раз.

После этих слов от космического корабля отделился луч света. Все произошло, как в первый раз, только наоборот. Пришельцев поглотил этот свет и в мгновение унес на корабль.

Экран в классе погас. Взгляды учеников устремились в просительном к учителю. Уловив их, он поднес палец к губам. Затем показал на экран. Стало заметно, что черный фон – это небо, заполненное черными тучами, дымом и копотью. Маленькая светлая точка, быстро увеличиваясь в размерах, опустилась сверху. Как в прошлый раз, она зависла на некотором расстоянии от земли. Сама земля представляла собой ужасное зрелище: груды развалин, испускающих дым, воронки и обломки зданий. Все вокруг было усыпано радиоактивной пылью и пеплом... Разгром и беспорядок царили всюду. Не было ничего похожего на ту картину, которую видели в первый раз.

Двое пришельцев, тех же самых, что и в первый раз, появились с лучом света.

Постояв немного времени молча и осматриваясь по сторонам, заговорил первый.

- И зачем они спрашивали о запретной теме тогда? Да! Кому мы теперь расскажем об остальном? – он засмеялся. Продолжил разговор второй пришелец, глядя прямо в камеру. Его голос звучал сухо, словно подводя итог.

- Сейчас на Земле около трех миллионов людей. Они разбиты по всей поверхности на колонии. Чтобы их собрать, нам понадобится немного времени.

На заднем фоне с черного неба возникло множество таких же белых точек. Космические корабли опускались повсюду.

Экран погас.

Учитель перевел вопросительный взгляд на учеников, потом улыбнулся и заговорил:

- Вот так, уважаемые детишки, мы сумели поработить еще одну планету. Земля превратилась в очередную колонию рабов. Урок окончен, какие будут вопросы?

Один из учеников с места спросил:

- Учитель, а если бы люди не задали этот фатальный для них вопрос, что бы было тогда?

- Они бы обязательно его задали. Этот вопрос интересен всем.

- А что сам Бог думает об этом?

- Откуда же нам знать? Это никому не известно, кроме его самого, конечно.

Раздался звонок, что означало - урок окончен.

Все присутствующие в классе сразу же начали менять свой вид. Они расплзлись в зеленую обесформленную, шевелящуюся массу. Исчезли картины из кабинета, изменилось все.

НАЧИНАЮЩИЙ ФАНТАСТ

Молодой человек, пройдя задумчиво по комнате несколько кругов, уселся, наконец, за стол. Перед ним лежали чистые листки, карандаши, ручки, книжки и карта звездного неба. Возле стола на полу валялись скомканные исписанные бумажки. Немного посидев неподвижно, он помассировал виски и взглянул в окно. Начинался августовский вечер. На небе были видны темные тучи, которые были неподвижны, словно ожидали приказа «дать дождь». Солнце уже почти скрылось за горизонтом, и недавно включенные фонари освещали деревья вдоль дороги. Жужжание машин было похоже на звуки одиноко летавших комаров. Прохожих не было.

Не найдя вдохновения на улице, парень оторвался от окна, включил настольную лампу и стал пристально смотреть на чистый лист, словно желая загипнотизировать его.

- Да как же мне начать-то, - проворчал он и заерзал на стуле, - как же эти фантасты пишут только? Подсказывает им кто-то, что ли? Не получается ничего, не сходится что-то.

Он взял в руки звездную карту и принялся разглядывать созвездия.

- И куда же мне приземлиться тут? Может быть... - Он напряг зрение, всматриваясь в черную точку, которой раньше не помнил здесь. В его голове уже начал зарождаться какой-то удивительный план, фантазия, наконец, заструилась и забурлила. Потом вдруг все потухло, он потрогал эту неизведанную черную планету пальцем, а потом смахнул ногтем. Его внимание переместилось в противоположную часть карты. - Нет, где-то я об этих планетах уже читал. Ничего не выходит, все уже изведено мыслями других. Вот с этой планетой должно получиться, - он всматривался в название, которое раньше не замечал. - Или это, или ничего. Я напишу про нее, все ахнут, это будет бестселлер, - он говорил яростно и сквозь зубы, - это будет взрыв. Я сделаю это, - и в подтверждение своих слов он с силой ударил кулаком о стол.

Вдруг фантаст замер в каком-то ожидании, прислушиваясь к отзвуку. Воцарилась полная тишина. За окном замолчали машины. Это длилось, может быть, одну-две секунды, потом и свет погас. Наступил полный мрак. Парень почувствовал, как ноги начали отрываться от пола. Или даже не ноги, а все тело словно куда-то летело. Откуда-то сверху вспышками пробивался белый свет. Он быстро разрастался и вот-вот должен был охватить летящего испуганного человека, который в полном ужасе пронзительно закричал:

- А-а!

Когда писатель врезался в этот свет, все внезапно прекратилось. Молодой человек увидел себя сидящим в удобном белом кресле. Находился он в небольшой комнате, где были видны какие-то непонятные приборы, мигали разноцветные лампочки. А в большом черном окне, словно светлячки, блестела россыпь белых и желтоватых точек. Рядом, на таком же вращающемся кресле, сидел мужчина лет сорока, его внешность делала его похожим на какого-то голливудского актера. Приятное и спокойное лицо не предвещало никакой опасности. Черные с проседью волосы были аккуратно зачесаны назад. Одежда также выглядела по-киношному: черный кожаный пиджак, черная рубашка и такого же цвета джинсы. Все с иголочки. Лицо незнакомца было ухоженным. Казалось, что он вышел только что из салона красоты или сошел с плакаты модных духов. Увидев, что гость находится в некотором замешательстве и ничего членораздельного не скажет, незнакомец начал разговор.

- Простите, что? Я не расслышал, - с интересом произнес он спокойным тоном. - Как вы сказали? - мужчина прищурил зеленые глаза, вглядываясь в своего гостя.

- Что, что случилось? Что произошло, где я, кто вы?..

Мужчина что-то быстро нажал на подлокотнике кресла. Тут же в воздухе запахло чем-то приятным и успокаивающим. Мысли начинающего писателя сразу же пришли в равновесие, в голове наступил давно забытый полный порядок. И, несмотря на то, что по-прежнему все оставалось непонятным, от бывшего волнения не осталось и следа.

- Ну что, - спросил незнакомец, - у вас все отлажено, то есть в норме?

- Да, я хорошо себя чувствую, вроде... - не понимая своего спокойствия, ответил парень.

- Значит, приступим. О какой планете вы хотите написать свое фантастическое произведение?

- Трудно сказать, я как раз думал об этом дома... скорее всего... А где я?

- Да, я же не объяснил вам. В общем, вы собираетесь написать о планете, которую совсем не знаете. Ни о тех, кто там живет, ни их культуру, обычаи и вообще где... то есть как, как они живут. Об этом вы не имеете никакого представления. Неужели вы думаете, что жители этой уважаемой планеты, ее руководство вас простят за ваши выдумки? Это может нюхать войной, то есть пахнуть. Для того, чтобы подобное не происходило, и была создана наша межгалактическая организация. Мы что-то вроде гидов, экскурсоводов-контролеров, которые помогают таким, как вы, не ошибаться. А знаете, таких, как вы, во всей Вселенной немало, а ложью другие цивилизации нельзя оскорблять. Когда-то из-за этого погасло много звезд, было уничтожено полным-полно планет. Вот вселенское сообщество и решило создать нас. Мы рассказываем и показываем неопытным писателям, как все существует на самом деле.

- И что, можно отправиться на любую планету, и вы все о ней расскажете? - молодой фантазер воодушевился, представляя открывшиеся перед ним возможности.

- Конечно, - собеседник кивнул, - конечно, не на любую. Некоторые планеты ввели мораторий на такие экскурсии. Главным образом это касается очень развитых миров. Они не хотят, чтобы отсталые планеты, например, такая, как ваша, смогли вырваться вперед своего времени вопреки правильному развитию. А такую, как ваша планета, или немного обгоняющая вас, пожалуйста. Да, о которой вы думали, туда нельзя, - подытожил звездный экскурсовод и уставился на писателя, который о чем-то глубоко задумался, и губы его дрогнули в едва заметной улыбке, - выбирайте другую, молодой человек.

- А исключения быть не может? - как-то искоса и хитро посмотрев в сторону «гида», поинтересовался парень.

- Конечно, конечно, нет, молодой человек. Последний, кому мы разрешали немножко подсмотреть, был этот, как его, Гарри Гаррисон, кажется. Он еще про крысу писал, железную или стальную, а то ли нержавеющей. Так он там такого понаписал, хорошо, что шутил, простили, а то...

- А какая планета самая востребованная? - не скрывая разочарования, спросил начинающий фантаст.

- Именно, - одобрительно кивнул мужчина. - А летают все чаще на вашу планету. Нравится описывать реакцию ваших людей, когда они видят НЛО. Вас вообще многие изучают. Я недавно прочитал хорошую книгу о том, как можно самим уничтожить свою планету в короткие сроки. Весело написано, вы отлично стараетесь. Ну, так что, молодой человек, смотрим, выбираем.

- А можно спросить, почему вы меня все время называете молодым человеком?

Прищурившись и в упор глядя на него, экскурсовод удивленно сказал: «Так вы же молодой человек!».

- Ну, парнем можно назвать, можно писателем или фантастом даже.

- Пока вы не фантаст и не писатель еще. Нужно соблюдать временную последовательность. А парень, это то же, что и молодой человек, так какая разница? Вы время-то не тяните, молодой человек.

- У вас есть карта, а то я наизусть не весь космос помню... пока.

Экскурсовод что-то нажал на подлокотнике кресла, и перед юношей прямо в воздухе появилась огромная карта. На ней было изображено бесчисленное количество звезд, галактик и даже совсем незнакомых созвездий. Каждый из объектов был подписан непонятными иероглифами. Внизу, справа и слева, светились странные знаки, напоминающие стрелочки.

- Послушайте, я не понимаю, что здесь написано и что это такое по бокам?

- Ах, да, до вас был японский драматург, решил освоить новый жанр. Ваша планета вообще очень богата творческими людьми. А по бокам - это стрелочки. Перед вами лишь небольшая часть нескончаемой карты Вселенной, моло... -

неожиданно он прокашлялся. После этого он что-то опять нажал, и надписи стали на русском языке.

Осмотрев восхищенным взглядом голограмму и прокрутив ее в разные стороны, человек ткнул пальцем в одну точку. Тут же на карте точка стала расти, приближаться, начали появляться очертания планеты.

- Сюда можно? - спросил он.

- Так, так, где это мы? Ага, да, сюда можно, прекрасный выбор. Уже летим. Вы первый, кто туда попадет из земных туристов. Так что уж дома постарайтесь написать, для них это будет единственное публичное признание, гадость писать не надо. А то как-то был писака, об одной планете такую, извините за нецензурное выражение, чушь написал, долго потом разбирались.

- Чушь – это не нецензурное выражение, - поправил радостный путешественник.

- Что, моя программа ошиблась? – мужчина выразил недоумение. - У вас такой трудный язык. Ну тогда скажите, как правильно?

- Лучше начинайте рассказывать о планете... - «молодой человек» поудобнее разместился на кресле и со счастливой улыбкой принялся слушать.

ПРИЗРАКИ ВОЙНЫ

Довелось как-то мне ехать поездом на долгожданную свадьбу сестры. Просто живем мы в разных городах, в двух противоположных уголках нашей необъятной страны. И вот я стою на перроне с полными сумками подарков от всех родственников, которые, к большому моему сожалению, не смогли поехать. Со мной и, конечно же, главный гостинец по словам деда - пять поллитровок с первоклассным самогоном, который он заботливо уложил в одну из моих сумок. По части производства самогона он мастак, мне даже кажется, что больше и ничего так хорошо делать не умеет. За что бы ни взялся, все получается кое-как. Если что-то мастерит, то оно обязательно вскоре сломается. Хотя по-разному, иногда развалится и сразу же. Да и горилку его кто выпьет, тот тоже падает. Только это, наверное, больше плюс, чем минус.

Разместился я в купейном вагоне, аккуратно уложил все свои сумки, в одиночестве сел и начал все обдумывать. Точнее дремать. Благо никто мне в этом не мешал, в купе я оказался в гордом одиночестве.

К сожалению, долго побыть одному наедине со своими дремотными мыслями мне не удалось. На одной из остановок подсел ко мне старичок один. Честно говоря, я уже и сам кого-нибудь ждал, надоело скучать, поэтому попутчику только обрадовался. На вид старику можно было свободно дать лет восемьдесят. Правда, одежда его немного насторожила - не очень опрятная. На плече висела сумка небольшая. Вот только взгляд его сразу бросился в глаза, испуганный какой-то, прыгающий с места на место. Осмотрел меня с ног до головы, в глаза внимательно заглянул и лишь потом поздоровался и сел напротив. Ехал попутчик молча, все время глядел куда-то в одну точку. Ну не помирать же со скуки, я и задал дежурные вопросы: как, кто, откуда, куда, беда ли какая? Разбуженный словно от глубокого сна дед мне ответил, что радоваться-то ему особо нечему, день рождения у него сегодня, а он вот снова в пути.

Поковырялся я немного, больше для вида, в сумке и поставил на столик одну из припасенных на праздник бутылок,

ну и закуски там разной. «Давай, - говорю, - дедушка, раз уж так вышло, отметим мы твой день. Посмотрел старик, улыбнулся, а давай, говорит, хоть этот день рождения пройдет, как полагается.

После третьей рюмки, так дед назвал свою железную кружку, которую я наливал до половины, старика вдруг словно подменили. До этого все больше головой кивал, да так: «да», «нет», а тут начал рассказывать о каких-то небылицах. О том, что путешествует он один и уже очень давно, воевал на фронтах Великой Отечественной войны. Про семью рассказал, и что теперь он один остался. И тут вдруг замолчал и в лице как-то сразу изменился. Взглянул на меня из-под бровей. «Хочешь, - говорит, - историю фронтовую расскажу, никому не рассказывал, ну да ладно, недолго мне уже осталось». Я еще налил, выпили, и старик начал, глядя сверкающим взглядом мне прямо в глаза:

- Шел сорок второй, под Калугой мы тогда были. В контрнаступление шла рота наша. Бои были, не дай Бог. Прорвали мы линию фронта и в тыл. Ну, вот и подперли нас немцы, а куда нам деваться, половина нашей роты осталась. И боеприпасы на исходе. Конечно, отступали. На кладбище какое-то зашли, старое, заброшенное. И все, окружили нас фашисты (тут старый солдат выругался). И связи нет, радиста убило. Тут вызывает меня командир к себе. Давай, говорит, Петруха, вот тебе конверт, наша дивизия в восьмидесяти километрах на восток, передашь такому-то, и, значит, спасешь нас. Поторопись, на тебя вся надежда, недолго мы этот плацдарм держать сможем. Расцеловал в щеки и благословил. Ну и пошел я. Ночь, немцы под носом, пули свистят, взрывы. Кое-как к вечеру следующего дня добрался я до наших. Представился, все как полагается, объяснил, что к командиру мне надо. А они смотрят как-то не так на меня, но перевязали и отвели в штаб. Отдал я конверт командиру ихнему, тот прочитал, посмотрел на меня, потом на своих, введите, говорит, пленного. Через несколько минут приводят немца, глаза навывкате, по сторонам озирается. Командир объяснил, что тот прибежал к ним утром, как ошалелый. Видно, бежал куда глаза глядят, в одной рубахе и штанах. Увидел нас, заорал и упал, как под-

кошенный. Скрутили, конечно, и на допрос. А он словно обухом стукнутый. Ну, ничего, привели в чувство. Оказалось, что бежал он оттуда, откуда двигался и я. Но, несмотря на то, что отправился позже, пришел раньше.

Он поведал, что через сутки сумели фрицы взять нас в кольцо еще плотнее, а дальше пушками и минометами... Тот погост деревенский, на котором наши оборонялись, с землей все же сравнили, никого в живых не осталось, все подчистую. Я бы и не успел добраться до помощи. На ночлег фашисты встали неподалеку. И, как он говорит, ночью из темноты солдаты русские появились со всех сторон. По ним стали стрелять, а им хоть бы хны, подергиваются только, и дальше - руки вперед и на них. Этот пленный чудом спасся, бежал постоянно, пока с пеной у рта к ним не попал.

Старик опустил глаза, затем перевел их на пустую кружку. Догадавшись, чего он хочет, я выполнил его просьбу. Рассказчик выпил и снова устремил на меня свой пронзительный горящий взгляд, продолжил рассказ.

- Я, признаться, ничего не понял, только командиру говорю, что помощь нам нужна. А он мне, мол, ездили уже и никого там, кроме немцев мертвых, не нашли. Твои прорвались, наверное как-то, и, ткнув в сторону пленного, произнес кратко: расстрелять!

Мне командир предложил с ними остаться в надежде, что вместе мы роту мою найдем. Не знаю, что меня тогда удержало отказаться, ответил, что сам их найду, что догадываюсь, где они могут быть.

Дали мне еды, и отправился я на поиски по деревням да по селам. Никто не видел и не слышал ничего о моей разведро-те. А потом дошли слухи, что с той дивизией, куда меня мой командир отправил за помощью, беда случилась – перебили всех. Их через пару недель мертвыми обнаружили прибывшие наши ударные силы.

Затем мой рассказчик снова опустил глаза, но уже никуда их не переводил, а начал клевать носом и, прикоснувшись головой к столу, мирно засопел. Я уложил его, а сам что-то уснуть не мог, понять пытался услышанное. Конечно интересная байка, только, скорее всего, старик все придумал.

Утром дед разбудил меня. Он был не в себе.

- Сынок, прости, что я рассказал тебе об этом, прости, если сможешь. Я не знаю, может быть, уже и все, но ты пойми, они находят всех, всех, кто знает о них. Я скитаюсь все время после этого случая, езжу с места на место и к людям стараюсь поближе. В этот раз плацкарта не оказалось, но что в дороге может случиться? Что же я наделал: теперь и ты знаешь!

Старик долго еще извинялся, а потом вышел на одной из станций, а я продолжил свой путь.

Об этой истории мне никому не хотелось особо распространяться, так как веры в нее большой не было. Напился дед просто, да и все. Но на всякий случай никому не рассказывал.

А вот недавно решил записать ее по памяти. Кто знает, может быть, когда-то и пригодится мне зачем-нибудь. Может, в интернет скинуть, не знаю (шутка). Страхи по ночам только мучают, все мерещатся эти солдаты, что в окно смотрят или возле кровати стоят. Ерунда это, конечно, понятно, однако все равно напрягает.

Если же вы по какой-то причине ее где-нибудь встретите, историю мою, то ни в коем случае не читайте. Пока я есть, ее никто не увидит. Если же старик прав, берегитесь и вы.

СРАЖЕНИЕ

- Так, вы идете по левому флангу и отвлекаете противника, - командир показал куда-то в сторону, - а вам же предстоит самая важная задача, - он обратился к другой группе, - захватить продовольственный склад. Говорящий нахмурился, из-за чего стал казаться еще более важным.

- Вперед! - прокричал он что есть мочи, две группы солдат мгновенно двинулись в разные стороны, поднимая вихрь пыли.

Проводив их суровым взглядом, уже немолодой офицер, найдя в своем укрытии более удобный угол обзора, стал внимательно следить за выполнением операции. Вон первая группа по команде окружает противника и ведет его на безопасное расстояние от второй группы, которая тем временем продвигается все ближе к цели.

- Так, так, - напряженно заговорил вслух командир, - все верно, только ниже, ниже пригнуться надо, кого учил-то. Если вас заметили, нужно сразу падать, внизу легче затеряться. Это первый урок молодого бойца. Хорошо двигаются, только главное не привлекать внимания, чтобы противник не раскусил нас и не переключился на основную группу. Это второй урок. А дальше, надеюсь, помните - если вас обнаружили, то часть солдат атакует противника и не дает ему собраться с мыслями. Остальные тем временем уходят. Эх, не видно уже ничего, далеко ушли...

Он некоторое время бурчал еще под нос правила ведения боя, хотя прекрасно понимал, что его никто не слышит, потом, когда солдат уже совсем не стало видно, замолчал.

Откуда-то сбоку вынырнул солдат-разведчик, в его обязанности также входило информировать обо всем начальство. Не теряя времени, он выпалил: «Разрешите обр...»

- Разрешаю! - перебил его опытный воин. - Что с нашими силами, не вижу, что на фронте творится?

- Первой группе удалось обмануть противника, но они терпят серьезные потери, неприятель быстро вооружился. Вторая группа пока не обнаружена врагом...

- Все ясно, - пренебрежительно, словно все это уже зная, прервал докладчика командир, - возвращайтесь на позицию, я должен знать каждый шаг.

В мгновение ока информатор скрылся из поля зрения. Оставшись один, начальник решил продолжить свои размышления: «Когда же нам выдадут оптику, что за каменный век, здесь боевые условия, а не игра в кошки-мышки, скорей бы в отставку, устал уже, столько лет в строю. Мы бьем числом, они силой, вот парадокс. Сколько можно видеть трупы товарищей, эти серые горы...»

Вдруг где-то сбоку донеслось:

- Возьмите меня, я тоже хочу сражаться, - молодой боец в форме явно не по возрасту появился перед погруженным в себя командиром.

- Ты откуда такой взялся, малец, почему не по уставу? - скрывающая волнение от внезапной встречи, быстро сказал военачальник.

- Я доброволец, только что проник на территорию. За периметром много таких, как я, рвущихся в бой смельчаков, но противник хорошо закрыт, трудно попасть сюда.

- Это понятно, иначе мы бы уже давно победили. Нам нужны добровольцы, как никогда. Двигай к месту событий, давно нет слухов от наших, сообщишь, как обстоит дело.

- Есть! – выкрикнул молодой солдат и скрылся.

Старый воин проводил безразличным взглядом новобранца.

«А может, бросить все, эта война обречена. Хотя пока есть это «мясо», - командир снова посмотрел вслед добровольцу, - рано думать о проигрыше. Эта война – наша жизнь, где, похоже, никогда не будет победителей и проигравших».

Спустя некоторое время, слегка наклонившись на один бок и прихрамывая, солдат-разведчик приблизился к главнокомандующему и дрожащим голосом, запинаясь, заговорил:

- Первая группа разбита полностью, вторую не видно, думаю, что и она потеряна. Я принял удар, понес...

- Не продолжай, вижу-вижу, – каким-то безжизненным, потухшим голосом произнес командир, - оставаться в укрытии, мне надо уходить за новыми солдатами. Ты – молодец! Ничего, потом в госпитале поправишься, - при последних словах командир отвернулся. Я скоро буду с подкреплением.

Жирная сине-зеленая муха-командир тяжело оторвалась от лампочки и, грозно жужжа, направилась к открытой форточке. Там влетела в щель в сетке и понеслась в сторону компостной ямы, где всегда можно найти новую и свежую силу.

ЗЕРКАЛО

- Если не ошибаюсь, то именно это зеркало ты приобрел на аукционе три дня тому назад? – с интересом спросил Питер Сэма, проходя с ним в его комнату.

- Да. И ты уже знаешь? – удивился Сэм. - Не правда ли, очень красивое?

- Что красивое, то правда. Но ведь оно очень старое. Ему, наверное, около трехсот лет. С каких это пор ты стал интересоваться древностью?

- Ничего ты не понимаешь, Пит. Сейчас же все приобретают антиквариат. Вот и я решил. На аукционе за него никто и цены не давал почему-то, так что я его купил очень дешево и рад этому.

Немного подумав, он продолжил.

- Если бы у меня хватило денег, я бы еще и не то купил. Там было столько разных старинных вещей: подсвечники, люстры... Но зеркало мне действительно было нужно, бывшее то разбилось.

Питер, не отрывая глаз от зеркала, спросил:

- Слушай, я читал в газете про старый дом, тот, что за городом – ты знаешь. Его единственный владелец пропал, и родственники все полезные вещи сдали на аукцион, а дом продали. Он вопросительно посмотрел на друга:

- Это случайно не тот аукцион, о котором ты мне говоришь?

- Тот, можешь не сомневаться, но что это меняет?

Да нет, ничего. – затем медленно добавил. - Вот только того хозяина почему-то так и не нашли.

Он бросил взгляд на настенные часы:

- О, мне пора, спасибо за чай и экскурсию в старину. Знает, я жду тебя во вторник.

- Да, я приеду... Так ты уже уходишь?

- Я и без того задержался. Ты же знаешь мою жену – еще та...

Сэм проводил Питера до двери, попрощался и вернулся в свою комнату. Проходя мимо окна, он увидел отъезжающую машину Питера. Подошел к зеркалу. Часы пробили двенадцать.

- Уже давно надо было лечь. Я рехнусь с этой работой. Каждый день приходится вставать в такую рань.

Он напоследок провел рукой по резной раме зеркала, потом посмотрел себе прямо в глаза:

- Тридцать пять, а выгляжу на двадцать пять. Это хорошо... Ой, что это?!

Зеркало неожиданно начало мутнеть. Отражение стало искажаться, и уже невозможно было понять, что там и кто там.

- Что такое? Точно уже спать пора. Да нет, что-то здесь не то...

Осторожно поднес палец к зеркалу и попытался потрогать его. Палец легко вошел, словно в воду. Сэм вытащил палец, и недолго думая, сжал руку в кулак и с силой ударил по мутной глади. Кулак исчез, и через мгновение что-то ударило его по лицу чуть ниже левого глаза.

Сэм разинул рот:

- Да это же я себя ударил-то!

Еще не совсем веря в происходящее, он засунул в черную пасть зеркала вторую руку, которая тоже утонула в нем. Резко вытащил обе руки – все целое!

Через некоторое время отражение само приняло обычный вид. В нем снова отображались комната, вещи, Сэм с диким выражением глаз, один из которых покраснел.

- Чудеса! Надо Питеру позвонить, поделиться сенсацией...

Быстро подошел к телефону, набрал нужный номер:

- Алло, Питер, ты не поверишь...

- О, Сэм, как хорошо, что ты позвонил! Объясни хоть ты этой... женщине, что я сейчас был у тебя. Надоела уже!

Сэму пришлось объясняться с женой Питера, и желание рассказать другу о случившемся пропало. Зато он решил показать ему все на месте и пригласил друга заехать, как будет время.

Сон уже отступил, и Сэм решил попробовать еще раз необыкновенные свойства зеркала. Вдруг это было временное помутнение рассудка.

Заметно волнуясь, мужчина подошел к зеркалу. Отражение было в порядке. Сэм провел рукой по раме так же, как в

первый раз. Зеркало сразу начало темнеть, грани стираться. Рука опять исчезла. За ней вторая. Потом что-то больно ткнуло в глаз.

- Тьфу ты! Совсем забыл.

Он вытащил руки, потер лоб, и вдруг ему в голову пришла дерзкая мысль:

- А что если в него залезть?! Еще немного поколебавшись, Сэм снял зеркало со стены и положил на пол. Погладил раму, отображение потемнело. Осторожно, словно входя в холодную воду, он шагнул в него... и провалился. Через мгновение человек с загадочным выражением лица уже стоял возле зеркала и с удивлением озирался вокруг. Изображение тем временем вновь стало нормальным, а вот своего отражения в нем Сэм почему-то не увидел.

- Наверное, чего-то такого и надо было ожидать, - произнес он, сам удивляясь своему спокойствию. Хотя бы я себя слышу, это уже радует. А что же еще изменилось, или на этом представление закончилось?

Он прошелся взглядом по комнате и попытался потрогать близлежащие вещи. Однако телефон, по которому Сэм только что разговаривал, братья отказался. Пальцы проходили сквозь него, словно он вдруг стал воздушным. Дальше мужчина попробовал дотронуться до стола, но это ему тоже не удалось. Некоторое время он, еще не веря в происходящее, с таким же нулевым успехом перетрогал чуть ли не все вещи в комнате. Затем, успокоившись, встал перед зеркалом, расположив руки в боки и выразив на лице наигранную претензию.

- Ну как все это понимать, чудесная стекляшка?

Было видно, что Сэму все происходящее начало нравиться и даже забавляло его. Голова кружилась от возможностей, которые теперь открывались перед ним. Мысли щекотали мозг. Он напряг руки и вдруг ощутил, что чувствует их, затем убрал руки с торса и потер ладошки друг об друга. Действительно, самому себя получается трогать (он вспомнил недавний удар себе в глаз) и даже бить.

Вновь провел глазами по комнате в поисках новых мыслей и наткнулся на часы.

- О-го-го, уже час. Я же не выплещу. Так, все потом...

Быстро нагнулся над зеркалом, изображение которого было абсолютно чистым, отражался в нем лишь потолок.

- О главном-то я и не подумал! - он почувствовал, как кровь стала приливать к голове. Сэм начинал охватывать ужас.

Через некоторое время все же сумел взять себя в руки, решив, что в таком состоянии только сможет навредить себе. Неуверенным движением руки он дотронулся до зеркала. Это, к счастью, удалось. Нервно потер раму – изображение помутнело.

- Так, если прыгнуть туда еще раз, то, по идее, я вернусь в прежнее состояние? Да будь, что будет... - пробормотал Сэм и шагнул.

Осмотрелся, дотронулся до стола – ощутимо. Потом быстро поднял зеркало и повесил на место.

Лишь под утро возбужденному всем произошедшим человеку удалось уснуть.

Вскоре, услышав будильник, Сэм быстро вскочил, оделся, умылся и выпил кофе. К зеркалу решил не подходить перед работой.

День прошел как никогда быстро.

Вернувшись домой, хозяин обнаружил на автоответчике сообщение Питера:

- Сэм, привет! Сегодня жена уезжает к матери десятичасовым поездом. Я не верю своему счастью. С вокзала я заеду к тебе, отметим это дело.

- Да уж, конечно, отметим, - загадочно ответил он .

Пробило двенадцать часов. Сэм в ожидании уже стоял у окна.

- Что-то Питера долго нет, неужели не приедет?

Свет фар осветил дорожку перед домом.

- Ага, ну наконец-то, сейчас я над тобой подшучу, вот сме-ху-то будет.

Он выключил свет, снял со стены зеркало, потер его и сделал все, как вчера.

- Чудеса! Все повторилось! До сих пор невозможно поверить.

Хлопнула входная дверь.

- Сэм, у тебя было открыто. Ты где?
- Здесь, здесь, - пробормотал Сэм, догадываясь, что Питер его не слышит.
- Сэм, это плохая шутка. Я же знаю, что ты дома, у тебя горел свет. Отвечай, где ты?
Обойдя кухню и зал, Питер вошел в комнату.
- Ты где?
Прошел мимо загадочно улыбающегося Сэма.
Вдруг что-то хрустнуло.
- Черт возьми! Зачем ты положил его на пол, Сэм, ты где?
Я раздавил твое зеркало. Сэм, ты слышишь?

Čkažku

ОПАСНЫЙ ПОВОРОТ

На одной из бесчисленных дорог, где-то на загородной трассе, стоял дорожный знак. Он был самый простой: металлический треугольник на трубе, вкопанной в землю. Обозначал знак, что за ним будет поворот налево, и все. Немаловажным будет сказать и о том, что больше всего на свете он любил свою работу. А труд стоять и в холод, и в дождь, и в любые природные условия, прямо и открыто смотреть на проезжающие автомобили - велик. На некотором расстоянии перед нашим знаком был другой, такой же обычный треугольник, обозначающий искривленную дорогу. Но этот знак был ужасно ленивым, чем вызывал настоящее негодование нашего знака. Другой не хотел стоять: то он начнет ржаветь, то краска поблекнет, то вообще сбросит ее с себя и стоит как ненормальный. Даже становилось не видно, что он обозначает. Конечно, это непозволительно, поэтому-то наш треугольник не дружил с ним. А что он отлынивает от работы, симулирует болезнь? Поэтому когда дорожные службы приехали и увезли с собой этот испорченный знак, было совсем его не жалко. На его место поставили другой, но тот был почему-то неразговорчивый. Зато работал как надо, а это, конечно, главное.

Какое точно время наш хороший знак стоял на своем посту, он и не помнил. Да это и не так важно, сколько бы ни было. Он ничуть не устал и был по-прежнему хорош собой. Когда автомобили подъезжали к нему, он специально становился ярче, если ночью фары его освещали, то он еще лучше отражался.

А однажды случилось неприятное: знак вдруг заметил, что водитель одной из проезжающих машин даже не взглянул на него. Был тогда прекрасный, теплый летний день, но вот настроение оказалось испорченным.

«Да как же это может быть, для чего я вообще здесь стою? Разве можно меня было не заметить», - еще долго, удивляясь, говорил он.

Но остальные водители по-прежнему одаривали его взглядом, и вскоре он успокоился. И все бы ничего, но через

некоторое время ситуация повторилась. Только если первый невнимательный водитель проезжал днем, следующий появился уже ночью. Эту машину знак увидел еще издалека. Готовился, думал, что лучше сделать поярче: красные контуры, или черное изображение поворота. В итоге он решил засветиться весь. А водитель как смотрел себе куда-то вперед, так и смотрел. Вот тут уже удивлению, а потом и негодованию не было предела. Если бы этот нехороший водитель посмотрел в зеркало заднего вида после того, как проехал наш знак, он бы заметил, что тот продолжает светиться в темноте. А если бы он знал язык дорожных знаков, то и услышал бы кое-что о себе. Вообще-то знак был очень спокойным, ну бывало, конечно, какая-нибудь машина обрызгает его грязью, потом надо ждать дождя, чтобы помыться, но это еще не так страшно, терпимо. Или порой приходится кричать на птиц, которые так и норовят присесть на него и... замарать. Приходилось злиться, а что делать. Но так ярко знак еще не светился.

В общем, несколько дней треугольник стоял сам не в себе: то светился не вовремя, то вообще забывал делать это. Тогда-то и решил знак, что работать нужно лучше, ну, чтобы тебя замечали. Днем он стал красоваться лучше нового, играть солнечным светом и переливаться, а ночью, как только свет фар его коснется, он вспыхивал ярче и заметнее, чем это было нужно. Только водители, наоборот, стали реагировать на него странно. Днем прищуривались или закрывали глаза. И это на проезжей части?! То вообще, пугаясь, выворачивали руль в противоположную сторону и несколько раз чуть не вылетели с дороги.

Знак не знал, что делать с горя. Даже однажды темной ночью, когда машин не было, он позволил себе поплакать, горько и жалостливо. Даже тот гордый и не разговорчивый удивленно повернулся к нему и, моргнув, спросил о причине такого поведения. Знак рассказал обо всем, что наболело. А тот спокойно ответил, что не нужно брать эти глупости себе в голову, что водители плевать хотели на них, что нужно стоять, пока твой срок не выйдет, и стараться не замечать ничего вокруг. То есть спокойно делать свою работу и не смотреть на водителей и даже не слушать их. Дальше он рассказал о том,

что только городские дорожные знаки водители любят, а на них им по большей части все равно. Затем он обратно отвернулся и больше не поворачивался.

На этом ситуация могла бы и закончиться, но только не для нашего знака – он решил наказать водителей. Когда следующая машина осветила его фарами, он показал поворот направо. И водитель посмотрел. Доехал до поворота налево и остановился в нерешительности. Затем он на заднем ходу вернулся к знаку и, осветив его фарами, вышел из машины и подошел к нему. Нет, ничего такого он, конечно, не увидел. На знаке был, как и положено, изображен поворот налево.

Зато знак был вне себя от радости, его не просто заметили, а даже подошли, такое было впервые за все его долгое стояние здесь. Человек пожал плечами, потер глаза, сел и уехал.

Внимание следующего водителя знак решил проверить днем. Хотя лучше бы он успокоился на том, что было. Когда предупреждающий треугольник оказался в зоне видимости водителя, знак изобразил тупик. Этот водитель тоже остановился, только перед знаком. Вышел из машины, посмотрел на знак, потом вперед. Впереди виднелся поворот в левую сторону, а никак не конец дороги. Водитель подошел к знаку, но тот уже показывал, что и положено. Дальше поведение водителя объяснить было трудно. Он приблизился вплотную к знаку и плюнул ему прямо в лицо, при этом неприлично выругался, сел в машину и уехал. Такого оскорбления знак простить не мог. Он, конечно, имел возможность согнуться и ударить обидчика со всей своей силы по голове, но только опешил и оскорбился до предела. Про человека в этом случае говорят: «ушел в себя». Туда же отправился и наш знак.

Больше он решил не служить этим людям. Когда на горизонте появлялась машина, знак отворачивался от нее. Как ни странно, но тогда водители вообще перестали его замечать. Знак ждал, что, может быть, кто-нибудь подойдет к нему и повернет обратно в сторону проезжей части. Знак бы и сам помог человеку, развернулся, сверкнул бы, переливаясь на солнце, но ничего этого не происходило. Водители просто проезжали. От горя и одиночества знак начал горбиться и ржаветь. Он не слышал советов своего соседа о том, что та-

кое поведение может привести к печальным последствиям. Вскоре уже нельзя было понять, что он изображал когда-то. А потом приехали работники дорожной службы и заменили этот знак на новый. Наш знак даже не взглянул на новичка. Можно было, конечно, посмотреть на него, поздороваться, предупредить обо всем, но старому знаку уже было все равно. Увезли его на свалку к таким же постаревшим, молчаливым и не нужным дорожным знакам.

МЯСОРУБКА

Субботнее утро проходило как обычно: после завтрака папа сел в кресло возле выключенного телевизора и взял в руки газету. После этого папу не стало видно. Только переkreщенные ноги в сером трико и синих тапочках высывались из-под нее. Иногда одна нога запрыгивала на другую, и тапочек подрагивал в воздухе. Из-за газеты иногда доносилось «ого». В зависимости от текста это «ого» звучало радостно или же, напротив, возмущенно.

Мама в это время, как всегда, пропадала на кухне и что-то готовила на обед. Лучше все сделать сразу, говорила она, а потом спокойно отдыхать со всеми. Из кухни то и дело доносилось бряканье посуды. Иногда слышалось: «Да куда я ее положила? Настя, ты не видела? А - вот она!» И затем все продолжалось.

Я сидела на диване с какой-нибудь книжкой, читала или просто думала о чем-нибудь своем, а порой просто наблюдала с интересом за родителями. Иногда мама меня звала на кухню помочь ей, но потом я снова возвращалась на диван. Наша кухня была настолько маленькой, что находиться там вдвоем и при этом снова туда и сюда из угла в угол долгое время было за гранью выносливости. И мама все равно отправляла меня заниматься чем-нибудь другим и, главное, в другом месте. Поэтому сидеть на диване и читать книжку – все, что мне оставалось в субботнее утро в мои восемь лет.

Вот мама наконец выпорхнула из кухни, обдав всех волной вкусного запаха того блюда, которое нас ждёт на обед. Подперев руками бока и пытаясь глядеть на нас обоих, хоть мы и находились в разных углах, она решительно произнесла: «Так, суп сварен, жаркое готово, хлеб куплен! Или нет?». Сделав лицо озабоченно-вопросительным, она снова упорхнула на кухню. Затем оттуда донеслось: «Сходите за хлебом!». Папина газета не шелохнулась, и лишь слышалось какое-то невыразительное: «ого». Моя участь была решена. Взяв у мамы пакет и деньги на булку хлеба и мороженое, я вышла из квартиры и бегом спустилась с пятого этажа. Магазин находился совсем рядом, стоило только пройти три двора. Доро-

гу переходить нигде не нужно было, поэтому меня спокойно туда отпускали. Весело размахивая пакетом, я отправилась через дворы. И здесь все как всегда: те же бабушки на лавочках что-то возбужденно объясняли друг другу. И второй дом все такой же. Прячась от жаркого июльского солнца, пожилые люди сидят или в беседках под крышей, или на лавочках под прикрытием листвы деревьев. Вот и третий двор. Постойте-ка... Что с ним такое случилось? Этот всегда заполненный детворой дворик вдруг оказался совсем безлюдным. Здесь не было никого и почти ничего. Даже сама четырехподъездная пятиэтажка стала какой-то темной. Примерно такую я бы нарисовала своими карандашами: черным и серым. Пробежав удивленно этот последний двор, я попала в другой, как две капли воды похожий на предыдущий. Я остановилась и помотала головой, чтобы уже, наконец, проснуться. При любом раскладе (это папино выражение) прошлый двор должен быть последним. Тогда что это? Снова пятиэтажка, а дальше ничего не видно. И сзади тоже ничего и никого. А если побежать быстро вперед, то, может быть, эта странность закончится? – подумала тогда я и побежала, крепко прижав пакет к себе. Иначе он бы просто порвался. Мимо пронеслись все такие же, как под копирку, три дома. Вернее, два с половиной. Не веря своим глазам, я уставилась на это чудо. Передо мной стояла лишь половина дома и половина двора, дальше все было темным и невидимым. Вдруг кто-то, словно опомнившись, быстро дорисовал недостающие детали, и рисунок стал полным.

Не веря своим глазам, я кружилась на месте, пытаюсь справиться с мыслями. За домом должна быть дорога, там проезжая часть, и мне туда нельзя, но здесь я находиться больше не хочу, нет, только не здесь. С этими словами я ринулась между домами вправо и... вместо дороги и машин там находились какие-то наброски начатого рисунка. Как такового там не было ничего, даже запахов и звуков. Я все бежала и бежала, пока не выдохлась. Остановилась и осмотрелась. Вокруг все было незнакомо. Вырисовывались улицы, дома, деревья, что-то еще. Только все было каким-то ненастоящим. Прошла еще немного, затем свернула и неожиданно увидела впереди

большие кованые ворота. За ними виднелись деревянные и бетонные кресты, прямоугольные камни, торчащие из холмиков и лежащие на них. Когда я подошла к воротам, они сами открылись. Если это завершение моей небывальщины (в игру с таким названием я когда-то давно-давно играла), то от него мне все равно не уйти. А раз выбора нет, то и думать нечего. С этими мыслями я медленно, но уверенно пошла на территорию кладбища.

Конечно, это кладбище, в этом и сомневаться нечего. Такое я уже видела в папиных и маминых фильмах. Самой, правда, тут быть еще никогда не приходилось, наверное, поэтому суеверного страха не было.

Побродив без цели среди могил, я села на маленькую скамейку возле большого серого камня и зелененькой елочки. Читать надписи на плитах даже не пыталась. Конечно, могла бы, но для второклассницы это было бы не так просто. Буквы были какие-то корявые (это слово слышала часто от папы, когда тот смотрел футбол) и не сразу узнаваемые. Я устала и уже ни о чем не хотела думать. Вдруг как-то неожиданно быстро наступил вечер, а за ним так же быстро пришла ночь. Может, и не пришла, просто все так резко потемнело, что от неожиданности я даже встала со своего места.

Внезапно плита, возле которой я находилось, начала источать красный свет. словно в центре, в глубине, включили красный огонек и постепенно приближали его к поверхности. Тараща в ужасе глаза на это все, я отступала назад к елочке. Она как раз стояла у меня за спиной. Потом плита, сквозь которую проступал этот странный свет, откинулась в сторону, словно крышка чемодана, и из темного отверстия на меня стал смотреть красный череп. Его глаза ярко светились еще более красным светом. Череп пристально смотрел на меня, а я продолжала медленно отступать к елочке. Затем его красные челюсти с черными зубами зашевелились. «Раз, два, три – елочка, гори», - произнес в тишине неестественный, грубый голос. В тот же момент елка, к которой я так старалась подойти и спрятаться за ней, вспыхнула ярким пламенем. Не успев ничего подумать, я отскочила от горящего дерева. И надо же

было такому случиться, что, отпрыгнув от него, попала как раз в черную дыру, в которой противно улыбался красный череп.

Неизвестно, сколько бы времени я была без сознания и лежала на влажном земляном полу, если бы все тот же голос прямо над ухом не произнес. «Раз, два, три – глазки отвори!» Я открыла глаза и вскочила. Пахло землей, корнями трав и чем-то еще непонятным. Вокруг себя лишь увидела темноту с каким-то красноватым оттенком. Сразу понятно, чье это логово. Тут как раз из темноты показался его хозяин. На уровне моего лица ко мне подплыл красный череп.

- А я уже тебя заждался, - он смотрел красными огоньками прямо мне в глаза. - Ну все, хватит отдыхать, пора работать.

- Где я и почему я здесь? – мой голос был испуганным.

- Ты в моей могиле! – честно ответил он.

- А почему? – он усмехнулся, - потому что кому-то нужно делать эту работу. И я выбрал тебя! - он махнул головой в сторону (как будто у него еще что-то было). - Вперед! - уже крикнул он (при этом возгласе его голос взвизгнул, скорее всего, таким визгливым он и был на самом деле).

- Но там же ничего нет... - начала было я, как вдруг совершенно темное место осветилось тем же красным тусклым светом, и я увидела большую черную мясорубку. Выбора у меня не было и спорить тем более не хотелось. Пришлось подойти к мясорубке. С одной ее стороны, по-видимому, к ней меня и приглашали, находилась большая и изогнутая бронзовая ручка (может, и не бронзовая, конечно, но так я решила). С другой стороны находился тот конец, из которого обычно вываливается фарш. Только этот был во много раз больше, а под ним вместо чашки не было ничего, только темнота. Сверху то место, куда кладут кусками мясо, было тоже огромным, и над ним тоже ничего не было, только темнота. Спрашивать о том, что мне предстоит перемалывать, не хотелось, и я начала крутить, правда, когда ручка оказывалась в верхней точке, мне приходилось подпрыгивать. Вот уж зарядка!

Как только все заработало, сверху в мясорубку стало что-то падать. Лучше бы я не присматривалась. Это были человеческие кости. Из мясорубки в это же время сыпался серый

порошок. Он сыпался и исчезал в темноте. Череп все так же молча висел у меня за спиной.

Понятное дело, что от неожиданной и непривычной работы вскоре я запыхалась и остановилась.

- Не отдыхать! – тут же взревел он.

- Но мне же непривычно, да тут и дышать нечем, - возразила я, - надо отдохнуть.

- Если будешь хорошо работать, я разрешу тебе выйти наружу отдышаться. Но это нужно заслужить. Раз, два, три – тщательней крути!

- Неважная рифма, - прошептала я и начала крутить. У черепа при этих словах глаза вспыхнули, и наша комнатка ярко осветилась. Стали на мгновение видны стены. Больше вокруг ничего не было видно. Потолок также был невидим, наверное, он находился слишком высоко.

Не знаю, сколько я так крутила, часов у меня не было, но долго, так как невыносимая ломота в руках и ногах все же заставила меня остановиться. Дыхание при этом было настолько громким и тяжелым, что череп плавно подлетел ко мне и произнес то, на что я уже давно рассчитывала:

- Хорошо, ты молодец! Теперь можешь немного отдохнуть наверху, только не вздумай бежать, это бесполезно. При этих словах со всех сторон из стен с хрустом вылезли человеческие руки, вернее, только кости, и потянулись ко мне, но не достали и снова спрятались обратно.

- Прошу! – сказал череп и перевел взгляд вверх. Сверху, метрах в трех от пола, тут же открылась дверка и стало видно темное ночное небо. Затем спустилась лестница из костей. Как такового выбора у меня не было (так обычно говорит мама, когда рассказывает, почему она купила именно эти дорогие сапожки или недешевую кофточку), и я полезла наверх.

Там все оказалось таким же, как до моего спуска вниз. Елочка, правда, уже не горела и даже не тлела, и, осторожно подойдя к скамеечке, я присела. До чего же свежий воздух тут, как здесь хорошо! Только темно, ничего не видно, хотя, вроде бы, я пришла оттуда, - я посмотрела в сторону, - значит, там должны быть ворота.

- Тебе пора! – донеслось вскоре из отверстия в земле.

- Пора так пора, - бодро крикнула я, вскочила и побежала к воротам. Тут же из земли начали вылезать костяные руки и пытаться схватить меня за ноги. Как могла, я отпрыгивала в стороны и перепрыгивала их, но, увы. Одна из рук все же крепко схватила меня за ногу. Я упала и посмотрела вперед. Огромные ворота оказались закрытыми. Так что рано или поздно этой участи все равно было не избежать. Передавая из рук в руки, меня притянули к люку и опустили вниз. А вот череп, вопреки ожиданиям и опасениям, смеялся, причем громко и противно.

- Ты поняла мои слова превратно, но я не злюсь, теперь ты видишь, что бежать бесполезно, ха-ха-ха.

- Да, как-то так и вышло, - сказала я, подошла к мясорубке и продолжила свою работу.

Я крутила и думала, думала о том, как там без меня родители, о том, как можно выбраться и убежать. О школе почему-то мыслей не было. И неожиданно я подумала, что, может быть, получится убежать днем. При свете солнца руки могут и не появиться. Потом ворота, они, скорее всего, запираются на ночь, а днем должны быть открыты. Только бы меня выпустили днем... Если сейчас ночь, то часов через шесть точно будет день, при любом, как говорит папа, раскладе. Только надо заслужить отдых... При этой мысли я с новой силой принялась крутить ручку мясорубки, зарабатывая свой отдых.

Уже должно бы и пройти это время, думала я несколько раз, но надо сделать так, чтобы наверняка. В третий раз я все же остановилась, схватилась за спину и присела. Нет, не для того, чтобы разжалобить череп, просто спина болела очень сильно.

- Мне бы отдохнуть... - жалобно пропела я.

- Работай! - закричал череп.

- Не могу, - снова простонала я и захныкала. (Это уже было сделано специально, я ведь никогда не хныкала от усталости, даже на даче)

Череп громко и тяжело вздохнул. Потом все же взглянул вверх, тут же открылся люк, и подземелье осветило солнце.

- Ты уже поняла, что убежать бесполезно? – закричал череп. - Если еще раз убежишь, больше никогда не выпущу.

- Хорошо, - я была очень убедительной.

- Ну, иди, только быстрее, - прохрипел тот, и сверху упала лестница.

Очутившись снаружи, я сразу осмотрелась. Ворота, как и предполагала, оказались открытыми, а возле одной из ближайших могилок сидела бабушка и рвала траву. Как только я оказалась на поверхности, бабушка выпрямилась и посмотрела в мою сторону. Как будто она только и ждала этого момента, потому что при виде меня замахала руками, показывая в сторону ворот, и закричала: «Беги, беги отсюда!» И сама быстро пошла к воротам.

- Ну, было бы сказано, - прошептала я папину поговорку и пустилась наутек. Сзади был слышен рев черепа, но что он сделает днем. И руки, как я и рассчитывала, не высовывались. Беспрепятственно я добежала до ворот. За ними меня уже ждала бабушка. Она была очень старая и вся скрюченная. Лицо ее тоже было все сморщенное, только глаза живо блестели.

- Постой, девочка, - сказала она, удерживая меня. Вот тебе этот талисман, он поможет добраться до дома, только запомни, что твои родители не должны выходить из дома весь этот день, чтобы ты не оставалась одна. Иначе мой старик тебя снова заберет в свою могилу. Ну, беги, беги...

И она отпустила меня. Честно говоря, совсем не обязательно было повторять, это же не урок, я и так тут же пустилась бежать. В руке держала талисман с зеленым камнем. И действительно, дорога была ясная и понятная, словно знакомая. Без труда я добежала до магазина, в который, собственно, и шла вчера. Тут только я почувствовала усталость, остановилась и осмотрелась.

Платье мое было в отвратительном состоянии. Как бы сказала мама, замызганное. Все в пыли, грязи и разводах. А вы бы всю ночь покрутили мясорубку, может быть, еще хуже бы выглядели. Пакетика давно не было, даже и примерно не скажешь, где он остался. А вот деньги... Быстро залезла в кармашек. Деньги на месте. В руке оказалась свернутая купюра,

я так обрадовалась, что помахала ею, словно перед кем-то хвастаясь. Через пять минут я уже подошла к своему дому и позвонила в домофон. Как всегда, спокойным тоном ответила мама.

- Мама, открывай, - закричала я. Дверь открылась, и бегом, словно боясь погони, я молнией вбежала на свой этаж.

Испуганная мама открыла дверь:

- Почему ты кричишь, что случилось, ты что, потеряла деньги? Ничего страшного... А что ты такая грязная-то? Нашла в чем в магазин пойти, давай переодевайся. А, так ты купила хлеб, когда успела, ты же только что вышла? - она взяла булку. - Давай быстрее переодевайся, готовимся к столу, - пропела она последнюю фразу.

Поняв, что родители и не заметили того, что дочери не было целый день, а с ним и ночь, я решила ничего им не рассказывать. Да, правда, и сама начинала думать, что мне все приснилось.

Быстро приняла душ, переделась в чистое и села за стол. Родители уже начинали трапезу. А у тебя отличный аппетит, - заметил отец, глядя на то, как дочь уплетает все с тарелки. - Как будто всю ночь работала. Он улыбнулся. Я с набитым ртом что-то угукнула и продолжила свое занятие.

После обеда мама с папой сели перед телевизором, а я снова залезла с ногами на диван и взяла книжку. «Старуха Изергиль», - прочла название нового рассказа, и что-то словно кольнуло в грудь.

- Мам, пап, - крик вырвался сам собой, - не выходите сегодня из дома... Давайте хоть один день будем все вместе, ну, на всякий случай, - закончила я уже шепотом.

Родители удивленно посмотрели на меня.

- Хорошо! - ответила мама. - Давайте! - сказал, улыбаясь, отец и шепотом добавил: - На всякий случай.

В тот же момент зазвонил телефон. Трубку взял отец. Немного помолчав, он огорченно ответил звонившему: - А завтра никак? Ну, буду скоро, что же теперь делать, - он молча повесил трубку и с виноватым лицом подошёл ко мне.

- Прости, милая, мне придется уехать ненадолго, я скоро буду, извини...

Вскоре он вышел из дома. Мама еще немного посидела возле телевизора, потом отправилась на кухню. Через некоторое время оттуда донеслось:

- Настюш, а ты не знаешь, где соль? Что-то нет нигде.

Я насторожилась.

- Мам, я не пойду в магазин, давай обойдемся, а?

- Не надо в магазин, сходи, пожалуйста, к соседям, попроси щепотку.

Я нехотя встала, отложила книжку и поплелась в прихожую, обулась и вышла на лестничную площадку.

- Это же не страшно, я же здесь не одна, - думала я, стуча в дверь рядом. Никто не отозвался. Постучала еще раз и уже направилась к своей двери, как вдруг за соседской раздался какой-то шорох. Я остановилась и посмотрела в ту сторону. Дверь приоткрылась.

- Здравствуйте, я хотела соли попросить немного, щепотку только, как у вас темно. Толкнула дверь, она открылась шире, и я заглянула в проем. Там оказалось очень темно и сыро.

«Нет!!!» - пронзительно закричала я и попыталась убежать назад, но сзади тоже было темно. Не просто темно, а с красным оттенком.

- Раз, два, три - двери отвори! От меня нельзя убежать, я всегда буду рядом, буду ждать тебя. - Череп висел передо мной. Я не буду тратить время и наказывать тебя, у нас много работы. Просто я тебя больше не отпущу подышать. - Последнее слово он произнес издевающимся тоном. - За работу! - прокричал он.

Место с мясорубкой снова осветилось, а перед этим почему-то оно было в темноте, словно тут экономят на свете. И я молча пошла к ней.

Через несколько часов непрерывной работы я умоляющим взглядом посмотрела на череп, но тот, поняв вопрос, отрицательно замотал головой.

- Что тебе сказала моя старуха? - вдруг спросил череп.

- Да ничего, просто...

- Недолго ей осталось, скоро и ее кости сможем перемолоть. Он глухо рассмеялся.

«Это все так ужасно», - думала я и даже представила, но... В голове вспыхнула заманчивая мысль. Внезапная идея все больше и больше мне нравилась, но нужно было все хорошо продумать.

Еще немного покрутив, я остановилась и судорожно задергала ручку мясорубки.

- Что еще? – взревел череп.

- Застряло что-то, - тихо ответила я.

- Этого не может быть, крути лучше...

- Да сами посмотрите, там что-то застряло, - не сдавалась я.

- Ну, если ты врешь, я тебя перемелю, - череп медленно подлетел к жёрнову мясорубки и заглянул в нее.

- Там же ничего...

Он не успел договорить, непонятно откуда взявшимися силами я подпрыгнула и ударила кулачками по черепу, который все еще висел, склонившись над мясорубкой.

С криком ударенного ребенка он взвизгнул и упал прямо вниз. Я быстро подбежала к своему рабочему месту и прилежно, словно нагоняя упущенное, стала крутить свою вроде бы бронзовую ручку. Раздался крик, треск, и из мясорубки вместе с серым порошком посыпалось что-то красноватое.

- Раз, два, три – сдохни и умри! – злобно проговорила я, глядя на порошок.

Наступила тишина, затем как по волшебству открылся люк и спустилась лестница. Мне не составило труда выбраться наружу. Там уже ждала бабушка. Я сбивчиво рассказала ей, как было дело.

- Ну и поделом ему, старому, - ответила та. - Колдун проклятый. И после смерти житья от него не было. Теперь спокойно иди домой, внученька, ничего больше не бойся.

- Бабушка, но я же ваш талисман дома оставила.

- Да он тебе уже не нужен, иди спокойно и... спасибо тебе.

И я пошла, все мне казалось, как во сне. Все, что было: красный череп, мясорубка - все это словно было не со мной, а как будто в кино. А дорога, и правда, была знакомая, и вскоре вдалеке показалась вывеска магазина. Ощупав карманы, я нашла прошлую сдачу. К дому подошла уже с пакетом соли. По

домофону ответил папа и сразу же открыл дверь. Дома меня встретила испуганная мама и сразу засыпала вопросами:

- Ты где была, пошла за солью к соседям и на час пропала, - она смотрела на меня воспаленными, заплаканными глазами.

Ничего объяснять мне не хотелось, и я просто протянула маме соль, разулась, пошла в комнату и легла на диван. После немногих вопросов и моих спокойных ответов, главный из которых звучал так, что я просто сидела долго на лавочке, все вновь пошло обычным чередом. Папа сел с газетой в кресло. Мама загремела посудой на кухне, а я снова взяла книжку.

- Так я за солью-то что посылала, в фарш хотела добавить. Котлетки на завтра приготовить. Кто поможет покрутить? - сказала мама, выглядывая из кухни. - А, Настена, пойдем, научу мясорубкой пользоваться.

Я медленно и бессильно подняла глаза на маму:

- Может, в другой раз, а?

- Ну ладно, - ответила та и скрылась на кухне.

МЫШКА

Жила-была одна маленькая полевая мышка. Ее норка находилась на большом поле, засеянном пшеницей. Мышка вволю ела, пила дождевую воду и думала, что так будет всегда. Но вот наступила осень, еды становилось все меньше, а водой постоянно затопляло ее домик. И однажды мышка с трудом вылезла из своей норки, смотрит - а вокруг белым-бело. Это была первая зима для мышки. Она еще не знала, что летом нужно было собирать и откладывать себе еду в норку, чтобы зимой не голодать. Подождала мышка некоторое время, но зима только свирепствовала и никуда уходит не собиралась. Выковыривать из-под снега зёрнышки тоже стало невозможно, так как они примерзли к земле. И решила мышка пойти искать свое лето или, по крайней мере, более теплое место.

Долго она бежала не останавливаясь, гонимая холодом и голодом, и вот оказалась на замерзшем пруду. Над пробитой во льду лункой сидел рыбак и ловил рыбу. Вот он потянул за удочку, и на лед упала маленькая блестящая рыбка. Она жалобно просила о помощи, но рыбак только громко засмеялся и запрыгал от радости. Рыбка тем временем все жалостливей просила помочь ей, и мышка не выдержала, подбежала к несчастной и перегрызла своими острыми зубками леску. Рыбка ударила по льду хвостиком, подпрыгнула, упала прямо в лунку и уплыла. Рыбак попытался поймать ее, но не успел и схватил растерянную мышку. Он что-то прохрипел ей и бросил в отчаянии вслед уплывшей добыче.

Мышка стала тонуть. Она отчаянно трепыхалась, но только быстрее шла ко дну. Неожиданно к ней подплыла спасенная рыбка, стала благодарить мышку за свое спасение, но та только булькала в ответ, захлёбываясь водой.

- Ты помогла мне, - сказала рыбка, - теперь и я спасу тебя, вот, возьми воздушный пузырек, чтобы ты могла плавать, и кусочек моей жабры, чтобы ты могла дышать под водой. Она дала ей все это и уплыла. А мышка теперь могла плавать и жить под водой.

На дне речки оказалось много разных водорослей. Они хоть были и не похожими по вкусу на то, что привыкла есть мышка, но и к этому она быстро привыкла. Вырыла в иле норку и стала жить на дне.

Прошло время, лед растаял, и норку, где жила мышка, стало освещать солнышко. Было видно, как плывут по небу облака, летают и щебечут птички. Смотрела на все это мышка и заскучала по своему полю, которое уже вновь стало таким, как раньше, пышно засеянным пшеницей. Вот только как снова оказаться там, мышка не знала. Воздушный пузырек, подаренный рыбкой, не пускал мышку близко к поверхности пруда.

Вдруг однажды раздался выстрел, и в воду, прямо над мышьиной норкой, упала подстреленная птичка. Она извивалась и тонула. Увидев мышку, птичка стала просить ее о помощи: вытащить дробинку из ее крылышка. Она хотела снова расправить крылья и взлететь. Не думая ни о чем, мышка подплыла к птичке и острыми коготками вытащила кусочек свинца. «Чем я могу отблагодарить тебя?» - спросила птичка. «Отнеси меня обратно на мое поле», - жалобно пропищала мышка.

Птичка бережно взяла мышку в клюв за кончик хвостика, взмахнула крылами раз, второй и полетела. Чтобы охотник не сразу увидел их, она сначала летела низко над водой, потом направилась в камыши и вылетела оттуда уже на другой стороне пруда. По пути у мышки вылетел и воздушный пузырёк, и кусочек жабры.

Увидев свое поле, мышка закричала, чтобы птичка ее отпустила, но та не слышала ее. Сама она тоже не могла ничего спросить, так как её клюв был занят. Пролетев еще немного, она опустила мышку под какой-то кустик и попрощалась с ней.

Мышка осмотрелась, но это место было ей незнакомо. Побегав немного взад и вперед, она наконец вышла на дорогу, которая вела к ее полю. Но вот беда, прямо посередине сидела и нежилась на солнышке большая и толстая серая кошка. Даже издалека было видно, как блестят ее большие зеленые глаза. Большие уши хищницы напрягались при каждом

шорохе, а взгляд быстро и пугающе устремлялся в сторону случайного звука. В любое мгновение кошка могла вскочить, догнать и схватить свою добычу. Мышке ничего не оставалось, как горько заплакать и поплестись, не разбирая дороги, в другую сторону. Немного пройдя, она вдруг сквозь свои всхлипывания услышала чьи-то тяжелые вздохи. Осмотревшись, мышка заметила большую лохматую собаку. Та лежала не шевелясь, горько вздыхала и смотрела вдаль. Наша страница подошла к ней.

- Что с тобой, собачка? - спросила она, - почему ты так горько вздыхаешь?

Собачка тоже только что заметила мышку, повернула к ней голову.

- Меня хозяева выгнали из дома, сказали, что у меня блохи. А я не могу их поймать, я же не змея, чтобы так извиваться. - сказала грустно собака.

- Так я помогу тебе, - оживилась мышка, - у меня знаешь какие острые зубки и цепкие коготки.

Она подбежала к собаке и давай бегать по ней, вгрызаться в шерсть. Та только поворачивалась с боку на бок, делая все, как говорила ей мышка. Вскоре уставшая, но счастливая мышка воскликнула:

- Все, теперь тебя хозяева обязательно возьмут обратно, у тебя больше ничего нет!

- Спасибо тебе, мышка, - сказала, обрадовавшись, собака, - чем я могу отблагодарить тебя?

- Отнеси меня к полю мимо той страшной кошки, что лежит на дороге.

- Конечно! - ответила с уверенностью собака. - Залезай ко мне на спину.

Она присела, и мышка забралась по густой шерсти к ней на спину.

- Ты готова? - спросила собака.

- Готова! - пропищала мышка.

- Ну, держись, - гавкнула псина и побежала к тому месту, где все еще кувыркалась в дорожной пыли кошка. Та при виде бегущей на нее собаки быстро вскочила, выгнула спину и, что-то крича, исчезла в ближайшем кустарнике.

Собака принесла мышку на ее поле, прямо к маленькой норке, и ушла.

А малышка вычистила свое жилище от прошлогодней травы. Устроилась там и решила, что больше зима не застанет ее врасплох. Теперь у мышки всегда будут готовы припасы на зиму. И зажила она еще счастливей, чем прежде.

ОФЕЛИЯ И ЛАЭРТ

В маленьком городке, что находился у самой границы одной малоизвестной страны, жили Офелия и Лаэрт. Офелия - молодая девушка, очень привлекательная, кстати, - относилась к весьма знатному сословию. Ее отец был довольно богатым и известным в округе человеком. Матери она лишилась еще в детстве. Жила семья в огромном, красивом доме, с большим количеством слуг, карет и всего, что именуется благосостоянием. Город этот являлся самым обычным, поэтому люди, как и везде, делились на богатых, их было немного, и бедных, которыми являлись все остальные. К их числу и принадлежал Лаэрт – стройный, высокий и не дурной собой пастушок лет двадцати. Утром он выгонял свое стадо на поле за город, а вечером вел его обратно. Никто бы и никогда не подумал, что двое этих людей, принадлежащих к совершенно разным сословиям и мирам, вдруг сумеют встретиться. Однако это произошло.

Как-то вечером пастух, подгоняя прутиком стадо, вел его с большого поля в сторону города. Там он любил пасти своих коз. Сочная трава всегда в достатке, тоненький ручеек, тянувшийся с далеких гор, давал возможность утолить жажду. Через поле, словно деля его на две части, тянулась едва заметная, заросшая, почти не узнаваемая тропа. Нет, тропа — это сильно сказано, скорее, это была тропинка или что-то похожее на нее. Если присмотреться, то казалось, будто бы вела она куда-то в далекий лес и, по слухам, дальше за горизонт. Об этой дорожке в городе ходила странная молва, причем одна легенда была страшнее и таинственнее другой. Правда, на самом деле никто толком ничего о ней не знал. Одни старожилы говорили, что эта дорога была там всегда, только никуда она не ведет, другие же утверждали, что не дорога это вовсе, а обман зрения. Конечно, находились отчаянные смельчаки, которые рисковали и отправлялись по ней, только кто вскоре, кто не так быстро, но возвращались обратно. И на все вопросы лишь пожимали плечами и отвечали, что никуда она не ведет, а до конца ее дойти и жизни не хватит.

Пася свое стадо, Лаэрт часто останавливался и подолгу задумчиво смотрел в ту сторону, куда вела змейкой неизведанная дорожка. Эта еле заметная тропа представлялась ему дорогой, которая ведет в прекрасное и необыкновенное место, где все совсем не так, как здесь, где нет бедности, зла и несправедливости. К счастью, времени на подобные размышления у него было предостаточно, поэтому каждый раз представления об этом сказочном месте становились в его воображении все прекрасней и удивительней. Вот и в этот раз, намечтавшись вволю, он спокойно гнал стадо по полю вдоль дороги, ведущей в город. В ту же сторону следовала карета, явно принадлежавшая кому-то знатному. Когда Лаэрт поравнялся с ней, у кареты вдруг совершенно случайно отвалилось колесо. Та накренилась на один бок, при этом дверца открылась, и девушка, которая находилась внутри, свободно и легко выпала наружу. Самое удивительное, что все это произошло прямо возле Лаэрта, который, не задумываясь, подбежал к карете, причем очень вовремя. Оказавшись рядом, он только и успел поймать незнакомку, которая непременно бы, не будь тут нашего кавалера, упала прямо во всем своем нарядном одеянии в придорожную грязь. Это случилось так быстро, что не все сразу поняли, что произошло. Потом, опомнившись, конечно, выскочили слуги и вырвали из рук молодого человека хозяйскую дочь. Вот только глаза тех уже встретились, уже пробежала между ними та волшебная искра, о которой любят писать в книгах. Все случилось быстро, но так же скоро и закончилось. Офелия уехала, молча глядя в свое маленькое окошечко на стоящего позади спасителя, пряча взгляд и снова устремляя его на прекрасного юношу.

Когда карета скрылась из вида, Лаэрт, как после глубокого сна, вдруг пришел в себя и вздрогнул. За это время его стадо, не понимая людских чувств и не видя их искры, уже разбрелось по всей округе, радуясь, что появилось еще время полакомиться сочной травкой. Пастух, конечно же, собрал козочек и лишь немного опоздал в город, и все закончилось благополучно. Только лицо прекрасной девушки, чье имя он даже не знал, забыть никак не мог. Думала о своем случайном встречном спасителе и Офелия.

Прошло немного времени, и уже все в городе знали про этот инцидент. Как обычно, начались разные разговоры, стали рождаться слухи. Например, говорили, что это бедный, но умный пастух специально так подстроил, чтобы Офелия выпала к нему на руки. Или что карета вовсе не ломалась, а это девушка прыгнула в объятия ничего не подозревавшего парня. Или что Офелия и Лаэрт давно любят друг друга, и оба все сделали для этой встречи. Много чего говорили, вот только правда была в том, что девушка и парень, так случайно встретившись, полюбили друг друга. Конечно, с одной встречи большому и нерушиму чувству родиться трудно, вот если бы они встретились хотя бы еще раз... А пока ходили лишь слухи, густо обросшие домыслами.

Первым, как ни странно, не выдержал отец Офелии, который решил, что пора этим ненужным разговорам уже и прекратиться. Выход он нашел простой, а именно – надо прилюдно отблагодарить юношу за этот поступок, чтобы все наконец поняли, что никаких отношений между его дочерью и бедным пастухом быть не может. Недолго думая, он пригласил Лаэрта в свой дом, где с плохо скрываемой брезгливостью пожал тому руку и торжественно подарил дешёвенький перстень. Еще, конечно же, выразил благодарность и пожелал, чтобы больше таких неприятных ситуаций не происходило. А значит, чтобы больше они не виделись. Вся эта встреча была недолгой, а смотрели за ней многочисленные слуги хозяина. Их он специально собрал тут, чтобы как можно быстрее новость об этом событии стала известна всем, так как в болтливости последних не было никаких сомнений.

Никто из присутствующих и не подозревал, что из дальнего угла, никем не замеченная, за всем наблюдала, не отводя взгляда, одна девушка. Это была Офелия. Ей отец, конечно, строго-настрого запретил появляться там и тем более выходить к пастуху. Вот только послушная девушка не смогла удержаться от соблазна еще раз хотя бы издалека, но увидеть спасителя. Когда это небольшое представление, устроенное отцом Офелии, казалось, должно было быть законченным, заговорил Лаэрт:

- Я очень благодарен вам за эту милость, за подарок, - сказал он твердо, продолжая кого-то искать среди присутствующих глазами, - но неужели меня не поблагодарит сама Офелия?

Отец девушки побагровел при этих словах, так как дать им встретиться ему совсем не хотелось, но все же юноша был прав, да и все вокруг, как назло, одобрительно закивали головами.

- Конечно, - выдавил он сквозь зубы. - Офелия, девочка моя, подойди к нам, - последнее он произнес не слишком громко, надеясь, что адресат его не услышит. Услышал!

Офелия подбежала, словно бабочка, выпорхнула из ниоткуда, и их глаза снова встретились. Губы молодых людей дрогнули, не в силах что-либо произнести. Руки встретились и переплелись. В глазах засиял трепетный огонь.

- Ну все, - прошипел возмущенный отец и убрал руки дочери от юноши, - все, иди к себе в комнату. - Он зло взглянул на пастуха и недовольно произнес: - Всего доброго, юноша, вам пора.

- Я люблю вашу дочь! – услышал он в ответ.

- Что? - растягивая слово, с выпученными глазами заговорил тот. Но тут снова подбежала Офелия, которая не могла не услышать признание пастуха. Она тут же протянула руки к Лаэрту, но между ними, конечно же, протиснулся возмущенный до ярости отец. – Что ты сказал, щенок? - грубо выдавил он, но продолжить не успел.

- Отец, я тоже люблю его! – словно выдохнула Офелия. Отец упал в изнеможении на рядом стоящий стул, пораженный этими словами. Все вокруг ахнули и зашептались.

Вскоре отец пришел в себя. Он встал и уже твердой походкой приблизился к не отрывающим глаза друг от друга и о чем-то перешептывающимся молодым людям. На лице светилась недобрая улыбка.

- Так, может быть, ты хочешь взять мою дочь в жены? – с издевкой заговорил он. - А что у тебя есть? Ты пастух и ничего не сможешь дать ей, кроме какой-то там любви, а она привыкла ко многому, к тому, о чем ты даже и не слышал.

- Я смогу...

- Как ты сможешь, что ты ей дашь, свое стадо? - Он, вы-
давливая смех, посмотрел на слуг. - Так и оно не твое. У тебя
ничего нет!

- Я смогу, - еще тверже сказал юноша.

- Хорошо, - тот одобрительно, но с усмешкой закивал, - я
даю тебе год, если в течение этого времени ты явишься бо-
гатым, с состоянием хотя бы как у меня, я отдам тебе дочь.
Договорились?

- Догово...

Его перебил отец девушки:

- А пока чтобы я тебя здесь не видел, - и он указал тому на
выход.

- Я вернусь, - заверил парень, глядя в недобрые глаза отца,
- за тобой, - добавил он, переведя ласковый взгляд на востор-
женно глядящую на него девушку, и вышел.

На следующее утро Лаэрта в городе не нашли. Его не было
нигде, словно и след пастушка простыл. Сначала юношу, ко-
нечно, искали. Шептались, что, наверное, это обезумевший
отец Офелии рассчитался с юношей за его дерзость. Хотя, с
другой стороны, зачем это ему, раз он сам дал Лаэрту вре-
мя. Тем более все понимали, что за год бедный пастух при
всём своем желании сможет заработать себе разве что на но-
вые штаны. Не больше. Так как заработка того едва хватало
на пропитание. Родителей у него не было, а значит и помочь
было некому. Еще говорили, что он, по-видимому, сбежал,
испугавшись ответственности, тяжести возложенной задачи.
Говорили многое, а потом и благополучно забыли бедного па-
стуха и все, что было связано с ним.

Помнила о нем лишь влюбленная Офелия. Долгими вече-
рами она сидела в своей комнате у окна и грустно всматрива-
лась вдаль. А затем шли бессонные ночи, слезы и ожидания.
Девушка надеялась и верила, что ее любимый все же придет
за ней. По крайней мере, она очень хотела в это верить. Время
шло, но Лаэрт не появлялся.

Спустя полгода Офелии исполнилось семнадцать лет, и
отец начал уже серьезно задумываться о поиске жениха. Од-
нако всех богатых и знатных, молодых и не очень молодых
кавалеров, коих отец приглашал свататься, дочь отвергала.

Она объясняла отцу, что еще не прошло время, которое он сам назначил. Тот мялся, но слово есть слово, вздыхая, оставлял дочь. Только ненадолго, так как вскоре снова приводил кого-нибудь в дом с недвусмысленным намерением. И все повторялось. И вот, наконец, наступил последний день ожидания. Конечно, никто уже, кроме Офелии, даже и не надеялся на возвращение пропавшего без вести пастуха. Подходил к концу назначенный отцом Офелии срок. И вот наступил день, когда нервы его сдали – исполнялся ровно год, как пропал Лаэрт. И, следовательно, как был заключен злосчастный договор. Последние несколько месяцев он приводил в дом одного и того же человека. Офелия не замечала его, но с ней уже никто советоваться не хотел. На следующий день вдруг повеселевший отец назначил дочери свадьбу и даже были приглашены гости. Это свое решение он сообщил дочери как неминуемое событие, ну, или приговор, который обжалованию не подлежит. Будущий жених являлся сыном давнего друга ее отца. Был он, конечно, достаточно богатым и знатным. Многие девушки в этом и соседних городах были от этого молодого человека без ума и в сердцах завидовали Офелии, а та даже не смотрела в сторону знатного гостя. И все попытки того как-то привлечь ее внимание тоже ничем не заканчивались. Только все это оказалось не таким уж и важным. Следующим утром все должно было решиться.

Прошла ночь, а с ней и ровно год со дня договора отца и Лаэрта. Лес за полем еще был окутан белой дымкой тумана. Проснувшись, отец Офелии нервно посмотрел в окно, сам не зная почему, и начал приготовления к свадьбе дочери. Та очнулась в своей комнате после бессонной ночи, сидя за столом. Первым, что увидела она, открыв глаза, был освещенный утренним заревом лес, с которого уже начинала спадать утренняя дымка. Девушка не отводила от него взгляда, но, к сожалению, ничего не происходило.

Отец велел дочери приготовить свадебное платье, которое он уже давно ей купил. Вопреки всем традициям, свадьбу было решено справлять вечером, Это последняя уступка, на которую согласился тот. Весь день в доме было шумно и весело: все бегали, готовились, наряжались, варили и накрывали

столы. Только одна Офелия все время сидела в своей комнате в свадебном платье и шептала молитву.

Вот только время невозможно остановить. Оно не подвластно никаким законам. Много было приглашено в тот день гостей. Все знатные, богатые, с холеными лицами, они очень радовались предстоящему торжеству. Было видно, что им уже не хватало терпения поскорее приняться за изысканные кушанья. Вот послали за Офелией. Однако вскоре слуги прибежали обратно и с ужасом, молящим тоном прокричали, что невеста пропала. «Как? Что? Не может быть?!» - прокатилось по столам, создавая неприятный гул. Побагровевший от гнева отец вскочил и бросился в комнату дочери. Когда взгляды гостей проводили убегающего, все вопросительно посмотрели на жениха. Тот очнулся от замешательства, пожал плечами и отвел глаза в сторону выхода. Нет, бежать он никуда не собирался. Такого договора не было. Потом он помялся, немного поерзал на своем стуле, не понимая, что именно нужно сказать и сделать, и, наконец, широко развел руками, громко вздохнул и углубился в себя.

Отец тем временем сбежал с лестницы вниз, пролетев мимо гостей, крикнул слуг и выскочил на улицу.

Бегающую по полю к лесу Офелию все же догнали. Оказываетя, она, не дождавшись Лаэрта, связала между собой несколько простыней и спустилась через окно на улицу. Сердце подсказывало ей бежать через поле к лесу. Осторожно, чтобы не быть замеченной слугами, которые толпились перед крыльцом, она, пригнувшись, пробежала несколько домов и вышла на дорогу. По ней босиком, не разбирая, куда ступает, она и бросилась бежать. Правда, продолжалось это недолго и вскоре ее догнали.

Ведомая за обе руки, она в красивом белом, пусть и запачканном пылью свадебном платье, предстала перед гостями. Ей навстречу в белом мундире, с золотой шпагой, еще недавно неуверенный, а сейчас гордый, шел ее жених. Странно улыбаясь, он уверенно взял невесту за руку и повел к столу. Отец Офелии попросил у всех прощения за небольшую случайную задержку торжества, за этот маленький, будто бы заранее приготовленный номер. А Офелия же, опустив голову

и со спутанными волосами, уже бессильно продолжала отдергивать руку. Теперь, чувствуя свою победу, жених держал ее крепко. Неужели это все?

Вдруг с улицы донеслись крики, то ли испуганные, то ли радостные, сразу не разберешь. Потом сквозь вопли стало возможно разобрать отдельные слова. Кричали они: «Лаэрт! Он едет!»

Все присутствующие в доме застыли в оцепенении, лишь Офелия, наконец почувствовав силу, вырвала свою руку из объятий нелюбимого человека и подбежала к окну. За ней подошли отец и жених, за ним и все гости выстроились у окон.

По полю, со стороны леса, быстро скакали в их сторону какие-то люди. Всадники были в сверкающих золотом одеждах. Когда неизвестные приблизились, от них отделился наездник на белом коне и галопом пустился к крыльцу дома Офелии. Когда он спрыгнул с лошади, Офелия уже бежала к нему навстречу. За ней высыпали все очумевшие гости. Уже понятно, что всадник этот был не кто иной, как Лаэрт. Только узнать молодого человека теперь было очень трудно. Одетым он оказался по-царски. Все блестело на нем и ослепляло. На боку переливалась драгоценными камнями сабля, голову украшала великолепная корона, тоже вся усыпанная алмазами и рубинами. Они еще больше освещали и без того сияющее его лицо. Молодые подбежали друг к другу и сплелись в крепких объятиях. Все гости, да и отец с женихом, по-прежнему молчали. Вскоре подъехали спутники Лаэрта - его свита. Выпустив из своих объятий Офелию, но продолжая держать ее за руку, Лаэрт нашел глазами в толпе среди удивленных наряженных людей отца своей счастливой невесты. Увидев его, он спокойно и звучно произнес:

- Я приехал за Офелией и увезу ее с собой в мое королевство, во дворец. Спасибо, что вы все уже приготовили к нашей свадьбе, но прошу вас отпустить нас. Справляйте одни. Мой титул не позволяет мне, - он высокомерно окинул взглядом толпу, - сидеть рядом с кем-то ниже князей. Да и мой народ не поймет, почему я не с ним радуюсь такому великому событию, - добавил он уже спокойно.

Придя в себя, отец девушки поднял руку и что-то попытался крикнуть, но в него тут же нацелилось несколько десятков мушкетов.

- Ах, да, - добавил король, обращаясь к отцу, - теперь я богат, причем намного богаче вас. Надеюсь, что теперь ваше условие выполнено, и вы не против отдать за меня свою дочь, - сказал он больше утвердительно, чем вопросительно. И, не дождавшись ответа, посадил Офелию в огромную карету, запряженную двенадцатью белыми лошадьми, сел в нее сам, и они быстро скрылись из вида. За ними скрылась и свита.

- Сон какой-то, - все еще находясь в замешательстве, еле слышно сказал отец.

- Вот это да! – пробежалось по толпе.

На следующий день по городу вновь поползли слухи, только на сей раз они оказались правдой. Говорили, что Лаэрт год назад рано утром ушел по той старой и таинственной дороге. По ней он шел и шел много месяцев и все же прибыл в неизвестную никому, но очень богатую страну. Это было королевство без короля. Жители ее верили в многовековую легенду о том, что по этой дороге к ним придёт молодой человек. Это и будет их король. Именно по ней Лаэрт и пришел. Обрадовавшись, что легенда сбылась, его немедленно короновали. И не пожалели ни капли, поскольку король оказался умный, рассудительный и справедливый. А теперь у страны оказалась еще и королева.

Отец Офелии после всего этого быстро лишился своей высокой должности. Этому помог отец неудавшегося жениха. Потом он, привыкший жить на широкую ногу, постепенно распродал все свое имущество и пошел бы по миру, если бы однажды за ним не приехала богатая карета и не увезла его по известной всем, но некогда загадочной дороге.

ПОРТНОЙ

Жил на белом свете один портной с именем Иван и, если сказать более точно, то жил он в нашем городе, да и на нашей улице. Надо сразу уточнить, что портной он был неважный. На заказ почти не работал, хотя был бы и не против, просто кое-что шил из одежды и продавал тут же возле дома. Соорудил что-то вроде палатки со столом, раскладывал вещички и стоял весь день, как правило, одиноко. Все потому, что товар у него был однотипный, неинтересный и безвкусный. Кроил эту никому не нужную одежду он по ночам, быть может, потому-то она и оказывалась такой мрачной. Да только что поделать, ведь страдал портной страшной бессонницей.

Жил мастер с маленькой буквы в махоньком домишке, который построили еще его прародители. Все они тоже в свое время были портными, и, наверное, это они повесили на металлическом шпиле возле дверей красную рубашку. Ну, чтобы прохожие видели, чем тут занимаются. Когда-то красная красивая рубашка превратилась в серую рваную тряпочку, но наш портной ее почему-то не убирал. Ну, это его дело. Мало по улице проходило прохожих, и редко кто здоровался с портным, хотя все прекрасно его знали. Говоря по правде, прохожим было стыдно к нему подходить, Сами посудите – потускневшая от старости одежда, какие-то непонятные ботинки, стоптанные и отвратительные. Сам какой-то скрюченный. Чтобы поймать его взгляд, нужно было лечь на землю возле самых его ног. Скорее всего поэтому желающих поздороваться с ним нужно было еще поискать. Не любили, в общем, портного, наверное, поэтому и не сразу заметили, что не видно было его уже несколько дней. Да и потом бы тоже не заметили.

Но вот одним светлым и красочным утром вдруг выходит портной из своего домика, причем с улыбкой до ушей, радостный весь и счастливый. Зашел первым делом к своей соседке Марии, с которой раньше общался не реже раза в год. Та жила с двумя уже повзрослевшими сыновьями, которые непонятно чем занимались, но иногда приносили немного денег матери, на что они и жили. Редко женщина покупала

что-то из вещичек у соседа, они и общались. Увидев своего соседа, женщина невероятно обрадовалась, так, что выронила ведро из рук, наверное, он последний, кого она ожидала в этом городе встретить таким хорошим утром. Просьба, с которой обратился Иван к Марии, была довольно необычной. Попросил он женщину заходить к нему каждое утро в семь часов и будить его, причем не просто растолкать, а вытащить подушку из-под головы. На этом он особо сделал акцент. Конечно, соседка поинтересовалась, зачем так странно будить и для чего это вообще надо. Иван же блеснул загадочно серыми глазами и, немного помявшись, все же рассказал, что сшил он себе подушку, только не обычную, а волшебную, всю расшитую цветами разноцветными. Только положишь голову на эту чудо-подушку, как сразу же засыпаешь без задних ног и передних рук. И снятся всю ночь прекрасные и очень сладкие сны. Причем те сны, которые сам пожелаешь. Например, ему снятся новые фасоны одежды и то, как лучше эту одежду сшить. Одна только проблема с этой подушкой – невозможно на ней проснуться. Сам портной спал три дня, пока случайно подушка не упала на пол. Только тогда Иван смог пробудиться и все понять. Выслушала его Мария, пожалала плечами, да и согласилась с такой непонятной, обещающей интересное продолжение просьбой. Конечно, после ухода Ивана она от всей души посмеялась над необычной причудой соседа, но вдруг когда-нибудь и подешевле что-нибудь продаст.

Шло время. В жизни Ивана, как по мановению волшебной палочки, или, вернее, ножниц, изменилось все. Утром его будила соседка, портной просыпался полный сил и новых идей. Весь день он кроил и шил изысканную одежду, которую видел во сне. Потом показывал ее своим быстро появившимся постоянным клиентам, причем число последних росло не по дням, а по часам. Слухи о новой и необычайно красивой одежде быстро облетели всю округу и даже ближайшие окрестности. Спрос на его изделия вскоре стал значительно опережать возможности мастера. Вскоре о портном заговорили все, носить его одежду стало модно и престижно. Поговаривали даже, что сам король и королева одевались только у него.

Никто не мог понять, что же такое случилось с плохоньким когда-то портным, да, впрочем, этой мыслью вскоре и задаваться перестали. Уж очень нравились всем его пошивы. Преобразилась и соседка мастера. Она стала ходить, величественно подняя голову, в совершенно новых вещах от Мастера. Теперь его называли именно так. О страшном секрете портного она, конечно, никому не рассказывала. «Лучше новую кофточку надеть, чем без кофточки сидеть», - говорила себе она.

Дом портного, как и он сам, сильно изменился. Дряхлая землянка быстро превратилась в шикарные двухэтажные хоромы. Одевался он так же соответствующе. Вместо спутанной седой бороды отрастил прелестную милую бородку. И глаза вместо тусклых серых вдруг оказались светло-зелеными и блестящими. Кто бы раньше мог знать?

Мастер все чаще стал выходить из дому, пробираясь с силой сквозь толпу желающих еще что-то приобрести, к своей новой карете. Люди гурьбой толпились у его крыльца, прямо под расшитой золотом красивой рубахой, которую Иван повесил вместо той, старой тряпочки. Мастер выходил и бросал гордо: «Расступитесь, я к королю».

Но вот однажды что-то случилось. Как-то вечером, когда все уже готовились ко сну, портной выбежал из дому с выпученными от ужаса глазами и завопил что-то. С трудом можно было разобрать, что кричал он про какую-то свою подушечку, которую украли. Долго потом Иван искал свою подушку, приставал к прохожим, только никто ничего не понимал и мотал испуганно головой. Так никто и не признался в краже, удивительно даже. Долго мастер не выходил из своего дома. И никто не знал, чем он там занимается. Может быть, грустил, а может, и руки на себя наложил с горя. Продажа новых, да и вообще каких-либо вещей, прекратилась. Даже преданный помощник Мария ничего о своем соседе не знала. Сначала она по привычке приходила к нему по утрам, стучала в дверь пальцами, униженными золотыми кольцами, пыталась открыть дверь своим ключом, который давно дал ей Иван, но дверь не открывалась.

Непонятно, повлияло ли это происшествие на то, что в округе вдруг участились кражи. Воровали и так всегда, то кошелек стащат у задумчивого прохожего, то булку умыкнут с прилавка,

но теперь кражи стали серьезные и громкие. Некоторых обирали до нитки, а человек ничего не помнил и не понимал.

Вот уже стали забывать о мастере, о его одежде и его несчастье, как вдруг поползли слухи, что одежду мастер шил при помощи той украденной подушки. Вроде бы это она подсказывала портному новые фасоны одежды. И не одна подушка, а еще и какое-то одеяло. Говорили, что если лечь головой на эту подушку и прикрыться одеялом, то эффект увеличивается во много раз. Понятно, что эти слухи распространял сам Иван. Только зачем?

Однажды мастер вышел из дома, причем в то время, когда на улице было побольше народа, сел прилюдно в карету и уехал. Говорили, что он отправился на несколько дней куда-то за город.

Наутро город проснулся от страшных криков, вопили два брата, которые жили с матерью по соседству с мастером. Братья кричали, что убита их мать. Сбежались люди, которые увидели, что в доме на своей кровати лежит женщина. Голова ее опирается на подушку необычайной красоты, а укрыта задушенная странным одеялом, где на светлом фоне вышиты черные узоры. Именно эти узоры непонятным образом переплелись вокруг ее шеи. Помимо известных вещей люди увидели в доме много украденных в последнее время ценностей.

Вскоре вернулся и мастер. В подушке он узнал свою пропавшую подушечку, а вот одеяло не признал. После этого происшествия дела у Ивана возобновились, подушку-то ему вернули. Торговля снова пошла на широкую ногу, а может, даже еще лучше. И вскоре все забыли про этот странный случай и с подушкой, и с удушенной непонятно кем женщиной. Да, в ее убийстве обвинили сыновей, их надолго посадили в тюрьму. Как же иначе, ведь ко всему выяснилось, что это они воровали так много и нагло.

Позже стало известно, что мастер соорудил себе кровать, которая стояла под наклоном. Подушка сама к утру падала на пол. Чаще, конечно, скатывался сам кутюрье, но не в этом суть. Иван просыпался и создавал свои шедевры. Говорят, что жил он долго и счастливо и умер... хотя об этом почему-то ничего не известно. Вполне возможно, что он там еще чего-то выдумал и до сих пор где-нибудь в далекой стране продолжает радовать всех своими неповторимыми моделями.

Spumru

ФАНТИК

Эта история случилась в тихом дворике, окруженном многоэтажками. Обычный день, на лавочках сидят бабушки, в песочнице играют дети, и все вроде бы как всегда. Неожиданно внимание бабушек привлекла бегущая девочка лет семи-восьми. Красиво и аккуратно одетая, она металась туда-сюда, вертела головой, заглядывала в кусты, словно искала кого-то или что-то. Одна из бабушек пояснила, что этот ребенок вчера приехал с мамой из Германии к родственникам в гости.

Милое личико девочки становилось все грустней и печальней. Вдруг она остановилась и заплакала навзрыд. Девора тут же окружила ее и начала расспрашивать, что случилось, кого она потеряла. Та раскрыла кулачок, и все увидели в ее руке смятый фантик.

- Я не знаю, куда это выбросить, - сказала она с заметным акцентом. - Я не найду урну. Где у вас урна?

Все притихли, переглянулись.

- Да брось на землю, что ты паришься! - посоветовал один мальчуган.

- Что ты! Нельзя, это же мусор, - возразила гостья. После легкого замешательства девочка постарше взяла за руку уже совсем расстроенную, со слезами на глазах виновницу этой истории и отвела к неприметно стоящей в углу урне. Лицо малышки тут же засветилось радостью. С чувством облегчения она выкинула цветную бумажку в мусорную корзину и поблагодарила свою помощницу.

Дети еще немного постояли, обсуждая увиденное, потом снова разбежалась по своим важным делам.

СОБАКА И КОШКА

Была у нас собака, обычная дворняга, лохматая и уже совсем немолодая. Звали ее Шарик. Жил пес в будке возле дома и охранял нас. Лаял, когда надо, а если все было спокойно, спал в своем жилище на соломе. В доме у нас жила кошка Мурка, тоже вполне обычная. И вели они себя друг с другом тоже обычно – как кошка с собакой. Не любили они друг друга, даже видеть не могли. Если Мурка выходила из дома, то тут же спокойный сон собаки заканчивался, и та начинала рвать цепь, пытаясь достать зубами шипящую и фыркающую кошку. Даже пройти рядом не позволяла. Так было всегда, и помирить их было невозможно, хотя мы и пытались поначалу это сделать.

Однажды вечером началась гроза, которая продолжалась всю ночь. Беспреданно сверкала молния и оглушающе гремел гром. Дождь лил, глухо тарабаня по крыше, как из ведра. Мурка наша ждала пополнение. Поэтому когда она ушла вечером из дома и не вернулась к утру, все переполошились, а я побежал во двор искать пропажу. Каково же было мое удивление, когда я застал промокшего насквозь Шарика лежащим в луже у своей будки, словно он охранял вход в нее. Все попытки загнать дрожащего от холода пса в свое законное жилище не принесли результата. Он лишь смотрел на меня добрым, понимающим взглядом и слабо вилял мокрым хвостом. Все прояснила Мурка, которая вдруг выглянула из собачьей будки, посмотрела сначала на Шарика, причем очень спокойно и даже ласково, потом на меня. Тут же там жалобно запищало несколько тоненьких голосков. Это новорожденные котята потеряли свою маму.

СТРАННЫЙ ЧЕЛОВЕК

Никто точно не помнит, как и когда этот странный человек появился в нашем городе. С виду вполне обычный, всегда хорошо выглядел, со всеми был вежлив, никогда не повышал голоса и считал, что лучше уйти от конфликта, чем в него ввязываться. Странность этого человека была в том, что он никогда ни на кого не поднимал взгляда. Находясь в помещении, всегда ходил с опущенной головой, так что даже не было видно цвета его глаз. А на улице он носил пальто с поднятым воротником, на голову надевал шляпу с широкими полями, прикрывающими глаза. А чаще всего при любой погоде и времени суток просто носил большие солнцезащитные очки, которые скрывали чуть ли не половину его лица. Несмотря на свою странность, этот человек устроился на престижную работу, где, по словам сослуживцев, числился очень хорошим специалистом. Быстро обзавелся многочисленными друзьями, которые сначала были рядом из любопытства, но потом, попав под обаяние странного человека, уже не могли расстаться с ним. Он был интеллектуально очень развит, по всему видно, много читал, с легкостью мог поддержать любую беседу и дать дельный совет. Где нужно, мог очень удачно пошутить, но так, чтобы никого при этом не обидеть. Да и вообще рядом с ним было интересно.

На все вопросы, почему он так выглядит, тот лишь пожал плечами и отмалчивался или отшучивался. Первое время, конечно, всем было невероятно любопытно, что же такое с этим человеком. Предположения были одни невероятнее других. Все попытки заглянуть в низко опущенное лицо приводили к тому, что человек еще ниже наклонял голову или отворачивался. Вскоре все окружающие привыкли к этой его странной особенности и перестали ее замечать. Добрые поступки, профессионализм и общительность с лихвой перекрывали этот недостаток.

Но однажды странный человек шел поздно вечером по улице домой, как вдруг ему навстречу вышли трое подвыпивших прохожих и перегородили дорогу. Один из них грубо сказал, чтобы тот смотрел ему в глаза. Странный человек

молчал и не поднимал взгляда. Второй стал говорить, что тот не смотрит на них, наверное, потому, что плохо про них думает. Они ядовито рассмеялись. Третий предположил, что, скорее всего, ему стыдно за что-то, да так, что он даже в глаза посмотреть не может. Потом первый жестко сказал, что, если он не посмотрит им в глаза, то они ему помогут это сделать. Странный человек слегка улыбнулся, поднял голову и посмотрел на обидчиков.

Его глаза сверкали, как пламя огня, и прожигали насквозь. Отблески этого пожара, отразившись на лице, которое было сильно изуродовано шрамами, внушали еще больший ужас.

При виде этого зрелища нападающие, вступив в ступор, мгновенно замолчали... И только через несколько мгновений, придя в себя, попятились и бросились наутек.

Странный человек, издав звук, похожий на ироничный смех, поправил воротник и спокойно пошел своей дорогой.

Главное не то, как ты выглядишь, а то, что ты представляешь из себя внутри.

ДЕВУШКА В ОКНЕ

Молодой человек медленной и неуверенной походкой подошел к двери своего дома. Был он неопрятно одет во что-то серое. Волосы его явно давно мечтали о хорошем мытье, ножницах и расческе. Многоквартирный дом, к которому он подошел, находился на узкой улочке рядом с такими же домами-двойниками. Человек уже взялся за ручку двери, как вдруг услышал сверху громкое птичье чириканье. Он испуганно огляделся и поднял голову. С балкона на третьем этаже противоположного дома вспорхнула стайка птичек и унеслась прочь. Молодой человек проводил ее бессмысленным взглядом, как вдруг взор его упал на одно из окон этого дома. Сквозь мутное стекло он заметил, что прямо на него кто-то смотрит. Приглядевшись, парень увидел лицо молодой девушки в красивой шляпке, из-под которой выбивались кудрявые темные волосы. Он даже разглядел верхнюю часть красивого платья. Казалось, девушка с огромным интересом смотрела, не отрываясь, на юношу.

Тот давно уже ловил на себе лишь насмешливые, а где-то и брезгливые взоры окружающих, и несколько смутился такому открытому взгляду без тени порицания. Всю свою жизнь он чувствовал себя одиноким и никому не нужным. В школе давно зарекомендовал себя лишь как мальчик для битья, а дома выглядел просто одинокой тенью. Пусть теперь уже школа была закончена, но что-то менять в своей жизни он не хотел и не умел. Человек передернул плечами, в смущении повернулся к двери и быстро вошел внутрь.

Несколько дней после этого события молодой человек не появлялся на виду. И вот однажды все же показался, правда, узнать его было очень сложно: красивый костюм, аккуратно подстриженные и причесанные волосы, изящная трость и просветленное, очень довольное выражение лица. Только быстро бегавшие глаза все еще выдавали былую неуверенность. Как и в прошлый раз, вот только не спотыкающейся, а щегольской походкой он подошел к двери своего дома, немного помедлил и, игриво повернув голову, взглянул в заветное окно. В нем он снова увидел прекрасное лицо девушки. Как и

в первый раз, она смотрела светлым и задумчивым взглядом на прохожего. Ее одежда была другой, а шляпки в этот раз не было. Увидев ее и поймав взгляд, молодой человек снова не сумел сдержать замешательства и, отвернувшись, прошмыгнул в дверь.

Так они встречались взглядами на протяжении довольно долгого времени. Молодой человек все же сумел полностью изменить свою жизнь, в которой вдруг появился смысл. Он поступил в престижное учебное заведение, стал ходить с сумкой, в которой лежали книжки и тетрадки. Случайно или нет, но перед самой дверью из сумки частенько падала какая-нибудь книжка, что позволяло студенту задержаться перед входом. Девушку он видел в лучезарном окне, как про себя он его называл, правда, не постоянно, но это все же случалось, и каждый раз молодой человек смелел все больше. Иной раз он даже ей подмигивал, но та, к сожалению, на такие знаки внимания не отвечала.

И вот наконец парень решил на важный шаг. В этот раз он не зашел в свою дверь, а направился напрямик к противоположному дому. Поднялся на нужный этаж и, немного замешкавшись, все же постучал в дверь. Затем быстро вынул из кармана пиджака листочки с мелко написанным стихотворным текстом. Дверь открыл пожилой мужчина и, посмотрев на визитёра, быстро спросил:

- Вы за заказом?

- Нет, нет, - молодой человек замахал руками, - я к девушке в вашем окне...

- Здесь нет девушек, - мужчина улыбнулся, понимая, в чем дело, - вы видели манекен, я шью одежду.

Парень бегом спустился на улицу, где-то по пути разлетелись его стихи. Больше он не смотрел в это окно.

Однако вскоре он все же успокоился и стал относиться к происходящему с иронией. Получилось, что чувство к бездушному образу, который он сам мысленно оживил, так положительно отразилось на его жизни.

Прошел год, и однажды, когда весенним днем молодой человек возвращался домой, вдруг вспомнил про былую историю. Он улыбнулся и взглянул в окно сказок, как он его

назвал впоследствии, позаимствовав выражение из прочтённого романа. В его сторону, как и раньше, смотрело симпатичное личико. Он улыбнулся еще шире и помахал ей рукой в знак приветствия, но чуть было не упал от увиденного. Девушка тоже улыбнулась и помахала ему в ответ. Затем скрылась из вида, а через несколько мгновений выбежала из двери этого дома и подошла к опешившему парню. Звонким и радостным голосом она сказала, что раз ей помахали, видимо, с ней знакомы. Сама она никак не думала, что здесь кто-то ее знает, так как она в первый раз приехала в город и является племянницей мастера по пошиву одежды.

Придя в себя, молодой человек снова улыбнулся и предложил девушке, по образу которой, видимо, и был сделан манекен, прогуляться и познакомиться с городом, в котором, как выяснилось, столько удивительного.

ДВА ПОСЕЛЕНИЯ

На вершинах двух высоких гор располагались два поселения вполне обычных людей, но только тихих и беспечных. Горы находились друг от друга далеко, поэтому общаться жители этих мест друг с другом не могли. Спуститься со своих вершин у них тоже не было никакой возможности. Одни занимались земледелием, другие - животноводством. Жили они вполне счастливо, ни в чем не нуждались. А оказались люди так высоко совершенно случайно: когда-то были эти поселения вполне земными. То есть располагались на земле. Но однажды утром жители проснулись и увидели, что за ночь под ними выросли горы, и они неожиданно оказались на их вершинах, которые были пологими и вполне пригодными для жизни. От такого внезапного изменения местности никто не пострадал, люди продолжали заниматься своими делами, разве что общаться с другим миром не было уже никакой возможности. «Ну и ладно», - говорили они.

Прошло много лет, и вдруг светлым, теплым утром жители этих мест неожиданно снова увидели себя на земле. Горы, которые однажды выросли, вновь опустились обратно и сравнялись с землей. Жители одного поселения, увидев это, обрадовались, глубоко вздохнули и дальше стали заниматься своими делами. Для них открылись другие территории и возможности. Они начали засеивать новые поля, увеличивать свои пастбища, знакомиться с соседними землями и их жителями, вести с ними торговлю.

Жители же другого поселения, увидев себя не наверху, а внизу, очень расстроились. Если раньше они считали себя жителями поднебесья, ставили себя выше всех других, то теперь оказались такими же, как и все. Недовольство их росло и множилось. Со всеми, кто бы ни приходил к ним из других мест, они вели себя высокомерно. Когда же поняли, что это только смешит и вызывает недоумение у незнакомцев, они расстроились еще больше и начали ссориться уже друг с другом без видимых на то причин. Каждый пытался доказать свое более высокое положение, чем есть на самом деле. В итоге они разругались настолько, что стали поднимать друг на

друга руку. Так в скором времени в междоусобных распрях они перебили весь свой народ, не щадя ни стариков, ни детей. И поселение прекратило существование.

А первое поселение живет и по сей день, принося пользу себе и людям.

КОНЕЦ ЖЕЛАНИЯМ

Мальчик лет двенадцати гулял по заброшенной стройке. Такие места всегда привлекают детей, возможно, потому, что здесь можно найти что-то необычное. И еще там нет взрослых и можно побыть наедине со своими мыслями. Время уже стремилось к вечеру, и от больших бетонных глыб начинали ползти длинные тени. Мальчик же все лазил по развалинам и, когда уже собирался бросить это занятие и, наконец, пойти домой, вдруг заметил едва видимое свечение, которое исходило из кучи мусора. Оказалось, свет идет от маленького камушка. Когда мальчик взял его, свечение тут же пропало. Привычным движением он положил находку в карман и направился к выходу со стройки.

Навстречу ему вышли несколько ребят постарше. Они как раз шли на эту территорию и при виде незнакомца тут же окружили его, и началась обычная тема про деньги и сигареты. Ничего подобного у мальчика не было, но ребята, понимая это, заводились все больше и больше. В итоге его начали толкать, пихать и оскорблять. Но в то время, когда никто из «смельчаков» и не думал отступать, вдруг все они внезапно отлетели от испуганного ребенка на порядочное расстояние. Как будто каждого из них пружиной отбросило назад, подумал внезапно спасенный, убегая прочь. Остановился он лишь недалеко от дома, достал из кармана камешек и с интересом принялся его разглядывать. Он не заметил даже, как вышел на проезжую часть. В его сторону как раз неся большой автобус, который, к счастью, был пустой. Метрах в десяти от мальчика он вдруг со страшным грохотом и скрежетом врезался в преграду. Вернее, преграды там не было, но по видимым повреждениям все выглядело именно так. Стали собираться зеваки, а невольный виновник ДТП не стал дожидаться служителей закона и скрылся по направлению к дому.

И началось для этого мальчика время, о котором, наверное, мечтают все дети. Любой, кто пытался хоть как-то проявить по отношению к нему агрессию, тут же получал решительный отпор. Мальчик начал чувствовать себя всемогущим. А

как же иначе, ведь он мог сделать все, что ему заблагорассудится. Такая вседозволенность испортит кого угодно.

Со временем супермен, как он себя называл, узнал, что может даже отдавать камню команды, и тот их будет исполнять. Если это шло вразрез с возможностью камушка или желание могло быть опасным для его владельца, камень в кармане начинал сильно вибрировать, но после нескольких настойчивых приказов все же выполнял нужное действие.

Однажды мальчик задумал полетать и дал указание камню. Одел куртку, шапку, чтобы не простудиться, и полетел. Только свободное парение ему не нравилось, и он все просил и просил камня прибавить скорости. В один из таких моментов, когда скорость уже была опасной, камень стал сильно вибрировать и отказываться выполнять приказание. Только мальчик хотел еще и еще, он хлопал ладошкой по карману с камнем и повторял, чтобы тот гнал все быстрее и быстрее. При очередном хлопке по карману с чудесным камнем тот вылетел и в стремительном падении направился вниз, к какой-то заброшенной стройке. Мальчик же, пролетев еще немного по инерции, упал на землю. Вот только спасти его уже было некому.

Кто победитель?

Однажды два молодых друга решили поспорить, кто из них лучше свое слово умеет держать. Долго каждый размышлял, что же такое придумать из разряда несбыточного, чтобы другой не смог справиться с обещанием и признал свое поражение. Думали, решали, отметая совсем невероятное или слишком легкое действие.

В итоге один предложил другому пройти пешком вокруг всей земли и вернуться с обратной стороны. Разве только там, где пройти невозможно, например, через водную преграду, можно воспользоваться помощью плавательного средства.

- Я давно мечтал землю обойти, посмотреть, как живут другие, а вот и возможность представится, - заявил, подбадривая себя, первый. - Я справлюсь.

Он долго прикидывал, что же ему придумать в ответ, и наконец предложил другу построить большой дом. Разумеется,

самому, без чьей-либо помощи. Размер и место они определили и разметили. Спор был заключен, обговорены условия и выигрыш, и друзья пожали друг другу руки, обнялись и разошлись. Один выбрал путь на карте, наиболее удобный для передвижения, другой направился к месту строительства.

Шло время, но никто из друзей не собирался отступить от задуманного. Да и на полпути уже поздно сворачивать, тут только и остается, что продолжать. Первый, несмотря на стертые, ноющие от боли и усталости ноги, все шел и шел. Второй, хотя в кровь разбил спину, переносил тяжелые бревна, даже не думал все бросить. Упорные оказались друзья.

Прошло несколько лет и одним солнечным летним утром, как и было оговорено, первый друг пришел домой с противоположной стороны. Вид его был вполне предсказуемым: старая, изношенная, сильно запыленная, местами протертая одежда и длинная запутанная борода. Шел он, сильно хромя и опираясь на трость. Лицо было болезненным и измученным, сам он выглядел очень постаревшим, вот только глаза светились, предвкусывая хотя бы здесь победу. На месте, которое было выбрано вторым другом для постройки дома, величественно возвышалось большое и красивое здание из дерева.

Первый постучался в двери, еще не веря в то, что это дом его друга. На пороге появилась красивая молодая женщина. Из-за ее спины выглядывали радостные лица детей. Они с интересом смотрели на странное одеяние пришедшего. Следом появился молодой мужчина, ухоженный и чисто одетый. Это был второй друг. Он рассказал, как строил дом, потом как привел в него будущую жену. Говорил о том, что они вскоре отправятся в кругосветное путешествие всей семьей. Только не пешком, конечно. Первый рассказал, что увидеть мир было очень интересно и полезно, вот только пешее путешествие вокруг земли не далось ему легко и не прошло без последствий для здоровья. И теперь вряд ли он сможет построить дом и обзавестись семьей. А дальше, как друзья ни пытались, не могли вспомнить о том, на что же они спорили. Да это и не важно, ведь оба друга со своим заданием справились и каждый получил свой выигрыш, о котором изначально даже и не подозревал.

ЗВЕЗДА

Молодой художник безуспешно пытался нарисовать портрет девушки. Молодая красавица в легком платье стояла, прислонившись к дереву, и задумчиво смотрела на цветочное поле, которое располагалось рядом. Художник с взъерошенными темными волосами, выбивающимися из-под синего берета, делал быстрые движения кистью по мольберту. У него ничего не получалось, что заставляло его волноваться и нервничать все больше и больше. Движения художника становились резче и отрывистей.

Наступал вечер, и закат красиво загорался увядающим пламенем на горизонте. Неожиданно с еще довольно светлого неба полетела вниз искра. Она все увеличивалась в размерах, и вот уже стал виден длинный шлейф огня, который тянулся за ней. Уставшие глаза двух людей неотрывно следили за падающей звездой. Их занятие отступило на задний план. Для портретиста это было, как долгожданный отдых. Для девушки это стало возможностью перевести взгляд на что-то новое. Казалось, что глаза их самих светятся от лицезрения звездопада. По сути это так и было. Вот уже стал виден контур объекта, охваченный языками огня. Свидетели этого события недвижно провожали сияющим взглядом звезду, и даже когда та скрылась за соседним лесом, они не сразу пришли в себя. Художник вдруг бросил на землю кисти и палитру и с криком «я ее найду, это моя звезда» побежал сломя голову в ту сторону, где только что скрылся летящий огонек. Он даже не обратил внимания на слетевший берет.

Девушка же, напротив, погрузилась в свои мысли. Лицо ее выражало серьезную задумчивость, оно светилось все ярче. Теплые краски заката играли на нем, словно множество фонариков освещало прекрасные черты лица. Новые мысли и идеи светились в ее глазах искрами от недавней кометы, которая, скорее всего, не упала на землю, а просто пролетела мимо планеты. Девушка медленно подошла к мольберту, осторожно подняла краски и кисть. Поменяла испорченный лист бумаги и начала творить необычайно красивую картину.

СОДЕРЖАНИЕ

Рецензия	5
----------------	---

СТИХИ

Родина	9
Тебе	10
Ночной снегопад	11
Молния-дитя	12
Моя страна.....	13
Белая лебедь.....	14
Незнакомка	15
Призрак осени	16
Воинам любви	17
Я - песчинка.....	18
Моя королева	19
Маленькая фея.....	20
Он остался таким же, как был	21
Дед.....	22
Осень	23
«Нас давит ночь, ее прохлада...»	24
«Настанет час невыплаканных слез...».....	25
Прошлого гонец	26
«Я хотел бы хоть чуть-чуть...».....	27
«А смерть целует в губы...»	28
Дождь	29
«Держи мечту, лови, я добрый...»	30
Жюльетта	31
Ночь.....	32
2012	33
«Мы живем, печаль скрывая...»	34
Стихи	35
«В старой, выцветшей тетради...»	36
«Где-то жизнь мою устало...».....	37
К звездам	38
Дон Кихот.....	39
«Душа искала человека своего...»	40

«Кому-то из нас...».....	41
Во всем виновата любовь.....	42
Город без названья.....	43
Надежда.....	44
«День закрыл глаза - и в тучи...».....	45
Сны.....	46
«Вспомни этой ночью обо мне...».....	47
Больница.....	48
Белый ангел.....	49
Угрюм-река.....	50
«Куда ведет моя дорога...».....	51
«Забытая роза, вопрос без ответа...».....	52
«Посмотри, увидеть можно...».....	53
Черная кошка.....	54
«Столетний дуб просил прощенья...».....	55
«Завяли к празднику цветы...».....	56
«Мне через годы и века...».....	57
Смерти нет!.....	58
Кончилось лето.....	59
«Рад я летнему подарку...».....	60
«Зачем пылить дорогу эту...».....	61
Время.....	62
Диане.....	63
Сказочная страна.....	64
Маленький годик.....	65
«Мы будем смеяться, пусть плачут другие...».....	66
Скоро рассветет!.....	67
Царица-любовь.....	68
«День длиннее, ночь короче...».....	69
«Ну зачем ты так красива...».....	70
«Мне не важно, где ты, с кем ты...».....	71
«Мой револьвер в шинели!..».....	72
Ожидание.....	73
Встреча.....	74
«Бросай в огонь воспоминанья...».....	76
Вечная жизнь.....	77
«Ушла без оглядки...».....	78

Первый снег	79
«Все пройдет, пройдет и это...»	80
Первая любовь	81
«Спасательный круг не спасет...»	82
«Сначала мы были, как звезды...»	83
«Если ты умрешь внезапно...»	84
«Последние слезы текут по щекам...»	85
«Слушай, хватит умирать...»	86
«Отложи армаду книжек...»	87
«Две страны, два мира, два...»	88
Белый флаг	89
«Всю жизнь мы ждем чего-то...»	90
Лодка	91
«Тронный зал, во мраке свечи...»	92
На кресте	93
«Как увидеть тебя, как почувствовать свет...»	94

РАССКАЗЫ

Приключения И.И. Сидорова	97
<i>День рождения</i>	97
<i>Кризис</i>	100
<i>Граф Дракула</i>	103
<i>Больничный</i>	105
<i>Падение</i>	109
<i>Исповедь</i>	112
«Мы открылись!»	114
<i>Продажа</i>	117
Как тебя зовут?	120
Дежавю.....	121
«Дружественный» визит	137
Начинающий фантаст	145
Призраки войны.....	150
Сражение.....	154
Зеркало.....	156

СКАЗКИ

Опасный поворот.....	163
Мясорубка.....	167
Мышка	178
Офелия и Лаэрт	182
Портной.....	191

ПРИТЧИ

Фантик	196
Собака и кошка.....	197
Станный человек.....	198
Девушка в окне	200
Два поселения	203
Конец желаниям	205
Звезда	208

Михаил
ГВОЗДЕВ

Я ВЕРЮ

Дизайн и верстка Е. Горковенко
Корректор Е. Анискина

Отпечатано
в ТОО «Издательство
«Северный Казахстан»,
150000, г. Петропавловск,
ул. Кошукова, 5.